

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

MOSCOW UNIVERSITY PSYCHOLOGY BULLETIN

№ 4 • 2018 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Выходит с 1977 г. один раз в три месяца

Published since 1977 once in three months

СОДЕРЖАНИЕ

История психологии

- Семенов И.Н. Социокультурная рефлексия столетнего развития
российской психологической науки: к 100-летию советской
психологии (1918—2018) 4

Эмпирические исследования

- Павлова Е.М., Богачева Н.В. Уровневая организация когнитивных
репрезентаций рисков у врачей и риелторов 32
- Петренко В.Ф., Дедюкина Е.А. Поиск смысла собственного суще-
ствования (на материале восприятия и понимания художе-
ственного фильма) 54
- Синельникова Е.С., Зиновьева Е.В. Историческая память о 90-х
годах XX века в России: психологические аспекты. 74
- Жданова С.Ю., Федотова В.А. Копинг-стратегии как механизмы
адаптации иностранных студентов к условиям российской
образовательной среды 89
- Леонтьев Д.А., Клейн К.Г. Качество мотивации и качество пере-
живаний как характеристики учебной деятельности 106
- Пронина А.С., Григорян Р.К., Каплан А.Я. Движения глаз человека
при наборе текста в интерфейсе мозг-компьютер на основе
потенциала П300: эффект размера стимула и расстояния
между стимулами 120
- Меньшикова Г.Я., Ковалёв А.И. Роль нистагменных движений глаз
в формировании иллюзии движения собственного тела 135

К 115-летию со дня рождения

Алексея Николаевича Леонтьева (1903—1979)

Соленов И.В. Методологический потенциал культурно-деятельностного подхода к изучению измененных состояний сознания (на материале религиозных практик) (окончание) 149

Обзорно-аналитические исследования

Гордеева О.В. Исследования продолжительности эмоций в западной психологии: сколько «живет» радость? 164

Шелина С.Л. О роли организационной составляющей в процессе формирования действий с заданными свойствами 178

Юбилеи

К 100-летию Зои Алексеевны Решетовой. 196

Указатель статей, опубликованных в «Вестнике Московского университета. Серия 14. Психология» в 2018 г. 198

CONTENTS

History of psychology

- Semyonov I.N.* Russian psychology hundred-year development, sociocultural reflection: To the centenary of Soviet psychology (1918—2018) 4

Empirical studies

- Pavlova E.M., Bogacheva N.V.* Level organization of cognitive risk representations among doctors and realtors 32
- Petrenko V.F., Dedyukina E.A.* Search for the meaning of one's own existence (based on the perception and understanding of the film) 54
- Sinelnikova E.S., Zinovjeva E.V.* Historical memory of 90th XX century in Russia: psychological aspects 74
- Zhdanova S.Yu., Fedotova V.A.* Coping strategies as adaptation mechanisms of foreign students to the new requirements of the educational environment 89
- Leontiev D.A., Klein K.G.* The quality of motivation and the quality of experiences as characteristics of learning activity 106
- Pronina A.S., Grigoryan R.K., Kaplan A.Ya.* Objective eye movements during typing in P300 BCI: the effect of stimuli size and spacing . . . 120
- Menshikova G.Ya., Kovalev A.I.* The role of optokinetic nystagmus in vection illusion perception 145

To the 115th anniversary of Alexey Nikolayevich Leontiev (1903—1979)

- Solenov I.V.* Methodological potential of cultural-activity approach in the study of altered states of consciousness (on the basis of religious practices) (the end) 149

Review, analytical studies

- Gordeeva O.V.* Studies of the duration of emotions in western psychology: How long does joy “live”? 164
- Shelina S.L.* The role of the organizational component in learning the actions with posited properties 178

Anniversaries

- To the 100th anniversary of Zoya Alexeevna Reshetova 196

- The Index of articles published in “MOSCOW UNIVERSITY PSYCHOLOGY BULLETIN” in the year 2018 198*

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9.01

doi: 10.11621/vsp.2018.04.04

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕФЛЕКСИЯ СТОЛЕТНЕГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: К 100-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (1918—2018)

И. Н. Семенов

Актуальность. В связи со 100-летием советской психологии представляется актуальным проанализировать историю ее предметно-институционального становления в контексте эволюции российского человекознания, включая его дореволюционные предпосылки и постсоветское развитие.

Цель работы. Краткая характеристика с позиций рефлексивного науковедения и персонологии творчества институций и направлений развития психологии, роли в нем ведущих ученых, а также обобщение их основных достижений, в том числе выражающих уникальное своеобразие советской психологической науки.

Метод. Институционально-предметный и персонологический анализ эволюции российской психологии путем описания эволюции тех учреждений, в рамках которых возникали ее основные научные школы и исследовательские направления, а также осуществлялась научная деятельность их лидеров и участников.

Результаты. В первом разделе статьи очерчен институционально-науковедческий подход к описанию панорамы истории российской психологии. Во втором разделе кратко представлена эволюция ее институций, смена лидеров и взаимодействие созданных ими направлений и школ. В заключение сформулированы выводы в виде обобщения логики развития и основных достижений советской психологии как историко-научных предпосылок дальнейшего становления постсоветской современной психологической науки.

Семенов Игорь Никитович — доктор психологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». *E-mail:* i_samenov@mail.ru

Выводы. Советская психология, отталкивающаяся от дореволюционного человекознания, является закономерным периодом эволюции российской науки и конструктивной предпосылкой развития ее постсоветского этапа. Разработав диалектико-материалистическую методологию подхода к изучению психики, советские ученые построили систему психологического знания с позиций системно-деятельностного подхода и внесли оригинальный вклад в мировую психологическую мысль. Ныне это наследие советской психологии развивается во взаимодействии с ассимиляцией зарубежных достижений в контексте цивилизационных вызовов XXI в.

Ключевые слова: советская психология, философия, история, науковедение, персонология, рефлексия, творчество, культура.

1. Актуальность, задачи, методология и новизна науковедческой рефлексии истории российской психологии

В связи с отмечаемым в 2018 г. психологической общественностью 100-летним юбилеем советской психологии возникает историко-методологическая проблема: каким образом компактно (в рамках журнальной статьи) охарактеризовать ее богатую историю и разнообразные достижения в контексте вековой эволюции отечественного человекознания? Его история подробно и в различных психологических аспектах изучалась в трудах М.В. Соколова (XI—XVIII вв.), Б.Г. Ананьева, Е.А. Будиловой [10], В.В. Большаковой (XIX—начало XX), А.В. Петровского [26], А.А. Смирнова [48], Б.Ф. Ломова [25], Б.С. Братуся [9], В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова [17], Ю.П. Зинченко [18], М.Г. Ярошевского [59] (XX в.), а также характеризовалась в книгах, статьях и учебниках К.А. Абульхановой [1], Л.И. Анцыферовой [22], А.Г. Асмолова [5], С.А. Богданчикова [8], А.В. Брушлинского [1], П.П. Гусельцевой, А.Н. Ждан [16], В.А. Кольцовой [1], А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева [31], Т.Д. Марцинковской, А.А. Никольской, В.В. Рубцова, И.Н. Семенова [41; 43], Е.Е. Соколовой [50], М.А. Степановой, В.В. Умрихина, Д.В. Ушакова, А.В. Юрвича и мн. др. С учетом их достижений обратимся к схематизации науковедческой панорамы истории российского человекознания, чтобы в ее контексте изучить основные вехи, тенденции и логику [42] развития досоветской, советской и постсоветской психологии.

Методология и новизна подобной схематизации заключается в акценте на институционально-предметный и персонологический анализ эволюции российской психологии путем описания эволюции тех учреждений, в рамках которых возникали ее основные научные

школы и исследовательские направления, а также осуществлялась научная деятельность их лидеров и участников. В современной психологии системно взаимодействуют различные научно-методологические ориентации [38; 43], основными среди которых являются: естественно-научная (изучение природы и материального [56] субстрата психики), социально-экономическая (изучение экономического базиса и социальных норм совместной деятельности [57] людей в обществе), гуманитарно-культурологическая (изучение духовных ценностей личности и ее социокультурной [44] самореализации в жизнетворчестве), технико-информационная (изучение когнитивной [37] символизации и трансляции информации как технологий практического освоения бытия человека в мире). В психологии эти ориентации реализуются в разной степени, фокусируясь на исследовании психики соответственно в контексте изучения природы, общества, человека, техники. В настоящей статье доминирующим предметным материалом служат ядерные области психологии, ориентированные на изучение ею психики в контексте развития личности человека и его функционирования в обществе. При этом в анализе истории советской психологии нам приходится неизбежно дистанцироваться от углубленного изучения природного [56] субстрата психики и ее технологического освоения. Ибо ориентация советской психологии на природные механизмы материальных проявлений психики и технологическое освоение их психофизиологических ресурсов [46] обычно квалифицировалась как реализация материализма [10; 22; 53] в психологическом познании. Это не влекло идеологических проблем для властей кроме ими же инспирированных предвоенных репрессивных гонений на психоанализ, педологию и психотехнику [59]. В конце же сталинского правления власти вообще предпочли «физиологизировать» психологию, провозгласив эту идеологическую установку на «Павловской сессии» АН и АМН СССР в 1950 г. Самостоятельность психологии удалось отстоять благодаря научному подвигу Б.М. Теплова (см. о нем [45]). Он создал оригинальную теорию и методологию экспериментального изучения основных свойств нервной системы человека. В этом его поддержали Б.Г. Ананьев, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов и другие психологи.

Важным итогом 70-летней эволюции (1918—1991) советской психологии является формирование историко-научного базиса для дальнейшего развития современного психологического познания. В связи с этим данный юбилейный обзор должен быть дополнен краткой характеристикой ее дореволюционных предпосылок (на-

чало XX в.) и последствий, развернувшихся уже в постсоветской психологии (1992—2018 гг.) как завершающей столетний путь отечественного человекознания. В целях построения компактного, но содержательного обзора истории этого столетнего пути российской психологии выберем рефлексивно-научоведческий подход [43; 45] в виде институционально-предметного анализа ее развития в социокультурных условиях досоветской, советской и постсоветской гражданской истории России с начала XX в. и до начала XXI в. Подобный столетний масштаб необходим для того, чтобы эксплицировать логику развития (подобно изучению мыслительной деятельности [43]) российской психологической науки. При этом важно выявить то уникальное своеобразие, которое характеризует сформировавшуюся в XX в. предметную сущность собственно советской психологии в отличие от других направлений мировой психологической мысли.

Этим определяется структура настоящей статьи, где обобщена институциональная панорама истории направлений российской психологии и кратко представлена персонология их лидеров и оппонентов в бурных конкретно-исторических условиях развития науки и общества нашей страны особенно в XX в. В первом разделе статьи очерчен институционально-научоведческий подход к описанию панорамы истории российской психологии. Во втором разделе кратко представлены эволюция ее институций, смена лидеров и взаимодействие созданных ими направлений и школ. В заключение сформулированы выводы в виде обобщения логики развития и основных достижений советской психологии как историко-научных предпосылок дальнейшего становления постсоветской современной психологической науки.

2. Рефлексия противоречий зарождения и логики развития советской психологии в XX в.

Зарождению советской психологии предшествовали традиции дореволюционного человекознания, где развивались «в борьбе» — согласно марксистской историографии [10] — идеалистическое (т.е. философско-духовное) и материалистическое (т.е. позитивистско-естественно-научное) направления. В канун революции лидерами второго были «естественники» (психоневролог В.М. Бехтерев, зоопсихолог В.А. Вагнер, эволюционист А.Н. Северцов), а выразителями первого — философы (персоналисты Л.М. Лопатин и М.М. Рубинштейн, метафизики В.И. Несмелов и С.Л. Франк, методологи причинности и мотивации свободы воли Н.О. Лосский

и В.В. Зеньковский, феноменологи И.А. Сикорский и Г.Г. Шпет). Сторонниками же сосуществования обоих направлений и даже их опытного взаимодействия были энтузиасты экспериментального эмпиризма в психологии и педагогике и тем самым дуалисты в гносеологии: Н.Н. Ланге, Г.И. Челпанов, А.В. Лазурский, К.Н. Вентцель, П.Ф. Лесгафт, А.П. Нечаев. Как можно видеть по первым книгам (П.О. Эфрусси [58] и Г.И. Челпанова [54а]) по истории психологии советского времени, подобная весьма пестрая панорама философско-теоретического анализа душевных явлений целостного сознания [4] и экспериментального изучения психических процессов в целом (кроме докладов П.П. Блонского, А.Б. Залкинда, К.Н. Корнилова) была еще далека от социально-экономического марксизма с его идеологией классовой борьбы [30] как социокультурного контекста для построения общенаучной методологии средствами диалектического и исторического материализма. Конструктивные средства этой методологии еще только начинали эксплицироваться и разрабатываться после революции марксистски ориентированными философами (Л.И. Аксельрод, А.М. Деборин, Б.Э. Быховский, И.К. Луппол, В. Познер и др.).

На этом разнородном фоне и предстояло ученым в области человекознания (внезапно оказавшимся в совершенно другой, непонятной пока стране с большевистской властью) строить марксистски ориентированную психологическую дисциплину, получившую такое своеобразное название в истории науки XX в., как советская психология. Это оказалось весьма сложной задачей не только из-за методологических сложностей, но также в силу оскудения научно-интеллектуального потенциала страны в первые послереволюционные годы. Ибо одни ученые уехали (В.В. Зеньковский) в эмиграцию, другие (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский) в 1922 г. были принудительно высланы из страны на двух «философских» пароходах, третьи (А.И. Введенский, Г.И. Челпанов) саботировали требуемую властями марксистскую перестройку. Большинство же просто не знали, как именно ее осуществить посредством своей привычной научной деятельности. Лишь приверженцы большевистской власти и энтузиасты построения светлого будущего (П.П. Блонский, А.Б. Залкинд, К.Н. Корнилов) взялись за освоение мало известного марксизма и за построение на его основе новой советской психологии. В связи с этим показательна позиция автора десятка дореволюционных изданий учебников по экспериментальной психологии и книг по проблеме «мозг и психика» Г.И. Челпанова [54а]. Он ратовал за независимое от идеологической конъюнктуры развитие общей психологии и считал, что лишь социальная психология может быть

марксистской. Такая половинчатая позиция, индифферентная к социальному заказу на построение советской марксистской психологической науки, была неприемлема для большевистских властей, уволивших его с поста директора Психологического института в конце 1923 г. В знак протеста вместе с Г.И. Челпановым из института перешли в Государственную академию художественных наук (ГАХН) его сотрудники (Н.И. Жинкин, С.В. Кравков, А.А. Смирнов, Г.Г. Шпет, В.М. Экземплярский и др.), где стали изучать проблемы психологии одаренности и восприятия искусства.

Становление советской психологии первоначально носило искусственный характер инициированного большевистской властью насаждения ставшей господствующей в обществе марксистской идеологии и исключительно материалистического мировоззрения в человекознании. При этом «марксизмизация» и «коммунизация» психологии осуществлялись в процессе борьбы за материалистическую марксистскую психологическую науку с ее традиционным противником в виде идеализма [10] в философии и человекознании. В России до революции материализм в психологии опирался на позитивизм как на одно из методологических направлений (наряду с эмпиризмом, прагматизмом, идеализмом, феноменологией, персонализмом и т.д.) философско-научной методологии. После же революции большевистские власти требовали перестройки [7; 53; 54; 59] человекознания лишь на марксистской основе с целью создания исключительно монистической психологии с опорой на единственно обязательную методологию диалектического и исторического материализма, которая (как было объявлено позднее) являлась философией рабочего класса [27].

Эта перманентная борьба активно продолжалась более полувека. Первые 20 лет прошли в ожесточенных дискуссиях [22] в 1920-е гг. с оппонентами (Г.И. Челпановым [55]). В 1930-е гг. это сопровождалось запретом [59] целых наук (педология, психотехника, психоанализ) и даже человеческими жертвами: покончил с собой Л.С. Сахаров, А.Б. Залкинд умер от разрыва сердца, Г.Г. Шпет погиб в ГУЛАГе, Н.И. Шпильрейн был расстрелян. В 1940-е гг. началось шельмование «отступников» (С.Л. Рубинштейн), погрязших в «космополитизме». Отголоски этой идеологической битвы слышны в 1950-е гг. в указаниях Павловской сессии «физиологизировать» (см.: [45]) психологию, в 1960—1970-е гг. — в стремлении интерпретировать ее развитие не иначе, как «борьбу» с идеализмом [25], а в 1980-е гг. — не забывать о необходимости продолжения борьбы за «диалектически материалистическую» [5; 6] психологию и даже в 1990-е гг. — за развитие марксизма, но уже с «человеческим лицом»

[31]. Однако марксистско-ленинская идеологизация психологии не могла лишить конструктивного значения использования (П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн) диалектического подхода для изучения сложнейшей проблематики развития психики, сознания и деятельности личности.

Сразу после революции большевистские требования революционно [53] и быстро построить марксистскую психологию не могли быть реализованы по конкретно-историческим обстоятельствам. Ибо первые пять лет (1918—1923 гг.) — это период установления советской власти в боях гражданской войны. Поэтому в то время в психологии наряду с нарождающимся марксистским ориентированным (П.П. Блонский [8], А.Б. Залкинд [16а]) материалистическим подходом (К.Н. Корнилов [49]) по инерции существовали прежние, дореволюционные направления, в том числе идеалистические (С.А. Алексеев [3], С.Л. Франк [52]), персонологические (Л.М. Лопатин, М.М. Рубинштейн), феноменологические (Г.Г. Шпет), психоаналитические (А.Р. Лурия, С.И. Шпильрейн), психоневрологические (В.М. Бехтерев, В.Н. Мясищев) и позитивистские (Г.И. Челпанов [54а; 55], А.П. Нечаев).

Важно иметь в виду, что в начале 1920-х гг. имплицитно содержащаяся в классических экономико-политических трудах (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин) социальная философия марксизма пока еще не достигла того конструктивного уровня общенаучной методологии (несмотря на оригинальные разработки А.А. Богдановым «тектологии как всеобщей организационной науки»), который позволял бы ее продуктивно применять для построения новой материалистической психологии. Предстоял еще долгий путь масштабного перевода (с немецкого языка) и кропотливого толкования трудов классиков марксизма с тем, чтобы на базе их интерпретации не только разработать конструктивную методологию диалектического (для естествознания) и исторического (для обществознания) материализма, но и адекватно ее использовать (в человекознании) для построения советской марксистской психологии.

В связи с этим возникает важная методологическая проблема датировки начала советской психологии. Если говорить о ней лишь как о психологии советского времени, то хронологически она вроде бы началась вместе с возникновением советской власти большевиков. Однако ее идеологическим требованиям — к материализму и марксизму в изучении психики — на рубеже 1917—1918 гг. не отвечали психологические исследования и публикации. В отечественной историографии началом советской психологии традиционно счи-

тается 1923 г. Тогда на Первом психоневрологическом съезде [58] К.Н. Корнилов выступил с докладом «Психология и марксизм». На эту тему под его редакцией в 1923—1925 гг. вышли три сборника сотрудииков руководимого им Института психологии.

Однако К.Н. Корнилов лишь осваивал в своем материалистическом проекте «реактологии» новаторскую инициативу П.П. Блонского (в юности участвовавшего в революционных бунтах) о необходимости «марксизации» психологии и педагогики. В нашей историографии явно недооценивается [8] ведущая роль П.П. Блонского (см. о нем [35]) в создании советской психологии. Ибо философ, психолог, педолог и популярнейший педагог П.П. Блонский еще в 1919 г. выдвинул план марксистской «реформы науки» и начал его реализацию в ряде изданий в 1921—1925 гг. очерков по научной психологии, а также сформулировал задачи марксистской перестройки [7] человекознания и педагогики. Социокультурным контекстом для этого послужило создание им совместно с Н.К. Крупской Академии социалистического (позднее коммунистического) воспитания (АКВ, 1919—1935 гг.) для обучения революционных кадров. В качестве председателя и профессора АКВ (до 1931 г.) П.П. Блонский организовал преподавание и психолого-педологические исследования с материалистической ориентацией на базе применения принципов философии марксизма для изучения поведения и деятельности человека в природной и социокультурной среде. Обобщение и обоснование этих исследований в ряде изданий 1921—1925 гг. по научным основам психологии, педологии, педагогики и составило фактически первый корпус книг, отвечающих требованиям властей относительно создания советской марксистской психологии. Однако из-за туберкулеза (и позднее ампутации легкого) П.П. Блонский был вынужден свернуть бурную научно-организационную работу в АКВ. Несмотря на это, он продолжал вести (до 1940 г.) в своей лаборатории в Институте психологии глубокие теоретико-экспериментальные исследования (полемизируя с Л.С. Выготским. См. о нем: [45]) по изучению развития памяти и мышления школьников с применением диалектико-материалистических принципов марксистской методологии. Важно подчеркнуть, что этот новаторский опыт П.П. Блонского (наряду с трудами М.Я. Басова, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, С.Г. Геллерштейна, Н.И. Шпильрейна и др.) позволил далее С.Л. Рубинштейну приступить в середине 1930-х гг. к построению системы советской психологии на конструктивной основе философии марксизма.

В начале же 1920-х гг. эта идеологически намечаемая реформа стремилась найти научную опору в различных материалистических

направлениях тогдашней современной психологии: как зарубежных (бихевиоризм, психоанализ), так и отечественных (психоневрология, рефлексология). Эклектическое объединение их различных фрагментов приводит К.Н. Корнилова к механистическому созданию «реактологии» [49], которая выглядит для властей заманчивой программой построения на марксистской основе новой материалистической психологии. В контексте этой перспективы основатель Психологического института Г.И. Челпанов увольняется с поста директора (из-за нежелания перестраивать научную работу на марксистской основе), а вместо него в конце 1923 г. назначается его бывший ученик К.Н. Корнилов. Под его редакцией вскоре издаются три сборника под многообещающим названием «Современная психология и марксизм» [49] при участии поступившего в 1924 г. в институт молодого психолога из Гомеля Л.С. Выготского. Он быстро стал лидером (для А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьева, Л.С. Сахарова, Л.В. Занкова и др.) в построении культурно-исторической теории развития (в новой психологии) высших психических функций и их распада (в новой дефектологии). Именно Л.С. Выготский для изучения мышления и речи мастерски применил диалектический метод в человекознании (наряду с другими современными ему подходами). Это позволяет считать Л.С. Выготского [11] и частично оппонировавшего ему П.П. Блонского [7] (разочаровавшегося в педологии и глубоко диалектически изучавшего развитие памяти и мышления) зачинателями советской марксистской психологии. Позднее С.Л. Рубинштейн [33; 34] и А.Н. Леонтьев [23; 24] стали ее основателями, А.А. Смирнов [48], Б.М. Теплов (см. о нем: [45]), Б.Г. Ананьев [4], А.В. Петровский [30], Б.Ф. Ломов [25] — разработчиками и систематизаторами, а П.К. Анохин, П.Я. Гальперин [12], В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко [17], А.Р. Лурия, Н.Ф. Талызина, О.К. Тихомиров, В.Д. Шадриков, Д.Б. Эльконин и др. — теоретико-экспериментальными реализаторами в исследовательской и практической советской психологии.

В середине 1920-х гг. от институционального лидера нарождавшейся советской психологии К.Н. Корнилова [49] не отстают руководители других направлений человекознания, издавая свои сборники в аналогичном промарксистском жанре [6; 32; 51; 53; 54; 55]. Это помогло в Ленинграде продолжить научную деятельность Психоневрологическому институту, который после смерти в 1927 г. его создателя стал называться Институтом психоневрологии мозга им. В.М. Бехтерева (где в 1930-е г. работали В.Н. Мясищев и Б.Г. Ананьев). Хотя в 1929 г. К.Н. Корнилову удалось даже издать учебник по психологии «с точки зрения диалектического материализма»,

все же его механистическая реактология не смогла стать базой для дальнейшего развития психологической науки. Поэтому в начале 1930-х гг. А.Б. Залкинд стал новым директором переименованного Института психологии, педологии, психотехники.

Марксистской психологии, продолжающей бороться с идеализмом (его оплотом власти считали закрытую в 1931 г. ГАХН), опять не повезло. Ибо на смену реактологическому механицизму К.Н. Корнилова пришла механистическая педологическая стратегия А.Б. Залкинда. В ее контексте общепсихологические и психолого-педагогические исследования в русле культурно-исторической научной школы Л.С. Выготского [11] оказались бесперспективными. Из-за этого его соратники А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев [23; 24] покинули институт. Последний в 1932 г. уехал в Харьков, где в Украинской психоневрологической академии начал организацию своей харьковской школы изучения процессов деятельности с В.И. Асниним, Л.И. Божович, П.Я. Гальпериним, А.В. Запорожцем, П.И. Зинченко, Г.Д. Луковым и др.). Скончавшийся в 1934 г. гениальный психолог, культуролог, филолог, дефектолог Л.С. Выготский не дожил двух лет до случившейся с советской психологией идеологической катастрофы. Ибо в 1936 г. постановлениями [59] ЦК компартии были запрещены два ее прикладных направления — педология и психотехника. Книги и учебники по этой тематике М.Я. Басова, П.П. Блонского, Л.С. Выготского, А.Б. Залкинда, Н.Д. Левитова, Н.И. Шпильрейна и др. были изъяты и сданы в спецхран, что затормозило развитие прикладной советской психологии (вплоть до середины 1950-х гг.).

В 1930-е гг. переехавший из Одессы в Ленинград философ, психолог, библиограф, педагог С.Л. Рубинштейн штудировал философию К. Маркса, завершая анализ и систематизацию психологической науки первой трети XX в. В результате в 1935 г. он опубликовал фундаментальный учебник по основам психологии, где с марксистских позиций выдвинул ряд ее основополагающих принципов (рефлекторность, развитие, деятельность, сознание и т.д.). В 1940 г. он обосновал эти принципы в капитальном учебнике по основам общей психологии, который уже во время войны в 1943 г. был награжден Сталинской премией по науке и технике. Таким образом, С.Л. Рубинштейн представил систему советской психологической науки, основанную на марксистской философии и диалектической методологии. Это получило в СССР официальный статус, закрепленный его назначением на руководящие должности. В 1942 г. он стал заведующим вновь открытой кафедры психологии МГУ, директором Психологического института; в 1943 г. избран членом-корреспондентом АН СССР и в 1945 г. академиком АПН РСФСР. В 1945 г. перешел

в Институт философии АН СССР, где стал заместителем директора по науке и создал сектор философских проблем психологии. При этом он организовал издание в МГУ [37] двух сборников фундаментальных и прикладных исследований по изучению движений и восстановлению психофизиологических функций после ранений (А.Н. Леонтьев и А.В. Запорожец). Это явилось одной из экспериментальных верификаций в советской психологии принципа деятельности. В 1946 г. С.Л. Рубинштейн опубликовал второе расширенное издание учебника по основам общей психологии (дополнив его новыми опытными данными и углубленными теоретическими положениями), а в связи юбилеем АН СССР обобщил [34] достижения советской психологии в изучении сознания.

Несмотря на все эти фундаментальные и карьерные достижения, С.Л. Рубинштейна не миновала одна из последних волн сталинских репрессий на рубеже 1940—1950-х гг. Ему было инкриминировано преклонение перед западной наукой, он был ошельмован как «космополит» и снят со всех постов. Лишь должность профессора кафедры психологии МГУ отстояли для него новые ее заведующие Б.М. Теплов и А.Н. Леонтьев (см. о них [40; 45]). После 1956 г. С.Л. Рубинштейн на кафедре в МГУ и в секторе Института философии АН вновь развернул теоретико-экспериментальные исследования в созданной им научной школе [1] (К.А. Абульханова, Л.И. Анциферова, В.Г. Асеев, Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Е.П. Криччик, А.М. Матюшкин, В.Н. Пушкин, М.Г. Ярошевский и др.). После XX съезда компартии (осудившего в 1956 г. культ личности И.В. Сталина и проходившие при нем репрессии [59]) С.Л. Рубинштейн восстановился в должности заведующего сектором в ИФ АН СССР и опубликовал ряд книг по проблемам бытия и сознания, мышления и принципам развития психологии. Посмертно (с 1973 г.) издаются его фундаментальные философско-психологические труды о человеке и мире. В них он в методологическом плане выходит на метадеятельностную онтологию психики (изучаемую в XXI в. А.В. Карповым [21]), выстраивая ее не только с марксистских, но также и с экзистенциально-культурологических и рефлексивно-смысловых (см.: [46]) позиций. Таким образом, в конце жизнетворчества С.Л. Рубинштейн оригинально разрешил интересовавшие его еще с юности философские проблемы, психологические ответы на которые он искал, учась в начале 1910-х гг. в научной школе неокантианства (у Г. Когена, Э. Кассирера, П. Наторпа), дискутируя в 1920-е гг. в Одесском университете с Н.Н. Ланге и в 1930-е гг. в Ленинграде и Москве — с М.Я. Басовым, Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым.

Именно А.Н. Леонтьев, развивая с марксистских позиций [23] культурно-исторический подход в школе Л.С. Выготского (с А.Р. Лурия, Л.С. Сахаровым, Б.В. Зейгарник, Ж.И. Шиф, Д.Б. Эль-кониним и др.), развернул в МГУ в 1950—1970-е гг. — на основе разрабатываемой им эволюционно-деятельностной концепции развития психики — множество оригинальных теоретико-экспериментальных исследований различных психических процессов в созданной им крупнейшей в стране общепсихологической научной школе (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Л.И. Божович, П.Я. Гальперин, Ю.Б. Гиппенрейтер, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, В.А. Иванников, Ю.В. Котелова, А.А. Леонтьев, О.В. Овчинникова, В.А. Петровский, Я.А. Пономарев, И.Н. Семенов, С.Д. Смирнов, Ю.К. Стрелков, О.К. Тихомиров и др.).

Психолого-педагогическая операционализация этого деятельностного подхода была эффективно разработана П.Я. Гальпериным [12] путем построения в 1950-е гг. фундаментальной концепции об ориентировке как предмете психологии. На этой теоретической основе он в 1960-е гг. разработал оригинальную систему психотехнологий поэтапно-планомерного формирования умственных действий и понятий. Эти психолого-педагогические принципы и методы были реализованы в 1970—1980-х гг. его научной школой [17] (Н.Ф. Талызина, З.А. Решетова, В.В. Давыдов, Н.Н. Костюков, Н.Н. Нечаев, Л.Ф. Обухова, А.И. Подольский и др.) на всех основных ступенях современного непрерывного образования: дошкольного (С.Н. Карпова, Н.Н. Поддьяков), школьного (Л.И. Айдарова, Н.Г. Салмина, В.П. Сохина), высшего (И.А. Володарская, Т.В. Табай, И.И. Ильясов, Н.А. Подгорецкая) и профессионального (А.Ф. Ануфриев, И.П. Калошина, И.Н. Семенов, В.И. Черненилов).

Эффективная практическая реализация деятельностной концепции А.Н. Леонтьева осуществлена также его учеником О.К. Тихомировым. Он построил в МГУ в 1970-е гг. общепсихологическую теорию эмоционально-смысловой регуляции мыслительной деятельности и эвристического принятия решений. На этой концептуальной основе в его научной школе [17] в МГУ и Институте психологии АН СССР (ИП РАН) в 1980—1990-е гг. разработаны психотехнологии автоматизации научной деятельности, компьютеризации умственного труда, автоматизированного управления и профессионального обучения.

Помимо этого в научной школе сына А.Н. Леонтьева — психолога, филолога, лингвиста и педагога А.А. Леонтьева [17] в 1970-е гг. разработан психолингвистический вариант концепции деятельности. Он был реализован на рубеже XX—XXI вв. в оригинальной

«педагогике смысла», созвучной современной проблематике гуманизации образования. Наконец, внук А.Н. Леонтьева — общий психолог Д.А. Леонтьев в 1990-е гг. построил в МГУ оригинальную культурно-деятельностную концепцию развития смысловой сферы личности. В начале XXI в. он на основе этой концепции разработал психотехнологии ее экспериментальной верификации в созданной им научной школе, организованной в департаменте психологии Национального университета «Высшая школа экономики».

Тем самым в начале XXI в. были конструктивно реализованы и оригинально развиты экзистенциально-культурологические интенции, заложенные еще в 1975 г. А.Н. Леонтьевым в его последнем фундаментальном труде о взаимосвязи деятельности, сознания и личности человека, выстраивающего свой образ мира и стиль самореализации себя в нем. Таким образом, присущие классическому марксизму как деятельностные онтологемы, так и экзистенциальные аксиологемы оказались созвучны гуманистическим интенциям современной психологической науки начала XXI в. Разумеется, формирование в условиях идеологического прессинга [56] середины XX в. столь фундаментальной концепции деятельности в контексте необходимости ориентации лишь на господствующую в стране философию марксизма не могло не сказаться на некоторых противоречиях, эксплицированных [13] через четверть века после завершения ее обобщения самим автором.

Однако в методологическом аспекте важно подчеркнуть, что имевший место при этом обобщении (равно как и при развитии его последователями [16]) онтологический выход за рамки парадигмы деятельности в анализ ее метаплана является точкой творческого роста культурно-деятельностной традиции. Этот рост осуществлен за счет конструктивного привлечения — согласно методологическому принципу дополнительности — к деятельностному подходу интенсивно развиваемых ныне метасистемных [21] подходов, таких, как рефлексивно-смысловой [46], экзистенциально-психотерапевтический, инженерно-эргономический [38], ресурсно-акмеологический [15], субъектно-творческий [1], индивидуально-персонологический [2; 45], инновационно-культурологический [5], религиозно-духовный [9] и т.д. Их метасистемная интеграция создает трансдисциплинарную базу современного человекознания, которое продуктивно наследует традиции и достижения советской психологии как неотъемлемого звена истории российского человекознания и оригинального направления мировой философско-психологической мысли XX столетия.

3. Значение и перспективы развития российской психологической науки

К фундаментальным общепсихологическим достижениям 100-летнего развития российского человекознания относятся: психоневрология и рефлексология В.М. Бехтерева, типология характера личности А.В. Лазурского, концепция пространственного восприятия Г.И. Челпанова, философско-психологическое учение об интуитивном мышлении Н.О. Лосского, концепция смысла жизни личности М.М. Рубинштейна, психология изобретательства и творчества И.И. Лапшина, феноменологическая этнопсихология Г.Г. Шпета, концепция развития памяти и мышления П.П. Блонского, теория отношений и «психагогики» В.Н. Мясищева, концепция одаренности «ума полководца» и дифференциальная психофизиология музыкального творчества и общих способностей Б.М. Теплова, философско-психологическая система сознания и деятельности человека в мире С.Л. Рубинштейна, субъектно-деятельностная психология личности К.А. Абульхановой, субъектно-деятельностная концепция мышления и воображения А.В. Брушлинского, культурно-историческая теория развития психики и психологии искусства Л.С. Выготского, нейропсихолингвистика А.Р. Лурия, концепция психолингвистики «деятельного ума» и педагогики смысла А.А. Леонтьева, позитивная психология смысла Д.А. Леонтьева, психология и педагогика смысла жизни и нравственности В.Э. Чудновского, концепция ценностно-смыслового развития целостной индивидуальности человека Н.И. Непомнящей, философско-психологическая система психогенеза сознания и предметной деятельности личности А.Н. Леонтьева, концепция ориентировки как предмета психологии и планомерного формирования умственных действий П.Я. Гальперина, концепция теоретического мышления и развивающего обучения В.В. Давыдова, патопсихология мышления и личности Б.В. Зейгарник, концепция психосексологии телесности Ю.П. Зинченко, философско-психологическая концепция интуиции и творчества Я.А. Пономарева, культурно-деятельностная психология сознания и творческого акта В.П. Зинченко, деятельностно-смысловая концепция структуры мышления и его компьютеризации О.К. Тихомирова, методология комплексного человекознания Б.Г. Ананьева, общая и системно-инженерная психология регуляции психики Б.Ф. Ломова, концепция системогенеза психических процессов Л.М. Веккера, психология социально-коммуникативной перцепции и акмеология формирования выдающихся личностей А.А. Бодалева, концепция психогенетики И.В. Равич-Щербо, диф-

ференциально-интеграционная концепция когнитивного развития человека Н.И. Чуприковой, системодетельностная концепция соционормативного мышления и рефлексивного понимания Г.П. Щедровицкого, системно-детельностная концепция проектирования развития рефлексивного мышления Н.Г. Алексева, психолого-кибернетическая концепция рефлексивного противоборства В.А. Лефевра, синергетическая концепция рефлексивно-информационного управления В.Е. Лепского, концепция системодетельности и профессиональных способностей В.Д. Шадрикова, психология социального познания Г.М. Андреевой, социально-педагогическая психология коллективной деятельности и развития личности А.В. Петровского, концепция культурно-детельностного развития личности в образовании А.Г. Асмолова, социальная психология научного творчества и категориальной структуры теоретической психологии М.Г. Ярошевского, психология творческой инициативы и одаренности Д.Б. Богоявленской, концепция индивидуальных стилей трудовой деятельности и типологии профессий Е.А. Климова, концепция стилей и механизмов развития интеллекта М.А. Холодной, психология структурно-уровневого развития интеллекта и одаренности Д.В. Ушакова, концепция психологии и методологии социальных явлений и научной деятельности А.В. Юревича, концепция надситуативной активности и персонологизации человека В.А. Петровского, акмеология профессионального мастерства и управленческой деятельности А.А. Деркача, концепция психологической службы образования и преподавания психологии в школе И.В. Дубровиной, концепция социально-экономической психологии управления А.Л. Журавлева, психология развития аномальной личности и концепция христианской психологии нравственности Б.С. Братуся, концепция развития научных школ в истории российской психологии А.Н. Ждан, концепция дискуссионно-диалогического развития истории и методологии советской психологии В.А. Кольцовой и многие другие.

Фундаментальные и прикладные достижения постсоветской психологии отражены в научных журналах, индивидуальных и коллективных монографиях, а также в многотомных серийных изданиях: ИП РАН под редакцией А.В. Брушлинского [1] и А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, Д.В. Ушакова, А.В. Юревича («Развитие психологии в системе комплексного человекознания», «Теория, методология и история психологии», «Научные школы ИП РАН» и др.), МГУ под редакцией Б.С. Братуся («Основы общей психологии») и ряд хрестоматий и учебников, НИУ ВШЭ под редакцией В.Д. Шадрикова («Психология индивидуальности» [2]

и др.), МГППУ под редакцией В.В. Рубцова и М.Г. Ярошевского («Московская психологическая школа: история и современность», «Выдающиеся психологи Москвы» и др.), в МПСУ под редакцией Д.И. Фельдштейна 70-томного издания «Психологи отечества». Системным обобщением истории и современного состояния мировой и российской психологии является созданное под общей редакцией первого Президента РАО А.В. Петровского 7-томное энциклопедическое издание в 2005—2007 гг. «Психологического лексикона» по основным областям психологического знания, что служит важной историко-научной предпосылкой его дальнейшего развития в социокультурной перспективе XXI века.

Эти и другие концепции отечественного человекознания и достижения советской психологии подробно представлены в обобщающих коллективных трудах, изданных под редакцией ее лидеров [1; 2; 4; 5; 6; 7; 9; 11; 12; 15; 16; 17; 18; 19; 21; 22; 24; 25; 26; 28; 29; 30; 31; 34; 48; 49; 55; 56; 59 и др.]. Некоторые из этих достижений охарактеризованы нами [35; 37; 38; 39; 42; 43; 44; 46] при рефлексивно-персонологическом [40; 45; 47] изучении научного творчества и школ человекознания, в том числе созданных рядом выдающихся российских философов (А.А. Богданов, А.А. Зиновьев, В.М. Розин, Э.Г. Юдин), методологов (Н.Г. Алексеев, И.С. Ладенко, В.А. Лефевр, Г.П. Щедровицкий), психофизиологов (В.М. Бехтерев, Н.Я. Пэрна, Б.М. Теплов), психологов (А.В. Брушлинский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.М. Матюшкин, Л.Ф. Обухова, Я.А. Пономарев, О.К. Тихомиров, В.Д. Шадриков, П.А. Шеварев), эргономистов (В.П. Зинченко, В.М. Мунипов), акмеологов (В.Г. Асеев, А.А. Бодалев, А.А. Деркач), педагогов (П.П. Блонский, К.Н. Вентцель, Н.Ф. Талызина), историков психологии (А.Н. Ждан, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский), а также в цикле историко-научно-педагогических статей, в том числе опубликованных в 3-м издании Большой советской энциклопедии [35] и в российских журналах: «Акмеология», «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология», «Вопросы методологии», «Инновационная деятельность в образовании», «Кентавр (Методологический и игротехнический альманах)», «Культурно-историческая психология», «Мир психологии», «Развитие личности», «Психологический журнал», «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования», «Человек» и в других периодических изданиях и научных сборниках.

Ряд из них посвящен философско-психологической проблематике [41; 47]. Начало ее обсуждению в российском человекознании было положено еще во время Серебряного века [44]

русской культуры. Лишь по инерции эти «штудии» эпизодически продолжались в советское время в 1920-е гг. (В.Н. Ивановский, А.Ф. Лосев, М.М. Рубинштейн, Г.Г. Шпет, Г.И. Челпанов). Они вновь возродились уже в 1950—1980-е гг. (П.П. Аверинцев, М.М. Бахтин, В.С. Библер, М.К. Мамардашвили, С.Л. Рубинштейн), в том числе в контексте неомарксизма (А.С. Арсеньев, Г.С. Батищев, Э.В. Ильенков, В.А. Лекторский, Ф.Т. Михайлов, А.П. Огурцов, В.М. Розин, В.Н. Садовский, В.С. Швырев, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин). Это оказало конструктивное воздействие на философское обоснование трудов конца XX в. по теоретической психологии (К.А. Абульханова, Н.Г. Алексеев, Л.И. Анциферова, А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, А.В. Брушлинский, Ф.Е. Василюк, П.Я. Гальперин, П.П. Гусельцева, В.В. Давыдов, А.А. Деркач, А.Н. Ждан, А.Л. Журавлев, В.П. Зинченко, Ю.П. Зинченко, А.В. Карпов, В.А. Кольцова, В.Т. Кудрявцев, В.Е. Лепский, Т.Д. Марцинковская, В.С. Мухина, Н.И. Непомнящая, В.Ф. Петренко, А.В. Петровский, В.А. Петровский, Я.А. Пономарев, А.А. Пузырей, И.Н. Семенов, В.И. Слободчиков, Д.В. Ушаков, В.Д. Шадриков, А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский и др.). В их трудах были отражены и обобщены основные фундаментальные достижения советской психологии.

Интерес к достижениям российской психологии и особенно к культурно-деятельностной проблематике проявляют не только отечественные ученые [1; 2; 5; 6; 9; 12; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 24; 25; 26; 28; 29; 30; 31; 34; 43; 44; 48; 55; 57; 58; 60; 61], но ими интересуются и за рубежом [14; 60; 61; 62; 64]. Важно подчеркнуть, что основополагающие труды Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия по психологии развития и С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова по деятельности и ее формированию десятки раз переводились на иностранные языки, а их анализу посвящены на рубеже XX—XXI вв. международные конгрессы, конференции и обзорно-аналитические книги в Англии, Германии, Голландии, США, Финляндии и других странах. Так, в фундаментальной монографии немецкого ученого Вольфгарта Маттеуса «Советская психология мышления» [60] помимо анализа классических трудов (П.П. Блонский, Л.С. Выготский, Г.С. Костюк, Т.В. Кудрявцев, А.М. Матюшкин, Ю.А. Самарин, А.Н. Соколов, Б.М. Теплов) ряд разделов посвящен достижениям деятельностного и системного подходов в изучении интеллекта (Н.Г. Алексеев, А.Г. Альтшуллер, А.В. Брушлинский, Л.М. Веккер, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.М. Матюшкин, Я.А. Пономарев, В.Н. Пушкин, С.Л. Рубинштейн, И.Н. Семенов, О.К. Тихомиров, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин и др.).

Важно подчеркнуть, что ряд фундаментальных исследований процессов деятельности в советской психологии способствовал изучению деятельностной проблематики в других областях российского человекознания: социологии, культурологии, лингвистике, юриспруденции, педагогике, философии. Одним из первых таких прецедентов воздействия на философию методологической рефлексии над опытом изучения деятельности в человекознании и психологии стал сформированный крупным системным философем Э.Г. Юдиным знаменитый сборник «Методологические проблемы исследования деятельности» [36], изданный под его редакцией (с В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьевым, В.М. Муниповым) в 1976 г. в серии «Эргономика. Труды ВНИИ Технической эстетики. Вып. 10». Некоторые статьи этого сборника были переведены в США [62]. Эта книга вызвала ряд положительных рецензий, в том числе в журнале «Вопросы философии». В этом междисциплинарном сборнике видные советские философы (А.П. Огурцов, В.С. Швырев, Э.Г. Юдин), политологи (Н.К. Кристостурьян), социологи (П.П. Наумова, П.П. Новикова), психологи (В.П. Зинченко, И.Н. Семенов [36]), эргономисты (В.М. Мунипов и др.) провели методологический анализ различных концепций деятельности, обсудили тенденции и проблемы их междисциплинарного взаимодействия и наметили перспективы ее дальнейшего изучения. Еще одним прецедентом стало организованное крупнейшим отечественным методологом Г.П. Щедровицким обсуждение на заседаниях созданного им Московского методологического кружка (ММК) концепции формирования умственных действий П.Я. Гальперина [12], которая представляет собой оригинальную операционализацию деятельностного подхода и является одним из выдающихся вкладов советской психологии в мировую психологическую науку. В академической психологии конструктивным применением философии человекознания (Б.Г. Ананьев), деятельностного (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев) и системного (П.К. Анохин, В.П. Кузьмин, В.Н. Садовский) подходов явилась концепция регуляции психических процессов Б.Ф. Ломова и ее прикладная реализация в инженерной психологии (В.Ф. Венда, Д.Н. Завалишина, В.Ф. Рубахин и др.), а также концепция автоматизации умственного труда О.К. Тихомирова, который предложил теорию эмоционально-смысловой регуляции мышления исходя из культурно-деятельностной традиции Л.С. Выготского—А.Р. Лурия—А.Н. Леонтьева.

В развитие этих и других прецедентов сотрудничества философов (В.А. Лекторский, И.С. Ладенко, В.А. Лефевр, М.К. Мамардашвили, А.П. Огурцов, В.Н. Садовский, А.Г. Спиркин, В.С. Швырев,

П.Г. Щедровицкий, Э.Г. Юдин) и психологов в дальнейшем вышел ряд сборников и книг под редакцией ведущих специалистов в области человекознания (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, А.А. Деркач, В.П. Зинченко, А.В. Карпов, А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Я.А. Пonomарев, В.В. Рубцов, И.Н. Семенов, В.И. Слободчиков, Д.В. Ушаков, Б.Г. Юдин, А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский и др.) с методологическим обсуждением и изучением различных философских, психологических и педагогических проблем эволюции и формирования психики, сознания, поведения, деятельности личности в современной науке и социальной практике, что составляет одну из конструктивных перспектив дальнейшего развития современного человекознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А., Анциферова Л.И., Кольцова В.А. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: ИП РАН, 1997.

2. Абульханова К.А., Лэнгле А., Семенов И.Н. Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.; Воронеж: МОДЭК, 2009.

3. Алексеев С.А. Сознание как целое: Психологическое понятие личности. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1918.

4. Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. 1931. Т. IV. Вып. 3—4. С. 325—344.

5. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО МОДЭК, 1996.

6. Бехтерев В.М. Психология, рефлексология и марксизм. Л.: Изд-во Гос. рефлексол. ин-та по изучению мозга, 1925.

7. Блонский П.П. Марксизм как метод решения педагогических проблем // Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения: В 2 т. М.: Педагогика, 1979. Т. 1. С. 181—186.

8. Богданчиков С.А. Советская исследовательская и практическая психология 1920—1930-х годов // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во ИП РАН, 2015. С. 337—384.

9. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение. М.: МПСУ; Флинта, 2000.

10. Будилова Е.А. Борьба материализма и идеализма в русской психологии (Вторая половина XIX — начало XX вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960.

11. Выготский Л.С. На перекрестках советской и зарубежной педагогики // Вопросы дефектологии. 1928. № 1. С. 18—26.

12. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследование мышления в советской психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1966. С. 236—277.
13. Гордеева О.В. Последствия методологической ориентации на марксизм при изучении сознания (на материале работ А.Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 56—71.
14. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. яз. М.: Политиздат, 1991.
15. Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М.: РАГС, 2005.
16. Ждан А.Н. (ред.-сост.). Российская психология: Антология. М.: Академический проект; Альма-матер, 2011.
- 16а. Залкинд А.Б. Марксизм и психология: Доклад на I Всероссийском психоневрологическом съезде // Очерки культуры революционного времени. М., 1924. С. 70—73.
17. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Трифола, 1994.
18. Зинченко Ю.П. Теоретико-методологические основания психологических исследований: детерминация и социальное значение. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
19. Значение идей А.Н. Леонтьева для марксистской социальной психологии / Под ред. Г.М. Андреевой. М.: Педагогика, 1983.
20. История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России / Под ред. Т.В. Корниловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
21. Карпов А.В. Психологии деятельности: В 5 т. Т. 1. Метасистемный подход. М.: Изд-во РАО, 2015.
22. Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анциферовой. М.: Наука, 1988.
23. Леонтьев А.Н. Проблемы диалектического метода в психологии памяти // Вопросы марксистской педагогики. Вып. 1. Исследования по педагогике психологии педологии. М.: АКВ, 1929. С. 204—210.
24. Леонтьев А.Н. Борьба за проблему сознания в становлении советской психологии // Вопросы психологии. 1967. № 2. С. 14—22.
25. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
26. Петровский А.В. Психология в СССР: История и современность. М.: Просвещение, 1990.
27. Познер В. Диалектический материализм — философия пролетариата. М.; Л.: Соцэкгиз, 1933.
28. Проблема деятельности в советской психологии: Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов СССР: В 2 ч. / Под ред. Н.А. Менчинской. М.: Изд-во АПН СССР, 1977.
29. Проблемы способностей в советской психологии / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во АПН СССР, 1984.
30. Психологическая наука в СССР: В 2 т. / Под ред. Б.Г. Ананьева и др. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959—1960.

31. Психология и марксизм. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева и В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997.

32. Рейснер М.А. Проблемы психологии в теории исторического материализма // Вестник социалистической академии. 1923. Кн. 3. С. 210—255.

33. Рубинштейн С.Л. Проблема развития // В борьбе за марксистскую педологию: Дискуссия по работам проф. М.Я. Басова 25—29 марта 1931 г. / Под ред. В.И. Капустина, М.А. Левиной. Л.: Учпедгиз, 1931. С. 26—28.

34. Рубинштейн С.Л. Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии // Ученые записки МГУ. Вып. 90: Психология. Движение и деятельность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1945. С. 6—21.

35. Семенов И.Н. Бехтерев Владимир Михайлович. Блонский Павел Петрович. Выготский Лев Семенович. Душа. Индивидуальность // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: СЭ, 1970—1972.

36. Семенов И.Н. Опыт деятельностного подхода к экспериментально-психологическому исследованию мышления на материале решения творческих задач // Методологические проблемы исследования деятельности. Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 10 / Под ред. В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьева, В.М. Мунипова, Э.Г. Юдина. М.: ВНИИТЭ, 1976. С. 148—188.

37. Семенов И.Н. Современная советская психологии мышления: панорама фундаментальных достижений // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 6. С. 160—162.

38. Семенов И.Н. Останкинская методологическая школа концептуальных схем деятельности в психологии и эргономике // Методологические концепции и школы в СССР (1951—1991): В 3 ч. Ч. 2 / Под ред. И.С. Ладенко, В.В. Давыдова, И.Н. Семенова. Новосибирск: Экор, 1992. С. 50—67.

39. Семенов И.Н. Логика развития теории деятельности в гуманитаристике и проблемы гуманизации профессионального образования // Проблемы интеграции естественно-научного и гуманитарного знания / Под ред. С.В. Дмитриева. Нижний Новгород: НГПУ, 1997.

40. Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн: известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнетворчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 63—89.

41. Семенов И.Н. Экзистенциально-культуральная рефлексия во взаимодействии художественного и научного творчества в культуре Серебряного века // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. Серия: Научные школы ИП РАН / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2011. С. 606—624.

42. Семенов И.Н. Кафедра общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова как колыбель профессионального психологического образования и исследований рефлексии // Психология. Историко-научные обзоры и современные исследования. 2012. № 5—6. С. 112—133.

43. Семенов И.Н. Системодетельностная методология и рефлексивная психология мышления. М.: Аналитика Родис, 2014.

44. Семенов И.Н. Взаимодействие исследовательской психологии и практического человекознания в изучении и развитии рефлексивно-творческого

мышления и личности // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Ид-во ИП РАН, 2015. С. 416—464.

45. Семенов И.Н. Методологическая рефлексия параллелей развития научного творчества и школ Л.С. Выготского, Б.М. Теплова, Г.И. Челпанова // Челпановские чтения 2016: Альманах научного архива Психологического института. СПб: Нестор-История, 2016. С. 145—157.

46. Семенов И.Н. Философско-антропологическая проблематика рефлексивной психологии смысла в российском человекознании // Мир психологии. 2017. № 2. С. 280—297.

47. Семенов И.Н. А.Н. Леонтьев: известный и неизвестный: рефлексивно-культуральная персонология жизнетворчества (К 115 годовщине со дня рождения) // Мир психологии. 2018. № 2. С. 283—303.

48. Смирнов А.А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975.

49. Современная психология и марксизм / Под ред. К.Н. Корнилова. М.; Л.: Госиздат, 1924 (2-е изд. 1925).

50. Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии: Учеб. пособие. 5-е изд. М.: Смысл, 2005.

51. Таланкин А.А. Против меньшевистствующего идеализма в психологии // Психология. 1932. № 1. С. 3—37.

52. Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., 1917.

53. Франкфурт Ю.В. В защиту революционно-марксистского взгляда на психику // Проблемы современной психологии. Л., 1926. С. 202—244.

54. Фридман Б.Д. Основные психологические воззрения З. Фрейда и теория исторического материализма // Психоанализ и марксизм. Л., 1925. С. 47—80.

54а. Челпанов Г.И. Объективная психология в России и Америке (рефлексология и психология поведения). М.: Тов. «А.В. Думнов и К^о», 1925.

55. Челпанов Г.И. Психология и марксизм. М.: Русский книжник, 1925.

56. Шеварев П.А. Изучение материального субстрата психических процессов в исследованиях советских психологов // Вопросы психологии. 1960. № 2. С. 35—47.

57. Щедровицкий Г.П. Психология и методология (1): Ситуация и условия возникновения концепции поэтапного формирования умственных действий / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 2. Вып. 1. М.: Наследие ММК, 2004.

58. Эфрусси П.О. Успехи психологии в России. Итоги съезда по психоневрологии в Москве 10—15 января 1923 г. Пг.: Начатки знаний, 1923.

59. Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Вып. 1: Психология и марксизм / Под ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука. 1991. С. 9—33.

60. Matthaues W. Sowjetische Psychologie des Denkens. Frankfurt-am-Main, 1988.

61. Rahvfni L. Soviet psychology: Philosophical, theoretical and experimental issues. N.Y.: Internal. Univ. Press, 1973.

62. *Semionov I.N.* An empirical psychological study of thought processes in creative problem-solving from the perspective of the theory of activity // *Soviet Psychology*. 1978. Vol. 16. N 4. P. 3—46. (N.Y., USA)

63. *Semenov I.N.* The psychology of reflection in the scientific work of S.L. Rubinshtein // *The Psychology Journal*. 1989. N 4. P. 67—74 (Boston, USA)

64. *Skarlan J.P.* Marxism in the USSR: A Critical Survey of Current Soviet Thought. Ithaca, N.Y., L.: Cornell University Press, 1985.

Поступила в редакцию 25.09.18

Принята к публикации 15.10.18

RUSSIAN PSYCHOLOGY HUNDRED-YEAR DEVELOPMENT, SOCIOCULTURAL REFLECTION: TO THE CENTENARY OF SOVIET PSYCHOLOGY (1918-2018)

Igor N. Semyonov

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Abstract

Relevance. Due to centennial anniversary of soviet psychology, we would like to make analysis for the history of its institutional and subject formation within the context of Russian human study evolution, including its prerequisites before revolution and after-soviet development.

Objective. Characterize briefly, within the context of reflexive science studies and art process personology, psychology development directions and institutions, role of key scholars, summarize major achievements, including unique identity of soviet psychological science.

Methods. Analysis for subject and institutional aspects of Russian psychology evolution, describing institutions where major schools were residing and where key leaders and participants fulfilled their duties.

Results. First part contains and depicts science studies and institutional approach on presenting the historical span of Russian psychology. Second part depicts evolution of institutions, leaders' succession and interaction of schools and directions established. Final part contains generalized conclusions on development logics and achievements of soviet psychology as preconditions to further after-soviet establishment of contemporary (Russian) psychology.

Conclusions. Soviet psychology based human studies existing before revolution legitimately succeeds the preceding evolution phase and provides evident basis for further development of psychological science during after-soviet period. Soviet scholars have developed ample materialist-dialectic methodology for study of psyche, which is the system of psychological knowledge

from perspective of activity approach that had quite peculiar impetus on contemporary psychology. Currently legacy of soviet psychology interacts broadly and assimilates with foreign up-to-date approaches within the context of XXI century challenges.

Key words: human study, soviet psychology, history, pedagogics, science studies, development logics, personology, scientific institutions, personality, activity, reflection, art process, culture.

References

1. Abul'hanova, K.A., Ancyferova, L.I., Kol'cova, V.A. (1997). *Psichologicheskaya nauka v Rossii HH stoletiya: problemy teorii i istorii* [Psychological science in Russia of the twentieth century: problems of theory and history] / Ed. by A.V. Brushlinskiy. Moscow: IP RAN.

2. Abul'hanova, K.A., Lengle, A., Semenov, I.N. (2009). *Psihologiya individual'nosti: novye modeli i koncepcii* [Psychology of individuality: new models and concepts] / Ed. by E.B. Starovoitenko, V.D. Shadrikov. Moscow; Voronezh: MODEK.

3. Alekseev, S.A. (1918). *Soznanie kak celoe: Psichologicheskoe ponyatie lichnosti* [Consciousness as a whole: the psychological concept of personality]. Moscow: T-vo tip. A.I. Mamontova.

4. Anan'ev, B.G. (1931). O nekotorykh voprosakh marksistsko-leninskoj rekonstrukcii psihologii. *Psihologiya* [Psychology], IV, 3—4, 325—344.

5. Asmolov, A.G. (1996). *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya i konstruirovaniye mirov* [Cultural-historical psychology and worlds construction]. Moscow: Izd-vo «Institut prakticheskoy psihologii»; Voronezh: NPO MODEK.

6. Bekhterev, V.M. (1925). *Psihologiya, refleksologiya i marksizm* [Psychology, Reflexology and Marxism]. Leningrad: Izd-vo Gos. refleksol. in-ta po izucheniyu mozga.

7. Blonskij, P.P. (1979). Marksizm kak metod resheniya pedagogicheskikh problem. In Blonskij P.P. *Izbrannyye pedagogicheskie i psichologicheskie sochineniya: V 2 t.* [Blonsky P.P. Selected pedagogical and psychological essays: In 2 v.] (vol. 1, pp. 181—186). Moscow: Pedagogika.

8. Bogdanchikov, S.A. (2015). Sovetskaya issledovatel'skaya i prakticheskaya psihologiya 1920—1930-h godov. In A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich (eds.) *Vzaimootnosheniya issledovatel'skoj i prakticheskoy psihologii* [The relationship of research and practical psychology] (pp. 337—384). Moscow: Izd-vo IP RAN.

9. Bratus', B.S. (2000). *Russkaya, sovetskaya, rossijskaya psihologiya: Konspektivnoye rassmotreniye* [Russian, Soviet, Russian Psychology: A Perspective Consideration]. Moscow: MPSU; Flinta.

10. Budilova, E.A. (1960). *Bor'ba materializma i idealizma v russkoj psihologii (Vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.)* [The struggle of materialism and idealism in Russian psychology (the second half of the nineteenth and the beginning of the twentieth centuries)]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.

11. Vygotskij, L.S. (1928). Na perekrestkah sovetskoy i zarubezhnoj pedagogiki. *Voprosy defektologii* [Defectology issues], 1, 18—26.

12. Gal'perin, P.Ya. (1966). Psihologiya myshleniya i uchenie o poetapnom formirovanii umstvennyh dejstvij. In E.V. Shorohova (ed.) *Issledovanie myshleniya v sovetskoj psihologii* [The study of thinking in Soviet psychology] (pp. 236—277). Moscow: Nauka.

13. Gordeeva, O.V. (1997). Posledstviya metodologicheskoy orientacii na marksizm pri izuchenii soznaniya (na materiale rabot A.N. Leont'eva). *Voprosy psihologii* [Psychology issues], 5, 56—71.

14. Grekhem, L.R. (1991). *Estestvoznание, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom soyuze* [Natural science, philosophy and sciences of human behavior in the Soviet Union] / Trans. from Engl. Moscow: Politizdat.

15. Derkach, A.A., Semenov, I.N., Balaeva, A.V. (2005). *Refleksivnaya akmeologiya tvorcheskoy individual'nosti* [Reflexive acmeology of creative individuality]. Moscow: RAGS.

16. Zhdan A.N. (2011, ed.). *Rossijskaya psihologiya: Antologiya* [Russian psychology: an anthology]. Moscow: Akademicheskij Proekt; Al'ma Mater.

16a. Zalkind, A.B. (1924). Marksizm i psihologiya: Doklad na I Vserossijskom psihonevrologichesom s'ezde. In *Oчерки kul'tury revolyucionnogo vremeni* [Essays on the culture of the revolutionary time] (pp. 70—73). Moscow, 1924.

17. Zinchenko, V.P., Morgunov, E.B. (1994). *Chelovek razvivayushchij. Oчерки rossijskoj psihologii* [The man is developing. Essays on Russian psychology]. Moscow: Trivola.

18. Zinchenko, Yu.P. (2011). *Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya psihologicheskikh issledovanij: determinacija i social'noe znachenie* [Theoretical and methodological foundations of psychological research: determination and social significance]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

19. Andreeva G.M. (1983, ed.). *Znachenie idej A.N. Leont'eva dlya marksistskoj social'noj psihologii* [The value of ideas A.N. Leontiev for Marxist social psychology]. Moscow: Pedagogika.

20. Kornilova T.V. (1990, ed.). *Istoriya stanovleniya i razvitiya eksperimental'no-psihologicheskikh issledovanij v Rossii* [The history of the formation and development of experimental psychological research in Russia]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

21. Karpov, A.V. (2015). *Psihologiya deyatel'nosti: V 5 t. T. 1: Metasistemnyj podhod* [Activity Psychology: in 5 v. Vol. 1: Metasystem Approach]. Moscow: Izd-vo RAO.

22. Anciferova L.I. (1988). Kategorii materialisticheskoy dialektiki v psihologii [Categories of materialistic dialectics in psychology]. Moscow: Nauka.

23. Leont'ev, A.N. (1929). Problemy dialekticheskogo metoda v psihologii pamyati. In: *Voprosy marksistskoj pedagogiki. Vyp. 1. Issledovaniya po pedagogike psihologii pedologii* [Questions of Marxist pedagogy. Issue 1. Studies on the pedagogy of the psychology of pedagogy] (pp. 204—210). Moscow: AKV.

24. Leont'ev, A.N. (1967). Bor'ba za problemu soznaniya v stanovlenii sovetskoj psihologii. *Voprosy psihologii* [Psychology issues], 2, 14—22.

25. Lomov, B.F. (1984). Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka.

26. Petrovskij, A.V. (1990). Psihologiya v SSSR: Istoriya i sovremennost' [Psychology in the USSR: Past and Present]. Moscow: Prosveshchenie.

27. Pozner, V. (1933). *Dialekticheskij materializm — filozofiya proletariata* [Dialectical materialism - the philosophy of the proletariat]. Moscow; Leningrad: Socekiz.

28. Menchinskaya N.A. (1977, ed.). *Problema deyatel'nosti v sovetskoj psihologii: Tezisy dokladov k V Vsesoyuznomu s'ezdu Obshchestva psihologov SSSR: V 2 ch.* [The problem of activity in Soviet psychology: Abstracts to the All-Union Congress of the USSR Society of Psychologists: At 2 v.]. Moscow: Izd-vo APN SSSR.

29. Bodalev A.A. (1984, ed.). *Problemy sposobnostej v sovetskoj psihologii* [Problems of Abilities in Soviet Psychology]. Moscow: Izd-vo APN SSSR.

30. Anan'ev B.G. et al. (1959—1960, eds.) *Psihologicheskaya nauka v SSSR: V 2 t.* [Psychological science in the USSR: In 2 v.]. Moscow: Izd-vo APN RSFSR.

31. Leont'ev D.A., Shchur V.G. (1997, eds.) *Psihologiya i marksizm. Psihologiya s chelovecheskim licom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoj psihologii* [Psychology and Marxism. Psychology with a human face: a humanistic perspective in post-Soviet psychology]. Moscow: Smysl.

32. Rejsner, M.A. (1923). Problemy psihologii v teorii istoricheskogo materializma. *Vestnik Socialisticheskoy Akademii* [Bulletin of the Socialist Academy], 3, 210—255.

33. Rubinshtejn, S.L. (1931). Problema razvitiya. In V.I. Kapustin, M.A. Levina (eds.) *V bor'be za marksistskuyu pedologiyu: Diskussiya po rabotam prof. M.Ya. Basova 25—29 marta 1931 g.* [In the struggle for Marxist pedology: Discussion on the works of prof. M.Y. Basov March 25-29, 1931] (pp. 26—28). Leningrad: Uchpedgiz.

34. Rubinshtejn, S.L. (1945). Problema deyatel'nosti i soznaniya v sisteme sovetskoj psihologii. *Uchenye zapiski MGU. Vyp. 90: Psihologiya. Dvizhenie i deyatel'nost'* [Scientific notes of MSU. Issue 90: Psychology. Movement and activities] (pp. 6—21). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

35. Semenov, I.N. (1970—1972). Bekhterev Vladimir Mihajlovich. Blonskij Pavel Petrovich. Vygotskij Lev Semenovich. Dusha. Individual'nost'. In: *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 3-e izd. Moscow: SE.

36. Semenov, I.N. (1976). Opyt deyatel'nostnogo podhoda k eksperimental'no-psihologicheskomu issledovaniyu myshleniya na materiale resheniya tvorcheskih zadach. In V.P. Zinchenko, A.N. Leont'ev, V.M. Munipov, E.G. Yudin (eds.) *Metodologicheskie problemy issledovaniya deyatel'nosti. Ergonomika. Trudy VNIITE. Vyp. 10.* [Methodological problems of research activities. Ergonomics. Works VNIITE. Issue 10] (pp. 148—188). Moscow: VNIITE.

37. Semenov, I.N. (1989). Sovremennaya sovetskaya psihologii myshleniya: panorama fundamental'nyh dostizhenij. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 10, 6, 160—162.

38. Semenov, I.N. (1992). Ostankinskaya metodologicheskaya shkola konceptual'nyh skhem deyatel'nosti v psihologii i ergonomike. In I.S. Ladenko, V.V. Davydov, I.N. Semenov (eds.) *Metodologicheskie koncepcii i shkoly v SSSR (1951—1991): V 3 ch. Ch. 2* [Methodological concepts and schools in the USSR (1951—1991): in 3 parts (part 2, pp. 50—67). Novosibirsk: Ekor.

39. Semenov, I.N. (1997). Logika razvitiya teorii deyatel'nosti v gumanitaristike i problemy gumanizacii professional'nogo obrazovaniya. In S.V. Dmitriev (ed.)

Problemy integracii estestvennonauchnogo i gumanitarnogo znaniya [Problems of integration of natural science and humanities]. Nizhniy Novgorod: NGPU.

40. Semenov I.N. (2009). S.L. Rubinshtejn izvestnyj i neizvestnyj: istoriko-kul'tural'naya refleksiya zhiznetvorchestva. *Psihologiya. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 6, 3, 63—89.

41. Semenov, I.N. (2011). Ekzistencial'no-kul'tural'naya refleksiya vo vzaimodejstvii hudozhestvennogo i nauchnogo tvorcestva v kul'ture Serebryanogo veka. In D.V. Ushakov (ed.) *Tvorchestvo: ot biologicheskikh osnovanij k social'nym i kul'turnym fenomenam. Seriya: Nauchnye shkoly IP RAN* [Creativity: from biological bases to social and cultural phenomena. Series: Scientific schools of IP RAS] (pp. 606—624). Moscow: Izd-vo IP RAN.

42. Semenov, I.N. (2012). Kafedra obshchej psihologii MGU im. M.V. Lomonosova kak kolybel' professional'nogo psihologicheskogo obrazovaniya i issledovanij refleksii. *Psihologiya. Istoriko-nauchnye obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and scientific reviews and current research], 5—6, 112—133.

43. Semenov, I.N. (2014). *Sistemodeyatel'nostnaya metodologiya i refleksivnaya psihologiya myshleniya* [System-related methodology and reflexive psychology of thinking]. Moscow: Analitika Rodis.

44. Semenov, I.N. (2015). Vzaimodejstvie issledovatel'skoj psihologii i prakticheskogo chelovekoznaniya v izuchenii i razvitii refleksivno-tvorcheskogo myshleniya i lichnosti. In A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich (eds.) *Vzaimootnosheniya issledovatel'skoj i prakticheskoy psihologii* [The relationship of research and practical psychology] (pp. 416—464). Moscow: Id-vo IP RAN.

45. Semenov, I.N. (2016). Metodologicheskaya refleksiya paralelej razvitiya nauchnogo tvorcestva i shkol L.S. Vygotskogo, B.M. Teplova, G.I. Chelpanova. In: *Chelpanovskie chteniya 2016: Almanah nauchnogo arhiva Psihologicheskogo instituta* [Chelpanov Readings 2016: Almanac of the Scientific Archive of the Psychological Institute] (pp. 145—157). St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

46. Semenov, I.N. (2017). Filosofsko-antropologicheskaya problematika refleksivnoj psihologii smysla v rossijskom chelovekoznanii. *Mir psihologii* [World of psychology], 2, 280—297.

47. Semenov, I.N. (2018). A.N. Leont'ev: izvestnyj i neizvestnyj: refleksivno-kul'tural'naya personologiya zhiznetvorchestva (K 115 godovshchine so dnya rozhdeniya). *Mir psihologii* [World of psychology], 2, 283—303.

48. Smirnov, A.A. (1975). *Razvitie i sovremennoe sostoyanie psihologicheskoy nauki v SSSR* [The development and current state of psychological science in the USSR]. Moscow: Pedagogika.

49. Kornilov K.N. (1924, 1925, ed.). *Sovremennaya psihologiya i marksizm* [Modern psychology and Marxism]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.

50. Sokolova, E.E. (2005). *Trinadcat' dialogov o psihologii* [Thirteen dialogues about psychology]. 5th ed. Moscow: Smysl.

51. Talankin, A.A. (1932). Protiv men'shevstvuyushchego idealizma v psihologii. *Psihologiya* [Psychology], 1, 3—37.

52. Frank, S.L. (1917). *Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psihologiyu* [The soul of man. Experience of introducing philosophical psychology]. Moscow.

53. Frankfurt, Yu.V. (1926). V zashchitu revolyucionno-marksistskogo vzglyada na psihiku. *Problemy sovremennoj psihologii* [Problems of modern psychology] (pp. 202—244). Leningrad.

54. Fridman, B.D. (1925). Osnovnye psihologicheskie vozreniya Z. Frejda i teoriiya istoricheskogo materializma. *Psihoanaliz i marksizm* [Psychoanalysis and Marxism] (pp. 47—80). Leningrad.

54a. Chelpanov, G.I. (1925). *Ob»ektivnaya psihologiya v Rossii i Amerike (refleksologiya i psihologiya povedeniya)* [Objective psychology in Russia and America (reflexology and psychology of behavior)]. Moscow: Tov. «A.V. Dumnov i K°».

55. Chelpanov, G.I. (1925). *Psihologiya i marksizm* [Psychology and Marxism]. Moscow: Russkij knizhnik.

56. Shevarev, P.A. (1960). Izuchenie material'nogo substrata psicheskikh processov v issledovaniyah sovetskikh psihologov. *Voprosy psihologii* [Psychology issues], 2, 35—47.

57. Shchedrovickij, G.P. (2004). Psihologiya i metodologiya (1): Situaciya i usloviya vozniknoveniya koncepcii poetapnogo formirovaniya umstvennyh dejstvij. In: *Iz arhiva G.P. Shchedrovickogo. T. 2. Vyp. 1* [From the archive of G.P. Schedrovitsky. V. 2. Iss. one.]. Moscow: Nasledie MMK.

58. Efrussi, P.O. (1923). *Uspechi psihologii v Rossii. Itogi s»ezda po psihonevrologii v Moskve 10—15 yanvarya 1923 g.* [Successes of psychology in Russia. Results of the congress on psychoneurology in Moscow from January 10 to 15, 1923]. Petrograd: Nachatki znanij.

59. Yaroshevskij, M.G. (1991). Stalinizm i sud'by sovetskoj nauki. In M.G. Yaroshevskiy (ed.) *Repressirovannaya nauka. Vyp. 1: Psihologiya i marksizm* [Repressed science. Issue 1: Psychology and Marxism] (pp. 9—33). Leningrad: Nauka.

60. Matthaus, W. (1988). *Sowjetische Psychologie des Denkens*. Frankfurt-am-Main.

61. Rahvfni, L. (1973). *Soviet psychology: Philosophical, theoretical and experimental issues*. N.Y.: Internal. Univ. Press.

62. Semionov, I.N. (1978). An empirical psychological study of thought processes in creative problem-solving from the perspective of the theory of activity. *Soviet Psychology*, 16, 4, 3—46.

63. Semenov, I.N. (1989). The psychology of reflection in the scientific work of S.L. Rubinshtein. *The Psychology Journal*, 4, 67—74.

64. Skanlan, J.P. (1985). *Marxism in the USSR: A critical survey of current soviet thought*. Ithaca, N.Y., L.: Cornell University Press.

Original manuscript received September 25, 2018

Revised manuscript accepted October 15, 2018

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9.07, 159.9.018
doi: 10.11621/vsp.2018.04.32

УРОВНЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ РИСКОВ У ВРАЧЕЙ И РИЕЛТОРОВ

Е. М. Павлова, Н. В. Богачева

Актуальность. В современной науке отсутствует общепсихологическое представление о роли восприятия риска и неопределенности в сфере принятия медицинских решений. При объяснении специфики этих решений не уделяется должного внимания вопросу о ее связях с такими уровнями представлений о риске, как его когнитивные репрезентации и имплицитные теории.

Цель. В квазиэксперименте проверялись гипотезы о связи когнитивных репрезентаций риска (КРР) с предпочтением выборов в вербальных задачах на принятие профессиональных рисков и о включенности в регуляцию этих выборов имплицитных теорий риска (ИТР).

Методика. 103 человека в возрасте 21—73 лет (59 врачей и 44 риелтора) тестировались по методикам «Шкала медицинских рисков (ШМР)», «Когнитивные репрезентации рисков (КРР)», «Имплицитные теории риска (ИТР)».

Результаты. Показано, что уровни представлений о медицинских рисках слабо связаны между собой, однако переменные внутри каждого уровня интегрированы (особенно у врачей). Группы врачей и риелторов значительно различаются по ИТР «недостаток рациональности», «преумно-

Павлова Елизавета Михайловна — кандидат психологических наук, инженер кафедры психологии образования и педагогики ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* pavlova.lisa@gmail.com

Богачева Наталия Вадимовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии Первого Московского гос. мед. ун-та имени И.М. Сеченова (Сеченовский университет). *E-mail:* bogacheva.nataly@gmail.com

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00130а.

жение ценностей» и «потеря или приобретение»; по средним оценкам рискованности при выборе «поиска информации», «передачи решения», «следования интуиции»; по средним оценкам рискованности ситуаций в задачах и вероятности негативного исхода; по предпочитаемым стратегиям редукции риска. У врачей оценка рискованности ситуации связана с невозможностью контроля; их представления о риске в целом мало связаны с представлениями о конкретных рисках. Представления риелторов более интегрированы с ИТР.

Выводы. Примененные методики отражают разные уровни представлений о риске. Связи между этими представлениями носят профессионально-специфический характер. Сделаны выводы о разноуровневости имплицитных теорий риска и его когнитивных репрезентаций как процессуальных регуляторов принятия решений и о возможности использования разработанных методик для диагностики представлений о медицинских рисках.

Ключевые слова: динамические регулятивные системы, принятие решений, риск, когнитивные репрезентации, имплицитные теории, медицинские риски.

Введение

Неопределенность, т.е. объективная или субъективная неполнота информации о событиях, действиях и их последствиях, — обычное условие любой деятельности человека, но в ряде профессий она как необходимое условие принятия решений не только несет субъективный риск для самого решающего субъекта, но и может стать источником причинения вреда другому человеку. Примером может служить профессия врача (Hillen et al., 2017). Каждый человек в той или иной степени сталкивается с деятельностью врача, принимающего решения. Однако в настоящее время отсутствует целостное общепсихологическое представление о роли восприятия неопределенности и риска в принятии профессиональных решений как врачами, так и представителями других профессий, риск в которых связан с опасностью нанесения ущерба себе и другим людям (что позволяет выделять особую группу так называемых экстремальных видов деятельности).

Профессия врача характеризуется высокой степенью включенности *принятия решений* (ПР) при анализе каждого индивидуального случая. Восприятие риска, имплицитные представления о нем составляют когнитивные компоненты регуляции ПР, взаимодействующие со стратегиями применения профессиональных (базовых) знаний (Канеман и др., 2005). Личностные особенности также включены в становление когнитивных структур ПР врачами,

что проявляется уже на примерах фрейминга (Канеман, 2014; Корнилова, Керимова, 2018) и личностно-мотивационной регуляции ПР у медицинских работников (Каменев и др., 2018).

Сегодня активно разрабатываются и внедряются шкалы оценки рисков, призванные упростить и повысить объективность принятия медицинских решений (Дядичкина, Радецкая, 2016; Suriadi et al., 2008), однако практикующие врачи более склонны полагаться на собственный клинический опыт, несмотря на доказанную эффективность «механизированного» принятия клинических решений, которые в среднем на 10% точнее, чем традиционная оценка рисков (Grove et al., 2000). При этом они не всегда принимают решения с опорой на свою рациональность (Donner-Banzhoff et al., 2017; Perneger, Agoritsas, 2011).

После демонстрации в исследовании А. Тверски подверженности суждений врачей когнитивным искажениям («фреймингу» и др.; подробнее см.: Канеман и др., 2005) вопрос о взаимосвязи разных систем при ПР — с позиций «проспективной» теории — не раз поднимался вновь (см., напр.: Blumenthal-Barby, Krieger, 2015). Примечательно, что сформулированная еще в 1980-е гг. проблема влияния формы представления медицинских данных на выбор альтернатив при назначении лечения или постановке диагноза сохраняется актуальной и в настоящее время, когда вновь демонстрируется, что даже специалисты в области статистики сталкиваются с трудностями в ПР о вероятностных суждениях (Gigerenzer et al., 2007; Operskalski, Barbey, 2016).

Более важным источником включенности риска в ПР врачами, на наш взгляд, выступает прогностический аспект любого ПР. Этот аспект неразрывно связан не только с неопределенностью конечного результата ПР (при полном следовании стратегиям исхода из базовых знаний) или вероятностным характером проявления той или иной симптоматики (в отдельном кейсе), но и с общей прогностической направленностью образа мира профессионала, с необходимостью включающего динамическое отношение к неопределенности и принятию риска, «возможного в мышлении» (Корнилова, 1994; Смирнов и др., 2016).

Восприятие риска может происходить на разных уровнях — от сознательной рефлексии его условий и факторов до глубинного уровня имплицитных теорий, которые, если использовать терминологию В.П. Зинченко (2006), относятся к «бытийным» слоям сознания. *Имплицитные теории риска* (ИТР) могут включать как присвоенные общие социальные представления, так и специальные, профессионально складывающиеся системы знаний, относимые к

«таситным», т.е. формирующимся в индивидуальном опыте и не полностью осознаваемым (Стернберг и др., 2002; Gigerenzer, 2008).

Понятие репрезентации риска подразумевает наличие у мыслящего субъекта когнитивного представления ситуации или задачи с риском, возможных исходов и альтернатив, в отношении которых принимается решение. «Перспективная теория» Д. Канемана и А. Тверски намечает процессуальное становление КРР и регуляцию их рядом эвристик, однако не дает представления об их содержании и механизмах их актуалгенеза (Канеман, 2014). В формирование когнитивных представлений человека о рискованных ситуациях включены его профессиональный опыт и знания, усваиваемые в обучении, а также кристаллизирующиеся в форме ИТР, сложившихся у профессионала (в данном случае врача).

ИТР в наиболее обобщенном виде отражают житейские (и профессионально-специфические) представления человека о риске и о ситуациях, в которых он рискует; такие представления складываются в течение жизни под влиянием разных факторов (Ординова, 2013). Р. Стернберг указывает, что комплексные имплицитные ментальные представления профессионалов о своей деятельности не поддаются самоанализу и вербализации (Стернберг и др., 2002). Напротив, имплицитные теории (в том числе и ИТР) актуализируются в рамках определенной практической или психодиагностической ситуации. При этом отдельные аспекты этих теорий могут входить или не входить в структуру КРР для данной конкретной ситуации. Актуализацией разных аспектов представлений о рисках может объясняться, в частности, нередко низкая корреляция между личностными факторами риска, самоотчетами испытуемых и их реальными решениями в профессионально значимых или житейских ситуациях (Figner, Weber, 2011). Таким образом, КРР включаются и в функционирование ИТР, и в комплексные образы рискованных ситуаций, действий, событий и их последствий. В конечном итоге индивидуальный выбор в конкретной практической ситуации обеспечивается соответствующими процессами активного функционирования образа мира профессионала в сочетании с личностными факторами отношения к риску и неопределенности, текущему состоянию и т.д.

Имплицитные теории в целом не следует трактовать как сугубо когнитивные образования. В рамках концепции А.Н. Леонтьева они выступают как поле индивидуальных значений, которые в отношении к разным мотивам оформляются как личностные смыслы. Тем самым на уровне имплицитных теорий происходит смыкание когнитивного и личностного, что отражает единство интеллектуально-

личностного потенциала человека. ИТР уже рассматривались нами в контексте изучения личностных факторов ПР и подверженности фреймингу врачей, преподавателей, студентов-медиков и студентов-психологов. У практикующих врачей преобладали трактовки риска как *дефицита прогноза и рациональности*, в то время как студенты-медики чаще воспринимали риск с *гедонистической* точки зрения, а также демонстрировали большую интеграцию ИТР между собой и с другими факторами ПР (Богачева и др., 2017). Специфика ИТР может служить объяснением различий между студентами-медиками и студентами-психологами в связях их самооценки рискованности (как прямой самооценки своей склонности к риску по процедуре Фернхема, см.: Furnham, 2005) с другими личностными факторами ПР: для будущих психологов риск более связан с отсутствием рациональности, тогда как для будущих врачей он выступает в качестве одного из способов ПР в ситуации неопределенности. Высокая самооценка рискованности в обеих группах связана с выбором вероятностных ответов в задаче «азиатская болезнь» (Корнилова и др., 2017). При обследовании азербайджанских выборок фрейминг был положительно связан с рациональностью у преподавателей разных специализаций и отрицательно — с готовностью к риску у врачей (Корнилова, Керимова, 2018).

Методика прямого измерения ИТР (Ординова, 2013) в этих исследованиях не применялась, однако можно предположить, что на глубинном уровне образа мира формируются те представления о рискованных действиях и ситуациях, которые впоследствии проявляются при решении задач и способствуют либо препятствуют возникновению тех или иных когнитивных искажений. В литературе известны исследования связи личностной готовности к риску с другими свойствами интеллектуально-личностного потенциала человека, в первую очередь с толерантностью к неопределенности (Корнилова, 2016). Но выявление личностных диспозиций не позволяет установить, происходит ли принятие риска человеком именно в актуалгенезе решения. По всей видимости, ни личностно-диспозициональный, ни когнитивный и ситуационный подходы не могут в полной мере описать механизмы и факторы принятия медицинских решений, и это может снижать эффективность предлагаемых в данных подходах способов повышения точности прогнозов и диагнозов.

Каким же образом можно выявить не только ИТР, но и характеристики восприятия риска (т.е. КРР), связанные с особенностями ПР в конкретных медицинских ситуациях? Мы выделили два пути диагностики КРР, играющих разную роль при ПР у врачей: 1) прямые

оценки собственной рискованности и 2) применение вербальных задач как профессиональных ситуаций, в которых испытуемому необходимо принять решение, связанное с одним из способов редукции риска. На основании качественного анализа «критических ситуаций» из врачебной практики и полуструктурированных интервью с врачами-профессионалами нами были разработаны методики, позволяющие дать содержательную и количественную оценку КРР врачебной деятельности, а также различным способам преодоления субъективной неопределенности в деятельности врача (Богачева, Павлова, 2017).

В концепции единого функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека (Корнилова и др., 2010) предполагается множественная, многоуровневая регуляция решений и действий при образовании динамических регулятивных систем (ДРС) как актуально складывающихся иерархий процессов, опосредствующих ПР. Исходя из этой концепции мы поставили вопрос о связях КРР у врачей с особенностями принятия ими решения (в вербально заданных ситуациях) и их ИТР. Это потребовало также выявления отличий группы практикующих врачей от группы профессионалов, чья деятельность связана не с медицинскими, а с другими рисками. Профессия риелтора подразумевает финансовые риски. Принятие неопределенности показано как предпосылка продуктивного принятия риска риелторами (Кулагина, Корнилова, 2005), однако исследований КРР и ИТР у представителей этой профессии нет.

Таким образом, **задачами** данного исследования, построенного как квазиэкспериментальное, стали:

1) установление связей КРР (при прямой оценке разного вида рисков) с предпочтениями выборов в вербальных задачах практикующими врачами и риелторами;

2) установление связей прямой оценки рисков и ПР (в вербальных задачах) с ИТР, демонстрирующими более глубокий и менее осознаваемый уровень субъективного восприятия риска;

3) выявление и сравнение особенностей этих связей у врачей и риелторов.

Проверялась следующая *общая гипотеза*:

КРР связаны с предпочтением выборов в вербальных задачах на принятие профессиональных рисков; в регуляцию этих выборов включены также ИТР, что позволяет ожидать связи и КРР, и ИТР с выборами альтернатив врачами. Составляющие КРР и ИТР (как разных уровней функционирования представлений о риске, где когнитивная оценка более осознанна) также могут быть связаны

между собой, но в меньшей степени, чем с выборами в задачах на ПР. Это может свидетельствовать о самостоятельных путях включения их в ДРС, стоящие за актами ПР в условиях неопределенности и риска. Разноуровневость регулятивных процессов в этих системах находит отражение в различии связей КРР и ИТР с предпочтением конкретных выборов при решении вербальных задач на принятие профессиональных рисков; при этом связи между психологическими образованиями разных уровней могут и не выявляться.

У представителей немедицинских специальностей отсутствуют специализированные знания по медицине, необходимые для формирования соответствующих КРР, вследствие чего выбор в задачах на принятие медицинских рисков (с инструкцией «Представьте себе, что Вы врач») может у них включать регуляцию скорее со стороны ИТР как глубинной составляющей представлений о рисках.

Частные гипотезы:

1. На уровнях ИТР и КРР ожидается большая интегрированность шкал рискованности, что предполагает корреляции разных видов риска в пределах уровня, но не между ними.

2. Выбор в задачах на принятие профессиональных рисков у врачей более связан с КРР, а у риелторов — с их ИТР.

3. В задачах на принятие профессиональных медицинских рисков предпочтение различных способов редукции риска связано с субъективной оценкой рискованности задачи.

Метод

Участники исследования. В исследовании приняли участие 103 человека в возрасте от 21 до 73 лет ($Med=2.9$, $SD=11.7$), 71 женщина и 32 мужчины, представители двух групп: 44 риелтора и 59 практикующих врачей. Группа риелторов состояла из 36 женщин и 8 мужчин в возрасте от 21 до 71 года ($Med=45.6$, $SD=9.3$). Группа врачей состояла из 35 женщин и 24 мужчин в возрасте от 24 до 73 лет ($Med=41$, $SD=12.8$), со стажем профессиональной деятельности от 1 до 50 лет, представители разных специальностей: 25 офтальмологов, 15 общих и сердечно-сосудистых хирургов, 4 травматолога, 4 терапевта и др.

Риелторы были выбраны в качестве группы сравнения, так как они в своей деятельности так же, как и врачи, сталкиваются с рисками в отношении другого человека, однако эти риски носят менее выраженный характер, так как касаются не здоровья другого, а его финансового положения.

Методики

1. «Шкала медицинских рисков (ШМР)» — специально разработанная нами методика, цель которой — оценка представлений о медицинских рисках и выявление способов их редукции в профессиональной деятельности врача. Методика состоит из 10 вербальных задач, сформулированных на основе опроса врачей о реальных рисках по методу Стернберга (Стернберг и др., 2002) и описывающих различные рискованные ситуации из медицинской практики (Богачева, Павлова, 2017). Каждая ситуация связана с одним из источников риска: недостатком навыков, состоянием здоровья пациента, психологией пациента, недостаточной оснащенностью медицинской базы, личностью и состоянием врача, действиями медицинского руководства, профессиональным коллективом врача, недостатком знаний, несовершенствами медицины как науки, риском неверной оценки ситуации и сроков.

Участники оценивали степень рискованности каждой из описанных ситуаций по 5-балльной шкале и выбирали предпочитаемый вариант действий из 5 альтернатив, представляющих способы редукции риска: *поиск дополнительной информации или совета* (продуктивный способ), *действие по инструкции или стандарту, откладывание решения, передача решения другому человеку* (непродуктивные способы) и *действие с опорой на интуицию, предчувствие* (интуитивный способ). Представителям группы сравнения (риелторам) предлагалась версия методики с измененной инструкцией: они должны были представить себе, как бы поступили, если бы были врачом. Это позволяет рассматривать результаты выборки риелторов как оценку житейских представлений о профессиональных рисках врача.

2. Методика «Когнитивные репрезентации рисков (КРР)» представляет собой перечень видов риска (21 вид), выделенных в результате качественного анализа протоколов интервью с практикующими врачами и подлежащих количественной оценке в процентах (от 0 до 100). Наряду со специфическими рисками, встречающимися только в медицине (например, «потерять пациента»), перечень включает и неспецифические риски, которые могут характеризовать и другие профессии (например, риск «испортить отношения с начальством»). Версия методики для выборки риелторов включала в себя 17 неспецифических рисков.

Для выявления КРР участникам исследования из обеих групп предлагалось оценить каждый риск по 7 аспектам, среди которых собственно рискованность описанной ситуации, ее прогнозируемость, вероятность возникновения для представителя их про-

фессии в целом и с точки зрения практики самого респондента, глубина своих переживаний, а также вероятность позитивного и негативного исходов для каждого из рисков. Отметим, что список рисков, вероятно, не является исчерпывающим. Однако он отражает наиболее частотные риски, упоминаемые в интервью с практикующими врачами, что позволяет рассматривать их как основные и значимые.

3. Опросник «*Имплицитные теории риска (ИТР)*» (Ординова, 2013) направлен на выявление и количественную оценку ИТР, определяемых как устойчивые индивидуальные представления о риске и рискованных ситуациях, включая их комплексную когнитивно-личностную оценку. Опросник диагностирует 7 переменных: риск как *невозможность прогноза/расчета*; *осознанный риск* (риск при сознательном нарушении принятых норм, готовность действовать без оглядки на опасность); риск как *испытание и проверка себя*; риск как *недостаточность рациональности и контроля* над ситуацией; риск ради *приумножения ценностей*; риск как *потеря или приобретение*; *гедонистический риск* (риск как поиск ярких впечатлений, источник позитивных переживаний).

Результаты

1. Различия выборок по характеристикам разноуровневых переменных риска

В табл. 1 представлены переменные, по которым между медиками и риелторами наблюдаются значимые различия (однофакторный дисперсионный анализ — ANOVA).

Согласно полученным результатам врачи выше, чем риелторы, оценивают *рискованность* и *вероятность негативного исхода* (по методике прямой оценки КРР), а также в большей мере привержены таким ИТР, как *недостаток рациональности*, *приумножение ценностей* и *риск как потеря или приобретение*. Напротив, при выборе действий в конкретных профессиональных задачах оценка рискованности, сопровождающая *поиск информации*, *передачу решения другому* и *следование интуиции*, оценки врачей ниже аналогичных оценок риелторов.

2. Связи между шкалами методик

2.1. В качестве оцениваемых параметров в методике ШМР измерялись частные оценки рискованности при выборе одного из способов редукции риска. Средние оценки рискованности, рас-

Таблица 1

**Значимые различия изучаемых переменных
между группами медиков и риелторов**

Методика	Переменные	F	Значимость	Средние	
				Врачи	Риелторы
ИТР	Недостаток рациональности	4.713	.032	52	47
	Приумножение ценностей	9.184	.003	52	46
	Потеря или приобретение	3.607	.061	52	48
ШМР	Средняя рискованность при поиске информации	10.376	.002	47	54
	Средняя рискованность при передаче решения	11.957	.001	47	55
	Средняя рискованность при следовании интуиции	3.556	.066	48	53
КРР	Средняя оценка рискованности	3.639	.060	52	47
	Средняя оценка вероятности негативного исхода	4.089	.047	52	47

считанные для поиска дополнительной информации, действия по стандарту, откладывания решения, передачи решения другому и действия с опорой на интуицию, тем выше, чем более высоко испытуемый оценивает риск тех ситуаций, для которых он выбирает определенный способ редукции риска. По этим шкалам выявлены следующие значимые связи на выборке врачей (табл. 2). Согласно полученным результатам для врачей характерна интегрированность показателей средней оценки рискованности (как принятия риска в профессионально заданных ситуациях) при выборе поиска информации, откладывания решения, передачи (делегирования) решения, следования стандартам и использования интуиции.

2.2. Различие по КРР: у врачей разные характеристики риска связаны между собой в большей мере, чем у риелторов (хотя у последних тоже наблюдается достаточное количество корреляций).

2.3. Обратная ситуация наблюдается для показателей ИТР: здесь большая интеграция демонстрируется риелторами, хотя и у врачей шкалы не полностью независимы.

2.4. У врачей воспринимаемые источники риска, идентифицируемые по сделанным в вербальных задачах выборам, связаны

Таблица 2

Матрица интеркорреляций (r Спирмена) показателей, связанных с когнитивными репрезентациями: оценок рискованности при выборе способов редукции риска (ШМР), оценок характеристик риска (КРР) и имплицитных теорий риска (ИТР). Над диагональю представлены результаты анализа на выборке медицинских работников, под — риелторов

	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.
1. Рискованность при поиске информации (ШМР)	1	.470**	.276	.529*	.545**	.159	.042	-.061	.017	.263	-.188	.005	-.082	-.126	.033	.152	.145	.111	-.210
2. Рискованность при откладывании решения (ШМР)	.196	1	.165	.409	.646**	.230	.042	.111	.124	.227	-.276	.295	-.150	-.114	-.105	.073	-.008	-.060	-.274
3. Рискованность при передаче решения (ШМР)	.414	.158	1	.622**	.506*	-.024	-.379*	-.294	-.049	-.080	.104	-.401*	-.026	-.213	-.089	.240	-.189	-.192	-.153
4. Рискованность при следовании стандартам (ШМР)	.135	.048	.218	1	.481	.071	-.186	-.169	-.139	.174	.023	-.214	.104	-.514*	.017	.405	.072	.109	-.203
5. Рискованность при следовании интуиции (ШМР)	.107	.312	.027	.388	1	-.104	-.110	-.112	.041	-.057	-.174	.094	-.209	.101	.021	-.069	-.059	-.346	-.203
6. Оценка рискованности (КРР)	.271	.255	.369	.068	.129	1	.524**	.350*	.284	.653**	-.044	.354*	-.089	-.160	.182	-.038	.126	.168	.101
7. Оценка прогнозируемости (КРР)	.399*	-.055	.132	.290	-.051	.171	1	.621**	.514**	.457**	.116	.396**	-.253	-.065	-.165	-.180	-.042	.184	-.069
8. Оценка веро- ятности в своей практике (КРР)	.480**	-.014	.356	.038	.103	.215	.329	1	.706**	.338*	.134	.343*	-.045	-.033	-.085	-.004	.017	.284	-.104

9. Оценка вероятности вообще (КРР)	.287	-.188	.306	.412	.125	.417*	.359*	.555**	1	.284	.120	.332*	-.211	-.064	-.120	.041	-.046	-.019	-.203
10. Оценка поведения (КРР)	.285	.255	.372	.401	.431	.471**	.287	.178	.407*	1	.116	.367*	-.077	-.108	.115	.095	-.036	.053	-.003
11. Оценка вероятности позитивного исхода (КРР)	.255	.147	.060	-.115	-.109	.189	.163	.133	.114	.098	1	-.393**	-.036	-.063	-.295*	-.178	-.242	-.006	-.004
12. Оценка вероятности негативного исхода (КРР)	-.078	-.065	.008	.389	.171	.250	.224	.170	.551**	.565**	-.201	1	-.043	-.236	.023	.069	.073	.084	-.042
13. Невозможность прогноза (ИТР)	.452**	.196	.276	.001	.313	.347	.459**	.193	.228	.350*	.272	.080	1	-.110	.337*	.230	.259*	.075	.235
14. Осознанный риск (ИТР)	-.020	-.196	-.034	-.167	-.170	-.277	-.348	.163	-.141	-.487**	.271	-.458**	-.401*	1	-.048	-.185	.098	-.166	.207
15. Испытание (ИТР)	.291	.194	.119	.031	-.023	.227	.184	.054	.024	-.138	.224	-.239	.561**	.129	1	.207	.318*	.058	.332*
16. Недостаток рациональности (ИТР)	.154	.273	.253	.504*	.404	.143	.402*	.012	.334	.304	.008	.283	.455**	-.459**	-.013	1	.378**	.515**	.110
17. Приумножение ценностей (ИТР)	.119	.113	.324	-.151	-.032	.295	.143	.151	.048	.205	.116	.144	.442**	-.220	.192	.340*	1	.487**	.312*
18. Потеря или приобретение (ИТР)	.130	.210	.361	-.068	.224	.211	-.238	-.002	-.026	.275	-.208	.015	.238	-.386*	-.101	.236	.457**	1	.190
19. Гедонистический риск (ИТР)	.250	.163	-.044	-.030	.282	.124	.141	.122	-.250	.115	.348	-.246	.382*	.189	.238	.063	.330*	-.130	1

Примечание. Звездочками и жирным шрифтом указаны значимые корреляции: * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$.

с КРР лишь в двух случаях, а именно: средняя рискованность при выборе передачи решения другим отрицательно связана с оценками *прогнозируемости риска* и *вероятности отрицательного исхода*. Чем выше оценивается риск, при котором врач предпочитает делегировать решение, тем менее прогнозируемыми, но и менее чреватými негативными последствиями им воспринимаются риски в целом.

У риелторов ПР связано с КРР также незначительно: только оценка рискованности, при которой испытуемые выбирают *поиск информации*, значимо связана с оценками *прогнозируемости риска* и *вероятности его* в своей практике. Т.е. чем выше рискованность задачи, в которой выбирается *поиск информации*, тем более прогнозируемыми и вероятными видятся риски в структуре КРР риелторов.

2.5. У врачей понимание *риска как осознанного* тем выше, чем ниже воспринимаемая *рискованность при следовании стандартам*. У риелторов представление о *риске как невозможности прогноза* тем выше, чем выше воспринимаемый *риск при поиске информации*; представление о *риске как недостаточности рациональности* тем выше, чем выше *риск следования стандартам*.

2.6. Наконец, у врачей ИТР оказываются мало связанными с когнитивными репрезентациями риска (наблюдается только отрицательная связь *оценки вероятности позитивного исхода* с *риском как испытанием*), тогда как у риелторов эти переменные в большей степени интегрированы между собой.

Полученные результаты позволяют принять обе первые частные гипотезы.

3. Выбор в задачах

Для анализа связи выборов с оценкой рискованности задачи была составлена матрица всех ответов испытуемых в методике ШМР, всего 1030 пар «оценка рискованности задачи — выбор стратегии редукции риска», из них 440 ответов риелторов и 590 ответов врачей. С помощью критерия χ^2 Пирсона было показано, что на выбор в задачах, направленных на оценку медицинских рисков (использовалось разделение испытуемых на контрастные группы по этому показателю), закономерным образом влияет фактор *различия в содержании задачи* ($\chi^2=448.1$, $p<.001$). При этом показано, что выбор также связан и с *оценкой рискованности ситуации* ($\chi^2=69.3$, $p<.001$), но не с профессиональной принадлежностью ($p=.554$).

Также нами было проведено исследование связи *субъективного уровня риска* и *выбора* конкретной стратегии редукции риска

(χ^2 Пирсона). Согласно полученным результатам при разбиении наблюдений на контрастные группы по критерию высоты оцениваемого риска обнаружена его связь с выбором как на совокупной выборке ($p < .001$), так и отдельно на выборках врачей ($p < .001$) и риелторов ($p = .001$).

С целью установления влияния *оценки рискованности ситуации* на выбор конкретных способов редукции риска были проанализированы выборы каждого из способов редукции риска (по бинарному критерию). Распределение ответов представлено в табл. 3.

Таблица 3

Частоты выбора разных стратегий редукции риска в ситуациях, характеризующихся высокой и низкой субъективной рискованностью (контрастные группы)

Стратегии редукции риска	Совокупная выборка (n=170)		Врачи (n=86)		Риелторы (n=84)	
	Низкий риск	Высокий риск	Низкий риск	Высокий риск	Низкий риск	Высокий риск
Поиск информации	104	66			63	21
Откладывание решения	48	99	33	51	15	48
Передача решения другому	56	33	40	12		
Выбор стандартного пути						
Использование интуиции	57	20	38	8	19	12

Примечание. Для наглядности в таблице перечислены все стратегии редукции риска, однако частоты выборов даны только для стратегий, значимо связанных с субъективной оценкой рискованности (χ^2 Пирсона).

На совокупной выборке *субъективный уровень риска* связан с предпочтением всех способов редукции риска, кроме *выбора стандартного пути*. Это также свидетельствует в пользу третьей из проверившихся частных гипотез.

Общими для обеих выборок являются тенденции *следовать интуиции* при низком риске ($p \leq .001$) и *откладывать решение* при высоком риске ($p < .001$). При этом врачи предпочитают *передавать решение другому* при низком риске ($p = .003$), а риелторы чаще *ищут дополнительную информацию* при высоком риске ($p = .030$).

Обсуждение результатов

Имплицитные теории риска (ИТР) определяются нами как устойчивые индивидуальные представления о риске и рискованных ситуациях, сформированные в опыте. *Когнитивные репрезентации риска* (КРР) отличаются от ИТР большей осознанностью и отношенностью к конкретным ситуациям и практике. КРР включают в себя и комплексные образы рискованных ситуаций, и возможные варианты оценивания последствий действий в них.

В целом наши результаты соответствуют общему предположению о равноуровневости представлений о риске на уровнях КРР и ИТР, поскольку применение методик «Когнитивные репрезентации риска», «Шкала медицинских рисков» и «Опросник ИТР» продемонстрировало значимые связи шкал восприятия риска в рамках каждой из них, но очень незначительное число связей между переменными разных методик. Это соответствует частной гипотезе 1. Общая гипотеза также принимается в отношении представлений о равноуровневости ИТР и КРР как психологических образований, включаемых в ДРС ПР.

В контексте профессиональной специфики были выявлены следующие особенности ИТР, КРР и их связей с выборами в задачах о медицинских рисках. Значимые различия установлены между врачами и риелторами по таким показателям ИТР, как *недостаток рациональности* и *приумножение ценностей*, а также *потеря или приобретение* (на уровне тенденции); эти показатели у врачей выше, чем у риелторов. Высокие показатели ИТР *недостаток рациональности* указывают на предполагаемую врачами связь рискованности ситуации с невозможностью контролировать исходы принятого решения. Такая трактовка риска наиболее тесно связана с *интолерантностью к неопределенности* (Ординова, 2013).

По выделенным нами параметрам КРР врачи выше оценивали *вероятности негативного исхода* и у них выше средние *оценки рискованности* (на уровне тенденции). Таким образом, мы можем предположить, что по отношению к перечню возможных профессиональных и неспецифических рисков врачи более настороженны, бдительны. При этом все аспекты КРР в выборке врачей оказались тесно связанными между собой (за исключением оценки *вероятности положительного исхода*, которая в обеих выборках не связана с аспектами КРР и, видимо, строится на иных параметрах оценки риска).

Прогнозируемость и *вероятность негативного исхода* в КРР также положительно коррелируют между собой, т.е. более прогнозируемые риски содержат меньший элемент неопределенности, более

контролируемы, поскольку их возникновение ожидаемо. Однако именно эти риски для врачей выступают как более вероятно ведущие к негативному исходу (а также, согласно табл. 1, это в целом более рискованные и более вероятные ситуации). Большая часть этих связей не воспроизводится в выборке риелторов. Таким образом, для врачей наибольшую *прогнозируемость* и субъективно воспринимаемую *вероятность* имеют наиболее *рискованные ситуации* и *чреватые негативным исходом риски*. Эти аспекты КРР полностью согласуются с отмеченной во множестве работ склонностью врачей к переоценке вероятности тяжелых заболеваний (Канеман и др., 2005; Operskalski, Barbey, 2016). В то время как методика КРР призвана отражать различные аспекты представлений о профессиональных и неспецифических рисках, методика ШМР состоит из вербальных задач, основанных на врачебной практике. Иными словами, она предлагает испытуемым оценить риски и принять определенную стратегию снижения неопределенности (риелторам предлагается сделать это с позиции представителя другой рискованной профессии). Сравнивая группы по этой методике, мы сравниваем выбор и оценки риска реальных врачей разных специальностей с оценками и выборами в тех же (медицинских) ситуациях, которые дают неспециалисты с позиции имеющихся у них представлений о врачах и врачебной деятельности. Различия между группами отражают различия в профессиональном и житейски-бытовом взгляде на источники рисков в деятельности врача и нормативные способы поведения в них. Как и в случае с методикой КРР, показатели методики ШМР в группе врачей демонстрируют большую связность друг с другом, в то время как связи между частными оценками рискованности при выборе тех или иных способов редукции риска в выборке риелторов не достигают уровня значимости.

Полученные результаты позволяют говорить о большей представленности в регуляции ПР у риелторов имплицитных теорий риска. С помощью методики ШМР мы установили, по каким характеристикам различаются представители разных профессий, выбирающих разные способы редукции риска в ситуациях врачебных рисков, что можно считать косвенным признаком влияния этих переменных на выбор, совершающийся здесь и сейчас в процессе выполнения методики. Факт отсутствия устоявшихся особенностей, определяющих выбор человека в рискованных ситуациях, является доводом в пользу принятия принципа неопределенности для понимания формирования и функционирования динамических регулятивных систем (Корнилова и др., 2010). При этом выбор в условиях медицинских рисков у представителей разных профессий

обеспечивается иерархизацией таких систем, так как на ведущий уровень в них могут выходить разные составляющие интеллектуально-личностного потенциала.

Учитывая большую интеграцию КРР и выборов в профессиональных задачах у врачей, можно предположить, что при принятии медицинских решений они в меньшей степени опираются на специализированные КРР и усвоенные в предыдущем опыте способы поведения.

Выводы

1. ИмPLICITные теории риска и его когнитивные репрезентации (диагностируемые по методикам ИТР и КРР) входят в единую систему представлений личности о риске, однако отражают разные ее уровни: от менее осознаваемых и во многом «житейских» имPLICITных теорий до более осознаваемых конкретных когнитивных репрезентаций.

2. Несмотря на то что КРР связаны с ПР как выбором альтернатив при разных источниках риска и стратегиях его редукции, эти связи фрагментарны, их мало, что позволяет предположить влияние на выбор и других компонентов интеллектуально-личностного потенциала.

4. Врачи характеризуются специфическими связями между показателями КРР, отражающими тенденцию воспринимать наиболее рискованные ситуации как более прогнозируемые, вероятные, ведущие к негативным последствиям. Это соотносится с указываемой в литературе тенденцией принятия ими «ошибочных» (не удовлетворяющих критериям рациональности) решений.

5. Методики КРР и ШМР позволяют диагностировать прямые оценки медицинских рисков и представлений о рисках в принятии решений, что не исчерпывается диагностикой ИТР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богачева Н.В., Корнилова Т.В., Красавцева Ю.В. Связи самооценок, имPLICITных теорий риска и личностной готовности к риску у медицинских работников // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2017. № 4. С. 6—19.

Богачева Н.В., Павлова Е.М. Когнитивные репрезентации риска у медицинских работников // Материалы съезда Российского психологического общества / Сост. Л.В. Артищева; под ред. А.О. Прохорова, Л.М. Попова, Л.Ф. Баяновой и др. Казань: Казань, 2017. С. 233—235.

Дядичкина О.В., Радецкая Л.Е. Шкала оценки риска развития спонтанных преждевременных родов // Медицинские новости. 2016. № 2. С. 72—75.

Зинченко В.П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. № 1. С. 207—231.

Каменев И.И., Корнилова Т.В., Разваляева А.Ю. Связи риска при принятии решений с мотивацией и саморегуляцией (на выборке медицинских работников) // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 127—137.

Канеман Д. Думай медленно..., решай быстро. Москва: АСТ, 2014.

Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности. Харьков: Гуманитарный центр, 2005.

Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб: Нестор-История, 2016.

Корнилова Т.В. Риск и мышление // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 4. С. 20—32.

Корнилова Т.В., Керимова С.Г. Особенности личностных предпосылок принятия решений (на материале фрейминг-эффекта) у врачей и преподавателей // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2018. Т. 15. № 1. С. 22—38.

Корнилова Т.В., Павлова Е.М., Красавцева Ю.В., Разваляева А.Ю. Связь фрейминг-эффекта с индивидуальными различиями у студентов-медиков и студентов-психологов // Национальный психологический журнал. 2017. № 4. С. 17—29.

Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.

Кулагина Е.И., Корнилова Т.В. Мотивация, рациональность и готовность к риску в личностном профиле риелторов // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 105—117.

Ординова Е.М. Изучение имплицитных теорий как составляющих когнитивного риска // Психологический журнал. 2013. Т. 34. №1. С. 74—85.

Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилова Т.В. Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 3—13.

Стернберг Р.Дж., Форсайт Дж.Б., Хедланд Дж. и др. Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002.

Blumenthal-Barby J., Krieger H. Cognitive biases and heuristics in medical decision making: a critical review using a systematic search strategy // Medical Decision Making. 2015. Vol. 35. N 4. P. 539—557. DOI: 10.1177/0272989X14547740

Donner-Banzhof N., Seidel J., Sikeler A.M. et al. The phenomenon of the diagnostic process: A primary-care based survey // Medical Decision Making. 2017. Vol. 37. N 1. P. 27—34. DOI: 10.1177/0272989X16653401

Figner B., Weber E. Who takes risks when and why?: Determinants of risk taking // Current Directions in Psychological Science. 2011. Vol. 20. P. 211—216. DOI: 10.1177/0963721411415790

Furnham A. Self-estimated intelligence, psychometric intelligence and personality // *Psychologia*. 2005. Vol. 48. P. 182—192. DOI: 10.2117/psysoc.2005.182

Gigerenzer G. Moral intuition — fast and frugal heuristics? // *Moral Psychology: V. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity* / Ed. by W. Sinnott-Armstrong. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 1—28.

Gigerenzer G., Gaissamaier W., Kurz-Milcke E. et al. Helping doctors and patients make sense of health statistics // *Psychological Science in the Public Interest*. 2007. Vol. 8. N 2. P. 53—96. DOI: 10.1111/j.1539-6053.2008.00033.x

Grove W.M., Zald D.H., Lebow B.S. et al. Clinical versus mechanical prediction: A meta-analysis // *Psychological Assessment*. 2000. Vol. 12. N 1. P. 19—30. DOI: 10.1037/1040-3590.12.1.19

Hillen M.A., Gutheil C.M., Strout T.D. et al. Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare // *Social Science and Medicine*. 2017. Vol. 180. P. 62—75. DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.03.024

Operskalski J.T., Barbey A.K. Risk literacy in medical decision-making // *Science Translational Medicine*. 2016. Vol. 352 (6284). P. 413—414.

Perneger T.V., Agoritsas T. Doctors and patients' susceptibility to framing bias: a randomized trial // *Journal of General Internal Medicine*. 2011. N 26. P. 1411—1417. DOI: 10.1007/s11606-011-1810-x

Suriadi S., Sanada H., Sugama J. et al. Development of a new risk assessment scale for predicting pressure ulcers in an intensive care unit // *Nursing in Critical Care*. 2008. Vol. 13. P. 34—43. DOI: 10.1111/j.1478-5153.2007.00250.x

Поступила в редакцию 01.08.18

Принята к публикации 22.08.18

LEVEL ORGANIZATION OF COGNITIVE RISK REPRESENTATIONS AMONG DOCTORS AND REALTORS

*Elizaveta M. Pavlova*¹, *Nataliya V. Bogacheva*²

¹ *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia*

² *Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia*

Abstract

Relevance. There is no understanding of the role of risk perception in medical decision-making, as well as the cognitive representations and implicit theories of risk of doctors. The concept of an intellectual-personal human potential helps us investigate the links between those levels of risk perception and the specifics of decision-making.

Objective. The hypothesis about the relationship between cognitive representations of risk, the preference towards certain choices in verbal tasks, and the engagement of implicit risk theories in the regulation of choices was tested.

Methods. 103 people aged 21-73 years participated, 59 doctors, and 44 realtors. Medical Risk Scale (SHMR, MRS), Cognitive Risk Representations Inventory (CRR) and Implicit Risk Theories Questionnaire (ITR) were applied.

Results. Risk representations are weakly related, though the variables are more integrated within the same level. The differences between the groups were found in: some implicit risk theories; average risk assessment; estimates of the riskiness of situations and the likelihood of a negative outcome. The groups also differed in preferences of risk reduction strategies, depending on a subjective riskiness. Thus, the inventories reflect different levels of risk perception, mediated by the professional specifics of the participants. Among doctors evaluation of riskiness of the situation is linked with the lack of control; their implicit risk theories, in general, have little relationship with the representations of specific risks.

Conclusion. Implicit risk theories and cognitive representations of risks appear as different levels of procedural regulation of decision-making; Inventories we developed are good tools for diagnosing representations of medical risks.

Key words: dynamic regulative functions, decision-making, risk, cognitive representations, implicit theories, medicine professions, medical risk scale.

References

Blumenthal-Barby, J., Krieger, H. (2015). Cognitive biases and heuristics in medical decision making: a critical review using a systematic search strategy. *Medical Decision Making*, 35, 4, 539—557. DOI: 10.1177/0272989X14547740

Bogacheva, N.V., Kornilova, T.V., Krasavceva, Yu.V. (2017). Svyazi samoocenok, implicitnyh teorij riska i lichnostnoj gotovnosti k risku u medicinskih rabotnikov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences], 4, 6—19.

Bogacheva, N.V., Pavlova, E.M. (2017). Kognitivnye reprezentacii riska u medicinskih rabotnikov. In Artishcheva L.V. (compil.), Prohorov A.O. et al. (eds.) *Materialy s'ezda Rossijskogo psihologicheskogo obshchestva* [Materials from the Congress of the Russian Psychological Society] (pp. 233—235). Kazan': Kazan'.

Donner-Banzhof, N., Seidel, J., Sikeler, A.M. et al. (2017). The phenomenology of the diagnostic process: A primary-care based survey. *Medical Decision Making*, 37, 1, 27—34. DOI: 10.1177/0272989X16653401

Dyadichkina, O.V., Radeckaya, L.E. (2016). Shkala ocenki riska razvitiya spontannyh prezhdevremennyh rodov. *Medicinskie novosti* [Medical news], 2, 72—75.

Figner, B., Weber, E. (2011). Who takes risks when and why?: Determinants of risk taking. *Current Directions in Psychological Science*, 20, 211—216. DOI: 10.1177/0963721411415790

- Furnham, A. (2005). Self-estimated intelligence, psychometric intelligence and personality. *Psychologia*, 48, 182—192. DOI: 10.2117/psysoc.2005.182
- Gigerenzer, G. (2008). Moral intuition — fast and frugal heuristics? In W. Sinnott-Armstrong (ed.) *Moral Psychology: V. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity* (pp. 1—28). Cambridge, MA: MIT Press
- Gigerenzer, G., Gaissamaier, W., Kurz-Milcke, E. et al. (2007). Helping doctors and patients make sense of health statistics. *Psychological Science in the Public Interest*, 8, 2, 53—96. DOI: 10.1111/j.1539-6053.2008.00033.x
- Grove, W.M., Zald, D.H., Lebow, B.S. et al. (2000). Clinical versus mechanical prediction: A meta-analysis. *Psychological Assessment*, 12, 1, 19—30. DOI: 10.1037/1040-3590.12.1.19
- Hillen, M.A., Gutheil, C.M., Strout, T.D. et al. (2017). Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare. *Social Science and Medicine*, 180, 62—75. DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.03.024
- Kamenev, I.I., Kornilova, T.V., Razvalyaeva, A.Yu. (2018). Svyazi riska pri prinyatii reshenij s motivaciej i samoregulyaciej (na vyborke medicinskih rabotnikov). *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 1, 127—137.
- Kaneman, D. (2014). *Dumaj medlenno... reshaj bystro* [Think slowly... decide quickly]. Moscow: AST.
- Kaneman, D., Slovik, P., Tverski, A. (2005). *Prinyatie reshenij v neopredelennosti* [Decision making in uncertainty]. Har'kov: Gumanitarnyj centr.
- Kornilova, T.V. (1994). Risk i myshlenie. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 15, 4, 20—32.
- Kornilova, T.V. (2016). *Intellektual'no-lichnostnyj potencial cheloveka v usloviyah neopredelennosti i riska* [Intellectual-personal potential of a person in conditions of uncertainty and risk]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Kornilova, T.V., Kerimova, S.G. (2018). Osobennosti lichnostnyh predposylok prinyatiya reshenij (na materiale frejming-effekta) u vrachej i prepodavatelej. *Psihologiya. Zhurnal Vysšej Shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 15, 1, 22—38.
- Kornilova, T.V., Pavlova, E.M., Krasavceva, Yu.V., Razvalyaeva, A.Yu. (2017). Svyaz' frejming-effekta s individual'nymi razlichiyami u studentov-medikov i studentov-psihologov. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 4, 17—29.
- Kornilova, T.V., Chumakova, M.A., Kornilov, S.A., Novikova, M.A. (2010). *Psihologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potenciala cheloveka* [The psychology of uncertainty: the unity of the person's intellectual-personal potential]. Moscow: Smysl.
- Kulagina, E.I., Kornilova, T.V. (2005). Motivaciya, racional'nost' i gotovnost' k risku v lichnostnom profile rieltorov. *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 2, 105—117.
- Operskalski, J.T., Barbey, A.K. (2016). Risk literacy in medical decision-making. *Science Translational Medicine*, 352 (6284), 413—414.
- Ordinova, E.M. (2013). Izuchenie implicitnyh teorij kak sostavlyayushchih kognitivnogo riska. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 34, 1, 74—85.

Perneger, T.V., Agoritsas, T. (2011). Doctors and patients' susceptibility to framing bias: a randomized trial. *Journal of General Internal Medicine*, 26, 1411—1417. DOI: 10.1007/s11606-011-1810-x

Smirnov, S.D., Chumakova, M.A., Kornilova, T.V. (2016). Obraz mira v dinamicheskom kontrole neopredelennosti. *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 4, 3—13.

Sternberg, R.Dzh., Forsajt, Dzh.B., Hedland, Dzh. et al. (2002). *Prakticheskij intellekt* [Practical intelligence]. St. Petersburg: Piter.

Suriadi, S., Sanada, H., Sugama, J. et al. (2008). Development of a new risk assessment scale for predicting pressure ulcers in an intensive care unit. *Nursing in Critical Care*, 13, 34—43. DOI: 10.1111/j.1478-5153.2007.00250.x

Zinchenko, V.P. (2006). Soznanie kak predmet i delo psihologii. *Metodologiya i istoriya psihologii* [Methodology and history of psychology], 1, 207—231.

Original manuscript received August 1, 2018

Revised manuscript accepted August 22, 2018

УДК 159.9.072.432
doi: 10.11621/vsp.2018.04.54

ПОИСК СМЫСЛА СОБСТВЕННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА)

В. Ф. Петренко, Е. А. Дедюкина

Актуальность. Проблема поиска человеком смысла собственного существования актуальна во все времена и у всех народов. Исследование этой проблемы имеет ярко выраженный междисциплинарный характер. В представляемой здесь работе пересекаются интересы психологии искусства, семиотики кино, психологии религии, этики, а для обработки полученных данных используется современный математический аппарат многомерной статистики.

Цель. На материале восприятия художественного фильма на буддийскую тематику исследовать глубину его понимания группой молодых россиян: выделить систему личностных конструктов (Келли) восприятия фильма; определить когнитивную сложность группового сознания респондентов-зрителей; проанализировать личностные смыслы, возникшие у разных зрителей при том или ином понимании фильма.

Методы. Использовались методы психосемантического исследования с применением метода триадического выбора Дж. Келли и последующим шкалированием персонажей фильма и добавленных ролей по составленным респондентами личностным конструктам. Респонденты — 38 аспирантов, магистрантов и студентов различных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова.

Результаты. Применение метода триадического выбора Дж. Келли позволило выявить систему личностных конструктов и на их базе построить семантическое пространство, задаваемое базовыми категориями-

Петренко Виктор Федорович — член-корр. РАН, доктор психологических наук, зав. лабораторией «Психология общения» ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. лабораторией ИСА РАН. *E-mail:* victor-petrenko@mail.ru

Дедюкина Елена Александровна — выпускник магистратуры ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* yourdream013@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (грант № 17-18-01610).

факторами, сквозь призму которых происходит восприятие и осознание фильма. Получены 8 хорошо интерпретируемых факторов, демонстрирующих элементы ткани художественного фильма и оказавшихся в фокусе понимания респондентов: «Юность, неопытность — Мудрость, зрелость», «Эгоизм — Человеколюбие», «Ориентация на сакральность — Ориентация на мирскую жизнь, социум», «Пассивность, инертность — Активная жизненная позиция», «Рациональность — Следование страстям», «Открытость новому опыту — Конформизм», «Страдающий, несчастный — Наслаждающийся жизнью», «Маскулинность — Феминность».

Выводы. Зрители художественного фильма по-разному и на разных уровнях осознают его смысл. Одни осознают его на уровне сюжетной линии и оценки персонажей, другие осознают философский, экзистенциальный смысл произведения и соотносят его со своими духовными поисками. Художественное произведение как носитель заложенных в него смыслов требует от зрителя активного осмысления, инициирует работу мысли, встречное духовное творчество понимания.

Ключевые слова: психология искусства, проблема понимания, смысл, психосемантика, личностные конструкты, буддизм, эмпатия.

Введение

В языке психологической науки нет четкого термина, обозначающего идентификацию, включающую сопереживание эмоциям и ощущениям другого живого существа. Зритель, пришедший на спортивные соревнования или на балет, идентифицируется с молодым гибким телом спортсмена или артиста. Вместе с гимнастом он совершает немислимые кульбиты, вместе с балериной крутит фуэте, вместе с футболистом в падении, через себя посылает мяч прямо «в девятку». Наверное, самый подходящий термин, описывающий подобную феноменологию, — это эмпатия.

Феномен искусства во многом построен на эмпатическом сопереживании, или интуиции (в терминологии А. Бергсона, 1998). Но если при простом эмпатическом восприятии другого и идентификации с ним мы способны сопережить чувство удовольствия или страдания, которое испытывает наш контрагент, то при прочтении романа или просмотре художественного фильма мы, будучи способными к идентификации и эмпатии, можем встать на позиции персонажей или вступить с ними во внутренний диалог, поддерживая или оспаривая их системы ценностей. М.М. Бахтин (1963) обозначил эту способность термином «полифония», раскрыв многомерную работу по формированию смысла, которая осуществляется как в диалоге с внешним собеседником, так и в форме диалога интроектов (образов значимых других) внутри одного сознания. Внутренняя работа по

пониманию полифонического романа (или более широко — полифонического произведения искусства) требует от зрителя, читателя, слушателя гораздо больше усилий, чем при простом сопереживании, эмпатии в ходе некоего зрелищного представления.

Теоретические проблемы психологии искусства представлены во многих работах (напр.: Аллахвердов, 2001; Арнхейм, 1994; Выготский 1998; Грязева-Добшинская, 2002; Дорфман, 1997; Кулка, 2014; Леонтьев, 1997; Лотман, 1973, 1998, 2000). Психосемантический подход к проблеме восприятия и понимания художественного фильма представлен нами в цикле эмпирических исследований (Грачева и др., 1988; Петренко и др., 1982; Петренко, Дедюкина, 2017; Петренко, Сапсалева, 2005).

Цель настоящей работы — на материале восприятия художественного фильма на буддийскую тематику исследовать глубину его понимания молодыми россиянами: выделить систему личностных конструктов (Келли) восприятия фильма; определить когнитивную сложность группового сознания респондентов-зрителей; проанализировать личностные смыслы, возникшие у разных зрителей при том или ином понимании фильма.

В качестве испытуемых были задействованы 38 аспирантов, магистрантов и студентов различных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова.

В качестве объекта исследования был выбран художественный фильм «Самсара» (2001 г.) индийского режиссера Пана Налина, отличающийся наполненностью философскими идеями, а также непривычной для российского зрителя повседневностью буддистов — жителей области Ладакх на севере Индии.

В центре зрительского внимания — жизнь молодого буддийского монаха Таши, который с 5 лет воспитывался в монастыре, более 3 лет провел в медитации, после чего вернулся в свой родной монастырь, где его наградили высоким титулом Ламы. Однако, будучи подверженным земным страстям и влечениям (в буддизме — «клеши»), Таши покидает монастырь, чтобы испытать мирскую жизнь и пережить чувство любви. Он создает крепкую семью, становится любящим отцом и примерным семьянином, научается справедливому разрешению конфликтных ситуаций, в целом живет, полагаясь на свое сердце. Однако спустя несколько лет он «оступается» (увлекается молодой девушкой) и, получив письмо с предсмертным напутствием своего духовного наставника, снова задается мучившими его ранее глубокими вопросами миропонимания, ответы на которые он, вероятно, так и не нашел. Таши

намеревается вернуться в монастырь, но его мудрая супруга Пема объясняет ему, в чем заключается смысл любви к дхарме (безличному началу бытия). В конце фильма герой остается на распутье, а зрителю предоставляется возможность домыслить его выбор.

История Таши отсылает зрителей к судьбе Будды. В их жизнеописаниях можно провести несколько параллелей, например оба решаются оставить свои семьи ради достижения просветления.

Методика и процедура

На первом этапе исследования использовался метод триадического выбора Дж. Келли (2000)¹. Респондентам предъявлялось 11 карточек (рис. 1) с изображениями 8 персонажей фильма и трех дополнительных ролей («Я сам», «Мой идеал» и Будда). Давалась инструкция: «Образуя все возможные сочетания троек персонажей, объединить двух персонажей по какому-то сформулированному основанию и противопоставить их третьему, также сформулировав это основание».

Также респондентам было предложено, манипулируя карточками, создавать конструкторы — свойственные персонажам характеристики, особенности поведения, выраженные словосочетаниями, которые послужат материалом для создания опросной анкеты. В результате от 38 респондентов было получено 772 личностных биполярных конструктора, из которых экспериментатором были отобраны 218 оригинальных.

На втором этапе исследования респонденты давали оценку каждому персонажу по 7-балльной градуальной шкале (+3 +2 +1 0 -1 -2 -3), где +3 и -3 означали максимальные характеристики каждого персонажа соответственно по левому и правому полюсам 218 конструкторов. По суммарным оценкам была получена матрица данных, которая затем подвергалась процедуре факторного анализа.

Обработка. Полученная групповая матрица данных (11 персонажей, оцененных по 218 личностным конструкторам) подвергалась процедуре факторного анализа методом главных компонент по программе SPSS с использованием вращения факторной структуры по принципу «варимакс». Нормальность распределения факторов определялась по критерию Колмогорова—Смирнова.

¹ Процедура триадического выбора Дж. Келли выгодно отличается от методики «Семантического дифференциала» Ч. Осгуда (см.: Семиотика..., 1972), так как позволяет использовать шкалы (личностные конструкторы), сформулированные самими респондентами.

Рис. 1. Персонажи фильма: Таши — главный герой; молодой монах, решивший уйти из монастыря и жить мирской жизнью; Пема — супруга главного героя; Сюта — сезонная наемная работница; Дава — торговец зерном; Джамаянк — житель деревни, бывший жених Пемы; Сонам — молодой монах, друг Таши; Апо — монах, духовный учитель Таши; Тензин Торгай — отец Пемы; Я сам, Мой идеал и Будда — три дополнительные роли

Результаты

Получено 8 хорошо интерпретируемых факторов, демонстрирующих элементы ткани художественного фильма и оказавшихся в фокусе понимания респондентов. Опишем их.

Первый фактор (Ф1): *сильный, уверенный; тверд силой и духом; опытность; благоразумие; знает, чего хочет; верность своим идеалам; нет явных душевных терзаний; умный и зрелый; глубокая вера, погруженность в себя; реальный взгляд на вещи; рассудительность; сила характера, воли; верность делу; может передать свой опыт и знания молодым и т.д. ↔ не уверен в своих силах; слабый; эмоциональный подросток; мечтательность, витание в облаках; раздражительность; безрассудство; поверхностность; поиск идеалов; мечтательный; ищет свой оазис духовного равновесия; дисгармоничность; увлеченность разными делами; стремление к практике проб и ошибок для совершенствования; окунуться в пучину страстей и т.д.*

Исходя из содержания конструктов, имеющих высокую положительную или отрицательную факторную нагрузку (знак факторной нагрузки не имеет оценочного смысла, а только показывает, к какому полюсу фактора относится данный конструкт), мы проинтерпретировали Ф1 как «Юность, неопытность ↔ Мудрость, зрелость».

Второй фактор (Ф2): *бескорыстность; доброта; справедливость; дружелюбие; стеснительность; жажда любви; порядочность; милосердие; стремление к духовной чистоте; любовь к другим; забота о других; честность, открытость; прощающий; дающий; поступает в соответствии с чувством долга, моральными убеждениями и т.д. ↔ поиск выгоды; хитрость; обманывающий; враждебность; наглость; жажда денег; лживость; равнодушие; жестокость; эгоизм; стремление к наживе; зависть; любовь к себе; берущий; корысть, лживость.* Ф2 мы проинтерпретировали как «Эгоизм ↔ Человеколюбие».

Как видно на рис. 2, где представлено расположение персонажей в семантическом пространстве (СП) первых двух факторов, наиболее мудрыми и зрелыми респонденты считают Будду, духовного учителя Апо, а также ролевую позицию «Мой идеал». Юными и неопытными испытуемые видят главного героя Таши и самих себя («Я сам»). Наиболее эгоистичными персонажами предстают скупщик зерна Дава и наемная работница Суята, а большинство персонажей и оцениваемых ролей, по мнению респондентов, че-

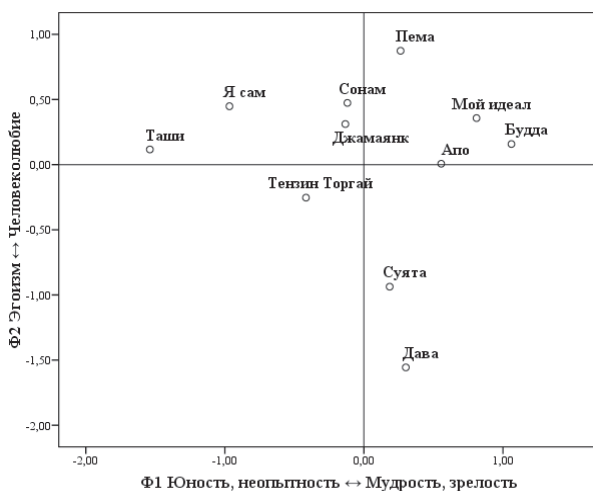

Рис. 2. Семантическое пространство персонажей по Ф1, Ф2

ловеколюбивы. Самой гуманной оказалась супруга главного героя Пема. У Будды, однако, по мнению испытуемых, любовь к людям слабо выражена.

Третий фактор (Ф3): нет ничего важнее отрешенности от мирской суеты; отшельничество; стремление к прошлому; неповоротливость; поиск себя; ожидание; направленность на внутренний мир; просветленный; духовность; путь монаха ↔ окружающие люди — главная ценность; укорененность в социум; отзывчивость; стремление к молодости, жизни; жить в реальности; терзаем мирскими страстями; живет в миру; чувственные удовольствия; отзывчивость; соблазнительность; действие и др. Ф3 был нами проинтерпретирован как «Ориентация на сакральность ↔ Ориентация на мирскую жизнь, на социум».

Четвертый фактор (Ф4): деловитость; решительность; отвечает свою правду; активное начало; предприниматель; ответственность; жертвенность; любовь; креативность, любвеобильность и в оппозиции ↔ непрактичность; грустный; нерешительность; простофиля; безответственность; причиняющий боль; следование правилам и т.д. Этот фактор мы проинтерпретировали как «Пассивность, инертность ↔ Активная жизненная позиция».

На рис. 3 видно, что в представлении респондентов наиболее ориентированы на духовную жизнь монахи Апо (духовный учитель)

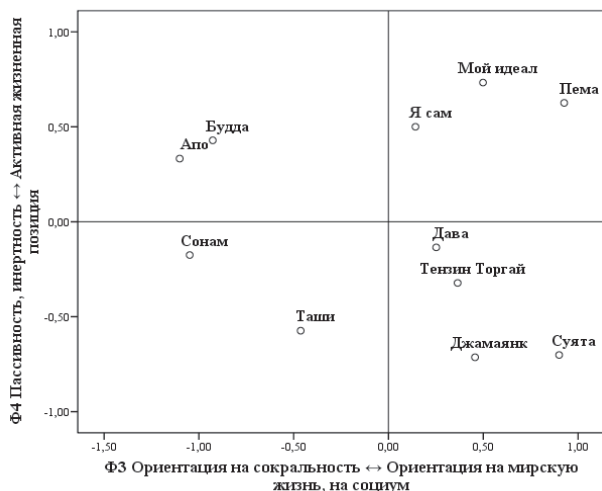

Рис. 3. Семантическое пространство персонажей по Ф3 и Ф4

и Сонам (монастырский друг Таши), а также Будда. К «мирянам», по мнению респондентов, относятся жители деревни (Суята, Пема, Джамаянк, Тензин Торгай, Дава) и роль «Мой идеал». Ролевая позиция «Я сам» тяготеет к нейтральному положению по Ф3. Интересно, что в главном герое фильма Таши испытуемые увидели большую ориентацию на сакральность, чем на мирскую жизнь. По Ф4 наиболее пассивными и инертными оказались Суята, Джамаянк, Таши, а активностью, по мнению участников исследования, отличаются Пема (супруга главного героя) и роли «Мой идеал» и «Я сам».

Пятый фактор (Ф5): целостный; не похотливый; соблюдает порядок; задумчивость; не пошлый; направленно ищущий; теоретичный ↔ похотливый; нарушает порядок; легкомыслие; пошлый; распыляющийся; практически ориентированный. Данный фактор был нами проинтерпретирован как «Рациональность ↔ Следование страстям».

Шестой фактор (Ф6): склонен к романтизму; эмпиричность, совмещаемая с собственным опытом и переживаниями; любознательность; стремление к совершенству; желание изменить мир; стремящийся к свободе; инновационность, сотрудничество; открытость новому; непокорность и др. ↔ не привык сопротивляться, плывет по течению; ориентация на опыт и на указания старших; консерватизм; постоянство, застой; покорность судьбе; традиционность, коллективность; смирение; следует за обстоятельствами и др. Этот фактор получил название «Открытость новому опыту ↔ Конформизм».

Семантическое пространство Ф5 и Ф6 (рис. 4) показывает, что Джамаянк (бывший жених Пемы), монахи Апо и Сонам больше остальных придерживаются здравого смысла и не идут на поводу своих страстей в отличие от главного героя Таши, наемной работницы Суяты, а также ролевой позиция «Я сам». Ролевая позиция «Мой идеал» тяготеет к нейтральному значению по данному фактору и можно предположить, что респонденты желают быть менее импульсивными. Отличающиеся рациональностью героини также являются наиболее конформными, по мнению участников исследования. К ним относятся: супруга нашего героя Пема и ее отец Тензин Торгай. Сам же герой фильма Таши в большей степени открыт новому опыту, как Будда и «Мой идеал». Ролевая позиция «Я сам» скорее характеризуется традиционностью, хотя и не столь выраженной.

Седьмой фактор (Ф7): страдающий; холодный; потухший; неудовлетворенный; отталкивающий; осуждающий; идущий на поводу своих страстей; тусклый ↔ наслаждающийся жизнью; дружелюбный; горящий; удовлетворенный; обаятельный; поддерживающий;

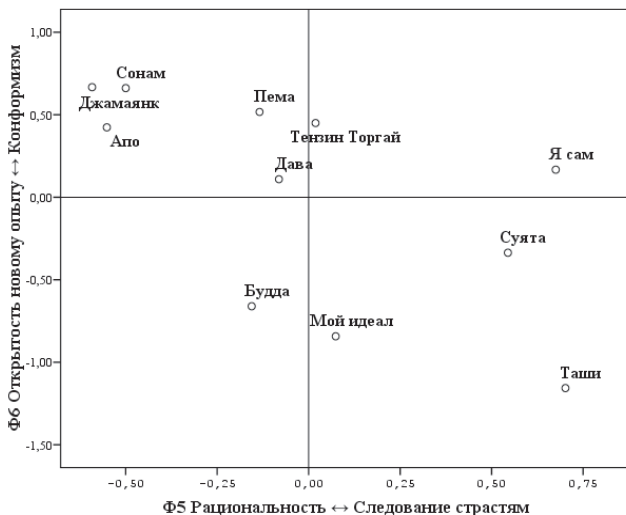

Рис. 4. Семантическое пространство персонажей по Ф5, Ф6

умиротворенный; яркий. Мы интерпретировали его как «Страдающий, несчастный ↔ Наслаждающийся жизнью».

Восьмой фактор (Ф8): жесткий; мужественный; не хочет контролировать свое влечение (либидо); твердый, уравновешенный характер; есть опыт; на пороге обретения самости (или уже ее обрел) ↔ идущий на компромиссы; женственный; может контролировать себя и влечения; мягкий, гибкий характер; нет опыта, всегда исследует; идет к обретению самости. Данный фактор был проинтерпретирован нами как «Маскулинность ↔ Феминность».

На рис. 5 видно, что респонденты определили Даву (торговца зерном) как наиболее страдающего и несчастного, хотя сцен, явно указывающих на это, в фильме не было. Персонаж Дава отличается деспотичностью и предприимчивостью, он хороший делец с весьма скверным характером. Видимо, участники исследования на подсознательном уровне понимают, что такому человеку живется нелегко. Самих себя респонденты в среднем тоже оценили как несчастных и страдающих. Самой наслаждающейся жизнью, по мнению участников, является Суята — красивая молодая девушка, помогающая на полевых работах крестьянам. По Ф8 феминные качества в большей степени характеризуют молодого монаха Сонама (мягкость), бывшего жениха Пемы Джамаянка (податливость) и работницу Суяту.

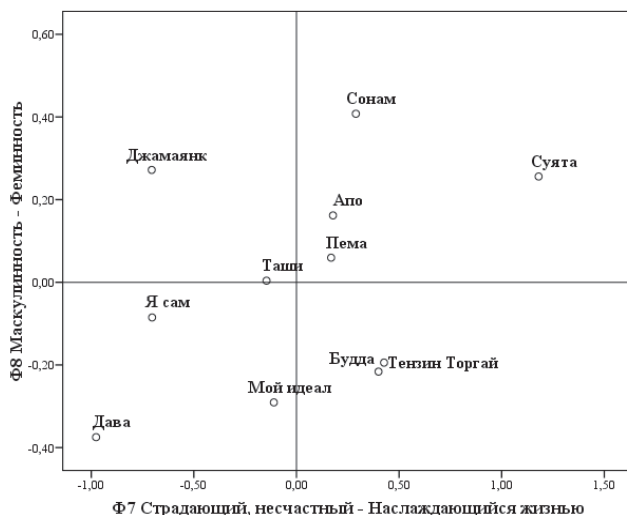

Рис. 5. Семантическое пространство персонажей по Ф7, Ф8

Твердый и жесткий торговец зерном Дава ближе всех находится к полюсу маскулинности. Роль «Мой идеал» имеет большую маскулинную выраженность, чем роль «Я сам».

Анализируя полученные данные, нужно отметить, что СП, отображающее восприятие и понимание художественного произведения, достаточно дифференцировано, логично и осознанно. Выделенные факторы не идут в разрез со смысловым содержанием кинофильма, а комплементарны ему. Однако не все идеи создателей фильма были «прочитаны» респондентами. В первую очередь это касается философии буддизма, пронизывающей весь фильм, учения Будды, которого придерживаются не только монахи из монастыря, но и простые жители деревни. За пределами внимания респондентов осталось и сопоставление жизнеописаний самого Будды и главного героя фильма Таши — своего рода интерпретация того, как бы мог жить Будда в современном мире. Идеи буддизма (Козлов 2010; Померанц, Миркина, 2012; Торчинов, 2005; Чоки Нима Ринпоче, 2002; Щербатской, 1988) слабо отображены в полученных личностных конструктах. Лишь при обсуждении фильма после завершения исследования несколько человек высказались про схожесть судеб Будды и Таши.

— «Главный герой бросил свою семью и отправился дальше искать смысл жизни»;

— «Как сохранить каплю от высыхания? — Пустить её в море». Последние кадры — птица летит высоко в небе под плывущими облаками. Здесь формулируется цель человеческой жизни — в конечном итоге выйти из колеса сансары, из колеса перерождений, и слиться с «Абсолютом».

Также важно сказать, что предложенные создателями фильма философские идеи, жизненные позиции, олицетворенные в персонажах, также не были полностью поняты испытуемыми. Ведь герои фильма не просто представляют собой различные типы, которые можно встретить на улице, а являются носителями определенных жизненных позиций. Поступками героев авторы предлагают свои варианты ответов на многие сложные вопросы, которые человечество еще не разрешило. Например, отношения человека и Бога (Космоса), вопросы веры, смысла жизни, наличие судьбы и свободы. При анализе художественного фильма респондентами была воспринята только бытовая сторона жизни персонажей, правильность и неправильность совершенных ими поступков.

Главный герой фильма в целом был оценен негативно. Вместо осознанного стремления двигаться дальше к просветлению в нем разглядели импульсивность и инфантильность, а стремление героя к трансцендентному, духовному развитию не были определены, а сам Таши расценен как антигерой. Приведем несколько ответов респондентов на вопрос: «О чем фильм?» (орфография и пунктуация респондентов сохранены).

— «Фильм о попытках человека (он вообще был человеком? Когда он им стал? В самом конце? Стал ли?) почувствовать “жизнь”»;

— «Фильм о молодом человеке по имени Таши. Главный герой на старте, имеющий огромный потенциал и возможности, по моему мнению, беден духом, так как он не знает слова «достаточно», не умеет ценить того, что достиг. Получать удовольствие от своего богатства (Богом дано, а дано ему не мало). В своем стремлении объять необъятное, он разбазаривает все, что ему было дано. И подобно пушкинской старухе остается у разбитого корыта. В фильме шикарные цитаты! Особенно в конце (в письме Апо): “Что важнее — удовлетворить 1000 страстей или побороть одну единственную?”»;

— «Я думаю, что Таши, если он — капля воды, которую хочет импортировать в море, он уже высох, прежде чем он войдет в море. Когда он покинул храм, он предал свои убеждения. Когда он вернулся в храм, он предал свою семью. Даже он наконец вернется в храм, причина бегства была выше, чем он хотел найти правду, такие люди как он не могут встретить правду».

Однако встречались и более сочувственные рассуждения респондентов по поводу главного героя:

— «Каждый из нас как Таши, перед нами есть учитель Апо, он для нас как книга, указывает нам на те знания, которые нам нужны (теоретические знания), но нам нужны не только теория, но и практика. Для Таши Суята — это его практика. Несмотря на то, плохим или хорошим будет результат, человек должен испытывать его, если он хочет»;

— «Фильм про понимание смысла жизни с разных точек зрения: духовной и душевной, религиозной и обыденной»;

— «Жизнеописание монаха Таши, который с 5 лет в буддийском храме, не познав мирской жизни. Встреча с девушкой Пемой и ритуалы вызвали в нём протест и желание узнать мирскую жизнь. Фильм про выбор пути, про жизнь в миру и в отшельничестве, в буддийском храме. О преодолении себя, о предназначении, о любви, о женском и мужском, о дружбе, о сострадании, мудрости. О переживаниях, общении, правилах общения, о семье — мирской и религиозной. О миссии женщин — матери, женщины — спутницы жизни мужчины. Фильм глубокий. О силе духа. О сложности человеческой натуры, в которой и великое преодоление, и импульсивность»;

— «Фильм посвящен желанию найти место в мире, которое каждый рано или поздно испытывает, в независимости от происхождения и культуры, к которой он принадлежит».

Выделенные в ходе исследования факторы в большей степени относятся к оценке персонажей, к их личностным характеристикам. Можно предположить, что такой результат частично связан и с методом исследования, в основе которого лежит триадический выбор. Дж. Келли разработал его для оценки успешности психотерапии, прослеживая динамику трансформации личности пациента. Вероятно, на результаты повлиял и характер выбранного фильма, где основной замысел режиссера заключается не в межличностных взаимодействиях, он отсылает к философским вопросам духовности, просветлению и смыслу жизни. Тем не менее некоторые участники исследования поняли суть фильма, что отразилось в ответах на дополнительные вопросы: «О чем фильм?» и «Чем закончился фильм?» (примеры ответов см. в таблице), а также в беседе, посвященной обсуждению фильма и полученных результатов.

Обсуждение

По результатам проведенного эмпирического психосемантического исследования можно заключить, что картина мира (термин А.Н. Леонтьева) участников исследования не отличается полной, поскольку не все идеи, заложенные творческим коллективом создателей фильма, были восприняты и поняты. В частности, в

**Примеры ответов испытуемых
на дополнительные вопросы по фильму**

	Чем закончился фильм?
1	Таши остановился на распутье: дом и семья или вера и просвещение, а главное, он понял, что ему тяжело и с этим, и без этого (про семью). Он не может понять, что ему делать. Возможно, в конце он находит для себя общий путь, совмещающий две жизни.
2	Всё вернулось на круги своя. Главный герой вернулся в храм.
3	Просветлением, пониманием другого смысла своего существования, предназначения.
4	Таши не вернётся к семье, т.к. для него внешние принуждения не играют большой роли. Он поступает по собственному желанию. Возможно, он несколько лет будет жить монашеской жизнью, но, когда возникнут новые желания и идеи, он станет реализовывать их. Скорее всего, он периодически будет возвращаться в мирскую жизнь, а затем, спустя какое-то время, опять «ударится» в монашество.
5	Концовка фильма (после концовки) главный герой вернётся в монастырь (вероятно, даже если бы он попытался вернуться к семье — его бы уже не приняли). Его жена и сын будут продолжать жить самостоятельно «мирской» жизнью.
	Про что фильм?
1	Про путь просвещения и его сложности. Про выбор между мирской и духовной жизнью. Путь человека в жизни.
2	Про поиски себя, не завершившиеся ничем. Возможно, как раз о том, что человек не меняется, что нет никаких Переждений и Просветлений; в них лишь хочется верить людям, чтобы оправдать себя за прошлые ошибки тем, что «сейчас я уже другой».

	<p>Про непростой жизненный путь, полный искушений и соблазнов. Если бы герой не изменил жене, то все бы было хорошо. Но он очень глупо поступил, за что поплатился в концовке. Ведь герою было очень плохо без любви в на- чале, и в конце при потере отношений из-за измены. А когда чувства были живы, было всё. Счастье, смысл жизни, одухотворённость. Монаху/мужу не удалось справиться не с одной из своих социальных ролей потому, что он не мог довольствоваться тем, что имел, ему всего было мало.</p>
3	<p>Фильм о становлении молодого монаха, о его метаниях. В этом фильме можно выделить дилемму в виде: лучше жить, посвящая себя чему-то, что находится вне тебя или же жить, стремясь удовлетворить свои страсти. Отсюда очень красивая фраза наставника главного героя: «что же в этой жизни важнее — удовлетворить тысячу страстей или по- бедить одну единственную». Главный герой фильма монах Таши провёл в медитации более 3 лет, за это его погом на- граждают высоким титулом. И наверно в этом и можно увидеть переломный момент. Ведь оказалось, что для Таши — медитация и следование букве писания являлось, скорее, испытанием, чем-то, что нужно достигнуть, но не путем, не бытием, где само понятие достижения не применимо. Выбрав мирскую жизнь, Таши снова живет, лишь достигая, он пытается достигать удовлетворения своих страстей, а поэтому и здесь не может найти себя, отсюда метания, вы- ражающие в том, что герой сам не ведает, что делает. Ведь посвящая себя обычной жизни, это тоже значит сделать её бытием своим тем, что определяет человеком, движет, что позволяет ему чувствовать жизнь во всей полноте, а не от страсти к страсти.</p>
4	<p>Фильм о выборе жизненного пути и смысла своей жизни. О философии буддизма как отсечении привязанностей и страстей и о сострадании ко всем живым существам.</p>
5	<p>Фильм про то, как сложилась судьба людей, живших в Индии примерно в 50-е годы. В основном показаны сельские жители «глубинки» с их традиционным мировоззрением и отношением к труду. Про то, как и чем живут «монахи» от Будды в своей традиции и как их набирают в монастырь, где они и как живут, как умирают, как хранят древний завет. Про то, как и чем живут женщины в условиях религии. Про то, как «цивилизация» входит в жизнь «глубинки». Про то, как горы, камни, погода, животные живут в гармонии.</p>

Примечание. Орфография и пунктуация респондентов сохранены.

полученных данных не отображена идея буддийской философии (срединный путь, избавление от страданий, физическое и духовное самосовершенствование, а также собственный путь, приводящий к идеям Будды и др.). Внимание респондентов было сосредоточено на личностных характеристиках персонажей фильма, хотя его героями выступили буддисты, в том числе и буддийские монахи. (Вспомним понятие Анатман в буддизме, отрицающее личность как таковую.) В то же время полученное групповое семантическое пространство является достаточно дифференцированным и хорошо осознанным. Восемь выделенных факторов говорят о коллективной когнитивной сложности испытуемых.

Несмотря на то что фокус внимания респондентов был направлен на личности героев кинофильма, они не были раскрыты как носители определенных жизненных смыслов, за которыми стоит жизненная философия в ее многообразии. Респонденты не овладели языком, раскрывающим эти смыслы, заложенные создателями фильма. В первую очередь это относится к постижению зрителями главного героя. Он был понят плоско, в контексте бытовых суждений и некоторыми испытуемыми был воспринят как антигерой. Похожая ситуация — с оцениваемой ролью Будды, которая была добавлена на этапе шкалирования. В целом Будда был оценен положительно, однако его расположение в семантическом пространстве не отображает идей его философии, и он не воспринимается как идеал, духовный образец для любого буддиста.

Отчасти такие результаты могут быть представлены как артефакт используемого метода триадического выбора, так как изначально он был задуман Дж. Келли как способ отслеживания трансформации личности в ходе психотерапии. С методологической точки зрения интересно провести аналогичное психосемантическое исследование, но с применением другого метода, например метода атрибуции мотивов поступкам. Также причина может лежать и в самом объекте исследования. Фильм «Самсара» не относится к разряду «для семейного просмотра», в него заложены глубокие вопросы: смысл человеческого существования, взаимоотношение высших сил и человека, трансцендентальные ценности и др.

В то же время важно заметить, что метод настоящего исследования позволил выявить те особенности художественного фильма, которые проявлялись в вербальном обсуждении и дополнительных ответах на вопросы «про что фильм?» и «чем закончился фильм?». Эти особенности выражены также в полученных факторах, кото-

рые, безусловно, являются частью картины мира (Гуревич, 1984; Кандинский, 1989; Леонтьев, 1983; Петренко, 2013) участников исследования, достаточно дифференцированной и осознанной. Как отметил в своем протоколе один из респондентов: «Фильм посвящен желанию найти свое место в мире, которое каждый человек рано или поздно испытывает вне зависимости от происхождения и культуры, к которой он принадлежит».

Заключение

Любое произведение искусства (если, конечно, это настоящее произведение искусства) вызывает у зрителя (читателя, слушателя) эмоциональный отклик и переживания, в чем-то единообразные для популяции, культуры, а в чем-то индивидуальные, присущие именно данному человеку с его характерологическими особенностями, индивидуальной системой ценностей, когнитивной сложностью сознания, уровнем духовности.

Материалы исследования показали, что необычный, нетрадиционный для молодых российских зрителей фильм вызвал у них интерес и заставил задуматься как о вариантах жизненных сценариев, так и о смысле собственного существования. По протоколам респондентов (см. таблицу) мы видим, как подчас коряво, но искренне они пытаются осмыслить содержание фильма — возможные пути существования.

На наш взгляд, исследования по психологии искусства не должны быть направлены на выявление «истины в последней инстанции»; они должны провоцировать, продуцировать обсуждение, полифонический диалог участников-зрителей на тему смысла художественного произведения. Психологическое исследование искусства должно быть «магическим средством» против обыденной замутненности взгляда на мир. Результатом такого исследования становится эмоциональный катарсис, будоражащий зрителя, читателя, слушателя на сознательном и бессознательном уровнях и расширяющий его сознание.

Продуктом психологического анализа и рефлексии художественного произведения становится сопереживание эмоциям и мыслям его создателя («эмоциональное заражение»). У участника такой работы происходит движение вверх по эстетической и духовной направляющим, рост когнитивной сложности, эмпатической чувствительности и духовности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аллахвердов В.М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. СПб.: ДНК, 2001.

Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.

Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В.А. Флеровой. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998.

Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Грачева А.М., Нистратов А.А., Петренко В.Ф., Собкин В.С. Психосемантический анализ понимания мотивационной структуры поведения киноперсонажа // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 123—131.

Грязева-Добшинская В.Г. Современное искусство и личность: гармония и катастрофы. М.: Академический проект, 2002.

Гроф С. Путешествие в поисках себя. М.: АСТ, 2008.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984.

Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М.: Смысл, 1997.

Кандинский В.В. О духовном в искусстве (живопись). Л.: Фонд «Ленинградская галерея», 1989.

Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструкторов. СПб.: Речь, 2000.

Козлов В.В. Психология буддизма. М.: [б/и], 2010.

Кулка И. Психология искусства. Харьков: ИД «Гуманитарный центр», 2014.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251—261.

Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. М.: Смысл, 1997.

Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.

Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство—СПБ, 1998.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство—СПБ, 2000.

Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. 2-е доп. изд. М.: Эксмо, 2013.

Петренко В.Ф., Алиева Л.А., Шеин С.А. Психосемантические методы исследования оценки и понимания кинопроизведения // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1982. № 2. С. 13—21.

Петренко В.Ф., Дедюкина Е.А. Психосемантический анализ художественного фильма «Иду на грозу». Памяти Д. Гранина // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 12. С. 1139—1143.

Петренко В.Ф., Сапсолова О.Н. Психосемантический анализ художественного фильма «Сибирский цирюльник» // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 56—72.

Померанц Г.С., Миркина З.А. Великие религии мира. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

Семиотика и искусствометрия / Под ред. Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова. М.: Мир, 1972.

Торчинов В.Н. Введение в буддизм. СПб.: Амфора, 2005.

Чоки Нима Ринпоче. Единство Махамудры и Дзогчена. Казань: Бланкиздат, 2002.

Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988.

Поступила в редакцию 21.09.18

Принята к публикации 28.09.18

SEARCH FOR THE MEANING OF ONE'S OWN EXISTENCE (BASED ON THE PERCEPTION AND UNDERSTANDING OF THE FILM)

Victor F. Petrenko, Elena A. Dedyukina

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract

Relevance. The problem of finding the meaning of human existence is relevant at all times and in all Nations. The study of this problem has a pronounced interdisciplinary character. In the presented work interests of psychology of art, semiotics of cinema, psychology of religion, ethics intersect, and for processing of the received data the modern mathematical apparatus of multidimensional statistics is used.

Objective. Based on the perception of the film on the Buddhist theme to explore the depth of its understanding by a group of young Russians: to highlight the system of personal constructs (Kelly) perception of the film; to determine the cognitive complexity of the group consciousness of respondents-viewers; to analyze personal meanings that have arisen in different viewers with a particular understanding of the film.

Methods. We used methods of psychosemantic research using the method of triadic choice J. Kelly and the subsequent scaling of characters of the movie and the added roles on the personal designs made by respondents. The respondents, 38 graduate students, undergraduates and students of different faculties of Lomonosov Moscow State University.

Results. Application of the method of triadic choice G. Kelly made it possible to reveal a system of personal constructs and on their basis to build a semantic space, set by the basic categories-factors, through the prism of which the

perception and awareness of the film. Received 8 interpretable factors, showing the elements of the fabric of the film and made the focus of understanding of the respondents: “Youth, inexperience — Wisdom, maturity”, “Selfishness — Humanity”, “Focus on the sacredness — Focus on secular life and society”, “Passivity, inertia — Active life position”, “Rationality — Following the passion”, “Openness to experience — Conformism”, “Afflicted, miserable — Enjoying life”, “Masculinity — Femininity”.

Conclusions. Viewers of a feature film realize its meaning in different ways and at different levels. Some are aware of it at the level of the storyline and evaluation of the characters; others are aware of the philosophical, existential meaning of the work and relate it to their spiritual quest. The work of art as a carrier of the meanings inherent in it requires the viewer to actively comprehend, initiates the work of thought, counter spiritual creativity of understanding.

Key words: psychology of art, the problem of understanding, meaning, psychosemantic, personal constructs, Buddhism, empathy.

References

- Allahverdiyev, V.M. (2001). *Psixologiya iskusstva: Esse o tajne emocional'nogo vozdejstviya hudozhestvennyh proizvedenij* [The Psychology of Art: An Essay on the Secret Emotional Impact of Artwork]. St. Petersburg: DNK.
- Arnheim, R. (1994). *Novye ocherki po psixologii iskusstva* [New essays on the psychology of art]. Moscow: Prometej.
- Bahtin, M.M. (1963). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Bergson, A. (1998). *Tvorcheskaya evolyuciya* [Creative evolution]. Moscow: KANON-press; Kuchkovo pole.
- Choki Nima Rinpoche (2002). *Edinstvo Mahamudry i Dzogchena* [Unity of Mahamudra and Dzogchen]. Kazan': Blankizdat, 2002.
- Dorfman, L.Ya. (1997). *Emocii v iskusstve: teoreticheskie podhody i empiricheskie issledovaniya* [Emotions in art: theoretical approaches and empirical research]. Moscow: Smysl.
- Gracheva, A.M., Nistratov, A.A., Petrenko, V.F., Sobkin, V.S. (1988). Psihosemanticheskij analiz ponimaniya motivacionnoj struktury povedeniya kinopersonazha. *Voprosy psixologii* [Questions of Psychology], 5, 123—131.
- Gryazeva-Dobshinskaya, V.G. (2002). *Sovremennoe iskusstvo i lichnost': garmoniya i katastrofy* [Contemporary Art and Personality: Harmony and Disasters]. Moscow: Akademicheskij projekt.
- Grof, S. (2008). *Puteshestvie v poiskah sebya* [Traveling in search of yourself]. Moscow: AST.
- Gurevich, A.Ya. (1984). *Kategorii srednevekovoj kul'tury* [Categories of medieval culture]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Iskusstvo.
- Kandinskij V.V. (1989). *O duhovnom v iskusstve (zhivopis')* [About the spiritual in art (painting)]. Leningrad: Fond «Leningradskaya galereya».

Kelli, Dzh. (2000). *Psihologiya lichnosti. Teoriya lichnyh konstruktov* [Psychology of Personality. Theory of Personal Constructs]. St. Peterburg: Rech'.

Kozlov, V.V. (2010). *Psihologiya buddizma* [Psychology of Buddhism]. Moscow: [b/i].

Kulka, I. (2014). *Psihologiya iskusstva* [Psychology of art]. Har'kov: ID «Gumanitarnyj centr».

Leont'ev, A.N. (1983). *Obraz mira*. In Leont'ev A.N. *Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya: V 2 t.* [Selected psychological works: In 2 v.] (vol. 2, pp. 251—261). Moscow: Pedagogika.

Leont'ev, D.A. (1997). *Vvedenie v psihologiyu iskusstva* [Introduction to the psychology of art]. Moscow: Smysl.

Lotman, Yu.M. (1973). *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of cinema and problems of film aesthetics]. Tallin: Eesti Raamat.

Lotman, Yu.M. (1998). *Ob iskusstve* [About art]. St. Peterburg: Iskusstvo—SPB.

Lotman, Yu.M. (2000). *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Peterburg: Iskusstvo—SPB.

Lotman, Yu.M., Petrov, V.M. (1972, eds.) *Semiotika i iskusstvometriya* [Semiotics and artmetry]. Moscow: Mir, 1972.

Petrenko, V.F. (2013). *Mnogomernoe soznanie: psihosemanticheskaya paradigma* [Multidimensional Consciousness: The Psychosemantic Paradigm]. 2-e dop. izd. Moscow: Eksmo.

Petrenko, V.F., Alieva, L.A., Shein, S.A. (1982). *Psihosemanticheskie metody issledovaniya ocenki i ponimaniya kinoproizvedeniya. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2, 13—21.

Petrenko, V.F., Dedyukina, E.A. (2017). *Psihosemanticheskij analiz hudozhestvennogo fil'ma «Idu na grozu»*. Pamyati D. Granina. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 87, 12, 1139—1143.

Petrenko, V.F., Sapsoleva, O.N. (2005). *Psihosemanticheskij analiz hudozhestvennogo fil'ma «Sibirskij ciryul'nik»*. *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 1, 56—72.

Pomeranc, G.S., Mirkina, Z.A. (2012). *Velikie religii mira* [Great religions of the world]. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ.

Shcherbatskoj, F.I. (1988). *Izbrannye trudy po buddizmu* [Selected Buddhist Works]. Moscow: Nauka.

Torchinov, V.N. (2005). *Vvedenie v buddizm* [Introduction to Buddhism]. St. Peterburg: Amfora.

Vygotskij, L.S. (1998). *Psihologiya iskusstva* [Psychology of art]. Rostov-na-Donu: Feniks.

Original manuscript received September 21, 2018

Revised manuscript accepted September 28, 2018

УДК 316.642.3

doi: 10.11621/vsp.2018.04.74

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О 90-х ГОДАХ XX ВЕКА В РОССИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Е. С. Синельникова, Е. В. Зиновьева

Актуальность. 90-е годы XX века (1990-е) — переломный период в истории нашей страны. Изучение памяти россиян об этой эпохе помогает глубже понять их представления о современности.

Цель. Изучение психологических аспектов исторической памяти о 1990-х гг. в России через выявление особенностей ассоциативных представлений россиян, являющихся и не являющихся современниками этих исторических событий.

Методика. Авторская анкета Е.С. Синельниковой «Представления об эпохе 90-х годов».

Выборка. Всего 154 человека. На основном этапе исследования — 60 человек: 29 респондентов юношеского возраста (M=19 лет; младшая группа); 31 респондент зрелого возраста (M=52.1 года; старшая группа).

Результаты. Показано, что респонденты обеих возрастных групп ассоциируют 1990-е гг. с беспорядками, финансовым кризисом (разрухой), голодом (дефицитом), коррупцией, перестройкой и освобождением. Респонденты младшей группы статистически достоверно чаще ассоциируют эти годы с коррупцией; наиболее часто упоминаемое ими слово — «беспорядки». Респонденты старшей группы достоверно чаще ассоциируют 1990-е гг. с перестройкой; наиболее часто упоминаемые ими слова — «разруха» и «голод». Основными источниками информации о 1990-х гг. являются: личный опыт (для современников той эпохи), телевидение, фильмы, газеты и журналы. Интернет — важный источник информации только для респондентов младшей группы.

Синельникова Елена Семеновна — кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Петербургского государственного университета путей сообщения (С.-Петербург, Россия). *E-mail:* elena.sinelni@yandex.ru

Зиновьева Елена Владимировна — выпускница кафедры «Прикладная психология» Петербургского государственного университета путей сообщения (С.-Петербург, Россия). *E-mail:* lenazinvlad@yandex.ru

Выводы. В представлениях респондентов юношеского возраста 1990-е гг. в большей степени ассоциируются с социальными потрясениями и правонарушениями, а в представлениях респондентов зрелого возраста — с кардинальными изменениями в различных сферах и экономическими трудностями.

Ключевые слова: историческая память, эпоха 1990-х гг. в России, ассоциации.

Введение

В истории каждого народа есть драматические периоды, которые надолго остаются в памяти людей. События настоящего времени нередко сопоставляются с тем, что происходило тогда. 90-е гг. XX в. являются наиболее исторически близким для россиян подобным периодом, по масштабу преобразований сопоставимым с эпохой, начавшейся в 1917 г. За короткий временной отрезок произошли резкие изменения в самых разных сферах жизни общества, что привело к появлению новых профессиональных и социальных групп (например, предпринимателей) и одновременному обострению многих социально-экономических проблем. Среди последних — огромный рост безработицы, сокращение производства, дефицит товаров первой необходимости, угроза голода, финансовые кризисы, социальное расслоение общества (Горинов и др., 2005). Чрезвычайно острой проблемой была тотальная коррупция на самых разных уровнях — от высших до низовых. В этот период коррупция стала субъективно восприниматься в российском обществе как распространенное и практически нормальное явление. Криминальная ситуация в стране была крайне тревожной, происходило формирование организованной преступности. По данным МВД, в середине 1990-х под ее контролем находилось 50% частных фирм, 33% государственных предприятий, от 50 до 80% банков (Плехова, 2012).

Общие демографические потери в этот исторический период сопоставимы с потерями во время Великой Отечественной войны и оцениваются в 21.4 млн. человек (Деягин, 2016). На территории бывшего СССР произошло более 100 межэтнических конфликтов (Стефаненко, 2014). Во многих регионах до настоящего времени сохраняются напряженность и негативное отношение к представителям этноса, с которым был конфликт. Память о конфликте передается от старшего к молодому поколению, что создает угрозу новых межэтнических конфликтов (Гуриева, 2017).

Исторический период 1990-х гг. во многом трансформировал ценностные ориентации россиян, жизненные стратегии, представления о мире. Субъективная значимость коллективистических ценностей снизилась, индивидуалистических — повысилась (Лебедева, Татарко, 2007). Вследствие материальных трудностей, роста социального расслоения, большей доступности товаров и услуг, влияния средств массовой информации возросла субъективная значимость материальных ценностей (Почебут, Безносков, 2013). Столь важная роль 1990-х гг. в трансформации ценностных ориентаций и социальных норм обуславливает актуальность исследования исторической памяти (ИП) россиян об этом периоде.

ИП рассматривается О.В. Герасимовым (2013) как форма культурной памяти, упорядоченная во времени и пространстве. В ИП сохраняются переломные события истории, которыми была богата эпоха 1990-х гг. (Положенцева, Кащенко, 2014). Представления о той или иной исторической эпохе осмыслиются людьми в контексте современных событий (Герасимов, 2017; Положенцева, Кащенко, 2014). По сравнению с историей ИП упрощена, статична, образна, оперирует нравственными категориями (Булдаков, 2008). И.В. Положенцева и Т.Л. Кащенко (2014) пишут, что увеличение числа источников информации о событиях, противоречивость их трактовок приводят к разрушению целостной картины происходившего у современных молодых людей, и высказывают предположение, что консолидация ИП может произойти за счет актуализации личной ИП, в которой представлена история семьи в контексте эпохи. Личная ИП формируется прежде всего на основе устной информации, передаваемой детям родителями и прародителями, а также ближайшим социальным окружением. С.Г. Абрамкина и Н.А. Еньшина (2015) указывают на такие особенности личной ИП, как непосредственность и эмоциональная насыщенность.

О.В. Герасимов (2017) описывает эпоху 1990-х гг. в контексте проблемы модернизации, рассматривая последнюю как способ инновационного решения задач в различных сферах жизни общества. Исследователь выделяет такую особенность восприятия модернизации, как ее персонификация — отождествление с тем или иным политическим лидером. Отсутствие персонификации преобразований конца 1980-х — начала 1990-х, по мнению автора, приводит к недостаточно целостному восприятию этого исторического периода, противопоставлению отдельных его этапов. Он называет несколько важных факторов, влияющих на восприятие модернизации: обстоятельства, послужившие ее причиной, издержки и очевидные достижения. Характерные черты восприятия

и сохранения модернизаций в ИП — внимание к их внешним проявлениям и противоречивость оценки их результатов. О.В. Герасимов также отмечает, что 1990-е гг. негативно оцениваются людьми, воспринимаются как тяжелый, кризисный период, в официальной историографии его оценки сходны с оценками Смутного времени в России конца XVI — начала XVII в. По мнению автора, положительные черты эпохи 1990-х учитываются недостаточно (Там же).

Проблема ИП — междисциплинарная. Принимая во внимание такие особенности ИП, как субъективность, образность, конструирование прошлого в контексте современных событий, мы считаем важным изучение ее психологических аспектов.

Цель настоящего эмпирического исследования — изучение психологических аспектов личной исторической памяти россиян о 90-х годах XX века. В связи с тем, что ИП о драматичных исторических периодах отличается образностью, упрощенностью и эмоциональной насыщенностью, наше исследование было направлено на выявление ассоциаций, связанных у респондентов с эпохой 1990-х. Мы предположили, что существуют различия в ассоциациях, связанных с 1990-ми гг., и в источниках информации об этом периоде между группами респондентов, которые являются и не являются современниками происходивших событий.

Методы

Сбор материала осуществлялся с помощью анкеты «Представления об эпохе 90-х годов», разработанной Е.С. Синельниковой¹. Анкета состоит из двух частей.

В первой части респондентам предлагается написать, какие ассоциации вызывает у них каждый из трех исторических периодов: эпоха 90-х, СССР и современность; охарактеризовать эти периоды несколькими словами.

Во второй части респондентов просят сообщить, из каких источников они получали информацию об эпохе 90-х (подчеркнуть источники, которыми они пользовались):

¹ Предварительная апробация анкеты была проведена на 94 студентах Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС) в 2016—2017 гг. На этом этапе были выделены основные категории ассоциаций респондентов с 1990-ми гг.: ассоциации, связанные с историей семьи («счастливое детство»), эмоционально-оценочные («страх», «грубое и некрасивое время»), экономические («разруха»), правовые («бандитизм»), культурные («паники», «музыка») (Синельникова, Зиновьева, 2017). По результатам апробации анкета была доработана.

Интернет (специализированные группы в соцсетях, лента новостей, сайты)

Телевидение (новостные передачи)

Фильмы

Газеты, журналы

Театр

Книги

От родителей

От сверстников (друзей, приятелей, знакомых)

В школе

В университете (институте, колледже)

Другое (укажите, что именно)

Также респонденты давали информацию о своих половозрастных характеристиках, месте рождения, специальности.

Выборка. В исследовании участвовали две группы респондентов (всего 60): 1) младшая группа: 29 человек юношеского возраста (17—22 года, средний возраст — 19 лет; 62% женщин); 2) старшая группа: 31 человек зрелого возраста (42—69 лет, средний возраст — 52.1 года; 90% женщин). Критерием выделения групп было наличие/отсутствие личного опыта жизни в России в 1990-е гг. в сознательном возрасте. Самому младшему участнику старшей группы в 1991 г. было 16 лет. У всех респондентов старшей группы сохранились личные воспоминания о различных аспектах жизни в 1990-е гг.

Респонденты юношеского возраста проживают в г. Санкт-Петербурге, обучаются в Петербургском государственном университете путей сообщения (ПГУПС) по направлениям «Психология» и «Торговое дело». Респонденты зрелого возраста проживают в Архангельской области (2 человека, 6.4%), Ненецком автономном округе (24 человека, 77%), Республике Коми (2 человека, 6.4%), Ленинградской области (1 человек, 3%) и городе Санкт-Петербурге (2 человека, 6.4%).

7 человек (16%) имеют рабочие профессии (токарь, пекарь, швея, продавец, оператор почтовой связи), 23 (74%) являются служащими в различных областях (зоотехник, документовед, экономист, архивариус, инженер связи, ветеринар, учитель, хореограф и др.). Один респондент не сообщил информацию о своей профессиональной деятельности.

Обработка. 1. Подсчет частоты встречаемости ассоциаций. 2. Выделение наиболее часто встречающихся ассоциаций. 3. Сравнительный анализ частоты встречаемости этих ассоциаций в ответах респондентов зрелого и юношеского возраста (критерий Фишера). Обработка данных проводилась с применением программы SPSS statistics.

Результаты

1. Анализ частоты встречаемости ключевых слов, характеризующих 1990-е гг., СССР и современность, в двух группах респондентов (табл. 1) показывает следующее.

Таблица 1

Частота встречаемости ключевых слов-ассоциаций о 1990-х гг., СССР и современности у респондентов юношеского (младшая группа) и зрелого (старшая группа) возраста (φ^* — угловое преобразование Фишера; p — уровень значимости)

Ключевые слова-ассоциации	Младшая группа Абс (%)	Старшая группа Абс (%)	φ^*	p
1990-е годы				
Финансовый кризис\ разруха	10 (34.48)	14 (45.16)	-0.846	
Беспорядки	15 (51.72)	10 (32.26)	1.538	
Коррупция	12 (41.38)	6 (19.35)	1.883	0.05
Освобождение	6 (20.69)	3 (9.68)	1.207	
Голод\дефицит	9 (31.03)	13 (41.94)	-0.879	
Перестройка	4 (13.79)	11 (35.48)	-1.994	0.05
СССР				
Достижения	7 (24.14)	4 (12.90)	1.132	
Обеспеченность	5 (17.24)	15 (48.39)	-2.640	0.01
Разруха	12 (41.38)	5 (16.13)	2.210	0.05
Патриотизм	12 (41.38)	8 (25.81)	1.284	
Стабильность	9 (31.03)	23 (74.19)	-3.461	0.01
Одинаковость	5 (17.24)	4 (12.90)	0.470	
КПСС	4 (13.79)	3 (9.68)	0.497	
Современность				
Нет идеологии	7 (24.14)	12 (38.71)	-1.223	
Разруха	6 (20.69)	15 (48.39)	-2.300	0.05
Социальное расслоение	2 (6.90)	12 (38.71)	-3.141	0.01
Ложные ценности	8 (27.59)	4 (12.90)	1.437	
Свобода	11 (37.93)	9 (29.03)	0.731	
Прогресс	17 (58.62)	10 (32.26)	2.075	0.05

Эпоха 1990-х. Эти годы воспринимаются респондентами как субъективно наименее благополучные. Это единственный из рассмотренных нами исторических периодов, наиболее часто встречающиеся ассоциации с которым негативно окрашены у представителей обеих возрастных групп («беспорядки» — в младшей группе, «разруха» — в старшей). Из 6 наиболее часто встречающихся ассоциаций 4 имеют негативную эмоциональную окраску («беспорядки», «разруха», «голод», «коррупция»), одна («освобождение») — положительную и еще одна («перестройка») представляет собой обобщенную оценку эпохи.

Выявленные статистически достоверные различия («коррупция» чаще встречается в младшей группе, а «перестройка» — в старшей) свидетельствуют о том, что представители младшей группы в большей степени обращают внимание на криминально-правовые аспекты этого исторического периода, а представители старшей группы — на изменения, произошедшие в разных сферах жизни. Наиболее часто встречающаяся ассоциация в младшей группе — «беспорядки», а в старшей — ассоциации, имеющие отношение к социально-экономической сфере жизни общества: «разруха» и «голод». По-видимому, респондентов зрелого возраста в их повседневной жизни в этот исторический период в первую очередь волновали именно проблемы обеспечения себя и своих близких продуктами питания и другими необходимыми товарами.

Эпоха СССР. В отношении СССР у респондентов старшей группы первые позиции занимают положительно окрашенные ассоциации: «стабильность», «обеспеченность» и «патриотизм». В младшей группе на первый план выходят ассоциации «патриотизм» и «разруха». Интересно, что социально-экономическая ситуация в СССР оценивается молодыми респондентами, скорее, как «разруха», а респондентами зрелого возраста — как «обеспеченность», и в то же время обе ассоциации присутствуют в ответах респондентов обеих возрастных групп. Молодые люди относительно невысоко оценивают экономическое положение в СССР, но отмечают высокий уровень патриотизма его граждан. Для людей зрелого возраста СССР — это прежде всего благополучие и уверенность в завтрашнем дне («стабильность» и «обеспеченность»).

Современность. В ассоциациях респондентов, связанных с современностью, присутствуют, с одной стороны, представления о свободе и огромном технологическом прогрессе, с другой стороны, идеологический вакуум («нет идеологии»), негативная оценка преобладающих в современной России ценностных ориентаций («ложные ценности»), социального расслоения и разрухи в обще-

стве. Отметим, что «разруха» является сквозной ассоциацией, характеризующей в представлениях респондентов все рассмотренные нами исторические периоды. Также в представлениях респондентов современность ассоциируется со «свободой», что перекликается с ассоциацией 1990-х гг. «освобождение». Среди специфических проблем современности в представлениях респондентов присутствуют проблемы, уходящие корнями в 1990-е гг.: отсутствие идеологии, социальное расслоение и ложные ценности. Последняя ассоциация, по-видимому, отражает произошедшую тогда трансформацию ценностных ориентаций в России (рост индивидуализма и материальных ценностей), которая негативно оценивается респондентами.

В целом можно сказать, что представления о современности респондентов старшей группы имеют более негативную окраску по сравнению с представлениями молодежи.

Статистически достоверные различия между группами в частоте встречаемости ассоциаций свидетельствуют, что представления молодых людей о современности имеют более позитивную эмоциональную окраску. Респонденты младшей группы в большей степени обращают внимание на положительные стороны современности — технологический прогресс, а люди зрелого возраста — на проблемы и негативные стороны: разруху и социальное расслоение.

То, что зрелые респонденты в целом более позитивно оценивают СССР и менее негативно 1990-е гг. по сравнению с молодыми респондентами, можно рассматривать как проявление психологической защиты на групповом уровне. Причиной более негативной оценки прошедших исторических периодов молодыми людьми может быть и преимущественное отражение в СМИ их негативных сторон. Вместе с тем присутствие одних и тех же ключевых слов в ответах респондентов обеих возрастных групп свидетельствует об общности их представлений.

2. Сравнительный анализ источников информации о 1990-х гг. выявил существенные расхождения между группами респондентов (табл. 2). Для респондентов старшей группы основными источниками информации служат их личный опыт (100%), а также телевидение (61%) и газеты (52%). Мы можем предположить, что представления людей зрелого возраста о 1990-х гг. формировались в этот исторический период; телевидение и газеты предоставляли актуальную, хотя и не всегда достоверную информацию и дополняли личный опыт.

Таблица 2

**Источники информации о 1990-х гг. для респондентов
юношеского и зрелого возраста**

Источник информации	Относительная частота (%)			Уровень значимости
	Вся выборка	Младшая группа	Старшая группа	
Телевидение	53.3	45.0	61.0	
Интернет	30.0	62.0	0.0	p<0.01
Фильмы	60.0	97.0	26.0	p<0.01
Книги	36.7	52.0	23.0	p<0.05
Театр	11.7	17.0	6.0	
Газеты, журналы	46.7	41.0	52.0	
Рассказы родителей	—	86.2	—	—
Личный опыт	—	—	100.0	—

Примечание. «Личный опыт» не включался как вариант ответа в анкету для респондентов юношеского возраста, а «рассказы родителей» — в анкету для респондентов зрелого возраста. Соответственно сравнительный анализ частоты выбора этих ответов в двух возрастных группах не проводился.

Интернет является источником информации о 1990-х только для младшей группы. Никто из респондентов зрелого возраста не отметил его как источник информации; напротив, 62% респондентов младшей группы указали Интернет как источник информации о 90-х гг. Мы можем предположить, что это связано с тем, что представления людей зрелого возраста основаны на их личном опыте и были сформированы в 1990-е гг., когда Интернет не имел широкого распространения.

Основным источником информации о 1990-х годах для молодых людей являются фильмы (97%), а также рассказы родителей (86.2%) и лишь затем идут книги (52%) и телевидение (45%).

Нельзя не учитывать, что в произведениях кинематографического искусства какие-то аспекты действительности могут художественно преломляться, а какие-то практически не упоминаться. Многие фильмы, снятые в 1990-е гг. или о них и упоминавшиеся в ассоциациях респондентов (например, «Брат»), связаны с криминально-правовой тематикой, что, по-видимому, отразилось в ассоциациях респондентов юношеского возраста (преобладают ассоциации, связанные с этой тематикой).

Обсуждение

Проблема источников, через которые происходит трансляция ИП, стала предметом эмпирического исследования С.Г. Абрамкиной и С.Г. Еньшиной (2015). В этом исследовании анализируются источники информации о Великой Отечественной войне (ВОВ) у молодого поколения (подростков и респондентов юношеского возраста). Представляется важным сопоставить роль различных источников в трансляции ИП о двух драматических периодах российской истории: ВОВ и 90-х гг. XX в. Поскольку наше исследование проводилось на молодежной студенческой выборке, мы сопоставляем их с нашими данными, полученными от младшей возрастной группы.

В исследовании С.Г. Абрамкиной и С.Г. Еньшиной (2015) показано, что важнейшими источниками информации о ВОВ для студентов являются рассказы родителей и прародителей (56%), фильмы (60%) и театральные постановки (60%). Согласно нашим данным, основными источниками информации о 1990-х гг. служат фильмы (97%), рассказы родителей (86.2%) и Интернет (62%). Т.е. роль устных рассказов близких родственников в трансляции ИП о 1990-х выше, чем их роль как источника информации о ВОВ. По-видимому, это связано с большей временной удаленностью периода ВОВ. Родители респондентов не были непосредственными свидетелями этих событий, они не являются частью их личного опыта. Прародители нередко имеют меньше возможностей для коммуникации с молодым поколением. Мы можем предположить, что по мере удаления драматического периода или события во времени снижается роль личной ИП и возрастает роль общей ИП.

Роль театральных постановок как источника информации о 1990-х гг. (17%) более чем в 3 раза ниже их роли как источника информации о ВОВ (60%). Это может быть связано с тем, что война воспринимается и обществом, и государством как несомненно драматический (и трагический), но одновременно и героический период в истории страны. Память о ней увековечивается в том числе и в театральных постановках, посещение которых организуется системой среднего общего образования. Напротив, 1990-е гг. воспринимаются и обществом, и официальной историографией как тяжелое, «смутное» время (Герасимов, 2017) и ему посвящено относительно немного театральных постановок.

Роль фильмов как механизма трансляции ИП достаточно высока в обоих исследованиях, что свидетельствует о важности кинематографа как механизма трансляции ИП на современном этапе развития общества.

Выводы

1. Ассоциации респондентов, связанные с 1990-ми гг., имеют наиболее негативную окраску по сравнению с ассоциациями, связанными с другими историческими периодами — СССР и современностью.

2. Наиболее часто встречающиеся ассоциации с 1990-ми гг. являются негативно окрашенными у обеих возрастных групп респондентов: «беспорядки» — у младшей возрастной группы и «разруха» — у старшей возрастной группы. Это свидетельствует о том, что эпоха 90-х осталась в памяти нескольких поколений как тяжелое, «смутное» время.

3. Среди основных проблем 90-х гг., упомянутых респондентами, дефицит законности и порядка, а также финансовые трудности. Многие проблемы, ассоциирующиеся у респондентов с современностью (социальное расслоение, «ложные ценности»), также восходят к 1990-м гг.

4. Среди позитивных характеристик эпохи 90-х респонденты отмечают повышение уровня личной свободы («освобождение»), которое упоминается и применительно к современности.

5. Обобщенные представления респондентов об эпохе отражает слово «перестройка», которое было символом начала изменений. Это слово входит в число наиболее часто встречающихся ассоциаций не только у современников 1990-х гг., но и у респондентов юношеского возраста, что свидетельствует о сохранении исторической памяти о ней.

Заключение

В исследовании подтвердилось предположение о существовании различий в ассоциациях, связанных с 1990-ми гг., и в источниках информации об этом периоде между группами респондентов, бывших и не бывших сознательными свидетелями происходивших событий. В ответах респондентов юношеского возраста чаще встречаются ассоциации, связанные с преступностью, правовой сферой жизни общества, а у респондентов зрелого возраста — ассоциации, связанные с социально-экономическими трудностями в обществе. Это свидетельствует о том, что в исторической памяти россиян в большей степени сохраняются воспоминания о беспорядках, преступности, чем о бытовых трудностях. С учетом того, что основными источниками информации о 1990-х гг. для современной молодежи наряду с рассказами родителей являются кинофильмы и Интернет,

полученные данные могут быть связаны с особенностями отражения этой проблематики в кинематографе и в интернет-пространстве.

Перспективы дальнейших исследований связаны со сравнительным анализом представлений респондентов, переживших 1990-е гг. в юношеском и зрелом возрасте, с изучением психологических аспектов памяти об этих годах у различных социальных групп, а также с контент-анализом публикаций, посвященных 1990-м гг. в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамкина С.Г., Еньшина Н.А. Влияние семьи на историческую память студенческой молодежи о Великой Отечественной войне // Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне: социально-гуманитарные и психолого-педагогические аспекты исследования и формирования: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Барнаул, 23—24 апреля 2015 г.). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. пед. ун-та, 2015. С. 81—87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24270448> (дата обращения: 01.09.2018)

Булдаков В.П. Революция и историческая память: российские параметры клиотравматизма // Россия и современный мир. 2008. № 2. С. 5—27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11144888> (дата обращения: 01.09.2018)

Герасимов О.В. Феномен исторической памяти // Вестник университета Российской академии образования. 2013. № 8. С. 133—137. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23019806> (дата обращения: 05.09.2018)

Герасимов О.В. Российские модернизации и их репрезентация в историописании и исторической памяти // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 273—281. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28984305> (дата обращения: 05.09.2018)

Горин М.М., Горский А.А., Данилов А.А. и др. История России с Древнейших времен до начала XXI века. 6-е изд., пересмотр. М.: ДРОФА, 2005.

Гуриева С.Д. Современные тенденции в изучении межэтнических отношений // Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции (Сочи, 26—27 мая 2017 года) / Под ред. И.Б. Шуванова и др. Сочи: Изд-во Сочинского гос. ун-та, 2017. С. 116—119. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32464371> (дата обращения: 05.09.2018)

Делягин М.Г. Светочи тьмы: Физиология либерального клана. От Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. М.: Изд-во Институт проблем глобализации, Книжный мир. 2016.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развития общества. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

Плехова О.А. Формирование «новой» бюрократии и состояние коррупции в России в период реформ 90-х гг. XX века // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. № 1. С. 79—85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17302633> (дата обращения: 05.09.2018).

Положенцева И.В., Кащенко Т.Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // *Власть*. 2014. № 12. С. 42—46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22867672> (дата обращения: 05.09.2018).

Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Психологический анализ социальных представлений русских // *Вестник ЛГУ им. Пушкина*. 2013. Т. 5. № 2. С. 15—23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21164384> (дата обращения: 01.09.2018).

Синельникова Е.С., Зиновьева Е.В. Память о 90-х годах российской истории: представления студентов // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 307—314. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30669884> (дата обращения: 01.09.2018).

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 2014.

Поступила в редакцию 06.08.18

Принята к публикации 05.09.18

HISTORICAL MEMORY OF 90TH XX CENTURY IN RUSSIA: PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Elena S. Sinelnikova, Elena V. Zinovjeva

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Department of Social Psychology, St. Petersburg, Russia

Abstract

Relevance. 90th XX century is a very dramatic period of modern Russian history. During this period, dramatic changes have been in different spheres (economic, political, international etc.) in Russia, also values and social norms have changed dramatically. Memory lane and representations of this period influence on their representation of modern times. Therefore, it is very important to investigate historical memory of this period.

Objective. The goal of the study is to investigate psychological aspects of 90th XX century in Russia historical memory and to compare contemporaries' associations with youth's associations with the epoch of 90th.

Method. Questionnaire "Representations of 90th XX century in Russia" (E. Sinelnikova)

Sample. 154 participants, 60 participants at the main stage of the study: 29 participants youthful age (mean age – 19 years), 31 adulthood, contemporaries of 90th (mean age – 52,1 year).

Results. The most frequent associations with 90th are financial crisis (devastation), deficit, deliberation, corruption, and perestroika (transforma-

tion in different spheres of society. Young participants associated the 90th with corruption statistically significant more often than contemporaries of 90th. 90th contemporaries associated 90th with perestroika statistically significant more often than students. The most important sources of information about 90th are: experience (for contemporaries), TV, films, newspapers and journals. Internet is an important source of information about 90th only for the young people.

Conclusion. 90th XX century in Russia in young people's representations are more associated with crime and riots. In contrast, in contemporaries' associations the epoch is more associated with transformations in different spheres of society and economic problems.

Key words: historical memory, 90th XX century in Russia, associations.

References

Abramkina, S.G., En'shina, N.A. (2015). Vliyanie sem'i na istoricheskuyu pamyat' studencheskoj molodezhi o Velikoj Otechestvennoj vojne. In: *Istoricheskaya pamyat' molodezhi o Velikoj Otechestvennoj vojne: social'no-gumanitarnye i psichologo-pedagogicheskie aspekty issledovaniya i formirovaniya: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Barnaul, 23—24 aprelya 2015 g.)* [Historical memory of young people about the Great Patriotic War: Socio-humanitarian and psychological-pedagogical aspects of research and formation: Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (Barnaul, April 23—24, 2015)] (pp. 81—87). Barnaul: Izd-vo Altajskogo gos. ped. un-ta. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24270448> (date of the application: 01.09.2018)

Buldakov, V.P. (2008). Revolyuciya i istoricheskaya pamyat': rossijskie parametry kliotravmatizma. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2, 5—27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11144888> (date of the application: 01.09.2018)

Delyagin, M.G. (2016). *Svetochi t'my: Fiziologiya liberal'nogo klana. Ot Gajdara i Berezovskogo do Sobchak i Naval'nogo* [Lights of darkness: The physiology of the liberal clan. From Gaidar and Berezovsky to Sobchak and Navalny]. Moscow: Izd-vo Institut problem globalizacii; Knizhnyj mir.

Gerasimov, O.V. (2013). Fenomen istoricheskoy pamyati. *Vestnik Universiteta Rossijskoj Akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education], 8, 133—137. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23019806> (date of the application: 05.09.2018)

Gerasimov, O.V. (2017). Rossijskie modernizacii i ih reprezentaciya v istoriopisanii i istoricheskoy pamyati. *Voyadzher: mir i chelovek* [Voyager: the world and man], 8, 273—281. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28984305> (date of the application: 05.09.2018)

Gorinov, M.M., Gorskiy, A.A., Danilov, A.A. et al. (2005). *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do nachala XXI veka* [The history of Russia from ancient times to the beginning of the XXI century]. 6-e izd., peresmotr. Moscow: DROFA.

Gurieva, S.D. (2017). Sovremennye tendencii v izuchenii mezhetnicheskikh otnoshenij. In I.B. Shuvanov et al. (eds.) *Materialy XVI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sochi, 26—27 maya 2017 goda)* [Materials of XVI All-Russian

Scientific and Practical Conference (Sochi, May 26–27, 2017)] (pp. 116—119). Sochi: Izd-vo Sochinskogo gos. un-ta. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32464371> (date of the application: 05.09.2018)

Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2007). *Cennosti kul'tury i razvitiya obshchestva* [Values of culture and social development]. Moscow: GU VShE.

Plekhova, O.A. (2012). Formirovanie «novoj» byurokratii i sostoyanie korrupcii v Rossii v period reform 90-h gg. XX veka. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* [Economic and Humanitarian Studies of the Regions], 1, 79—85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17302633> (date of the application: 05.09.2018).

Polozhenceva, I.V., Kashchenko, T.L. (2014). Fenomen istoricheskoy pamyati i aktualizaciya lichnoj istoricheskoy pamyati studentov. *Vlast'* [Power], 12, 42—46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22867672> (date of the application: 05.09.2018).

Pochebut, L.G., Beznosov, D.S. (2013). Psihologicheskij analiz social'nyh predstavlenij russkih. *Vestnik LGU imeny Pushkina* [Bulletin of Pushkin State University], 5, 2, 15—23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21164384> (date of the application: 01.09.2018).

Sinel'nikova, E.S., Zinov'eva, E.V. (2017). Pamyat' o 90-h godah rossijskoj istorii: predstavleniya studentov. In A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova (eds.) *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoj psihologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya* [Fundamental and applied research of modern psychology: results and development prospects] (pp. 307—314). Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30669884> (date of the application: 01.09.2018).

Stefanenko, T.G. (2014). *Etnopsihologiya: Ucheb. posobie* [Ethnopsychology: Textbook]. Moscow: Aspekt-Press.

Original manuscript received August 6, 2018

Revised manuscript accepted September 5, 2018

УДК 303.4.025, 37.062
doi: 10.11621/vsp.2018.04.89

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ КАК МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К УСЛОВИЯМ РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

С. Ю. Жданова, В. А. Федотова

Актуальность. Возрастающий интерес к теме иностранных студентов и созданию для них благоприятной образовательной среды в России делает актуальным изучение стратегий социокультурной адаптации представителей разных культур.

Цель работы. Выявление особенностей копинг-стратегий и различий в шкалах социокультурной адаптации иностранных студентов в зависимости от принадлежности к культуре.

Методика. Использовались два опросника: «Шкала социокультурной адаптации (пересмотренная)» (*Revised Sociocultural Adaptation Scale — SCAS-R*) (автор Дж. Уилсон) и «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (*Strategic Approach to Coping Scale — SACS*) Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой. В исследовании приняли участие студенты из стран СНГ (Узбекистана и Казахстана, n=65) и из Китая (n=39), обучающиеся в российских вузах.

Результаты. У представителей стран СНГ выявлено доминирование непрямой и пассивной (осторожная модель поведения) копинг-стратегий. У студентов из Китая доминирует просоциальная копинг-стратегия (поиск социальной поддержки и вступление в социальный контакт). Обнаружены различия между группами по академической адаптации и уровню владения русским языком.

Жданова Светлана Юрьевна — доктор психологических наук, зав. кафедрой психологии развития философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), г. Пермь, Россия. *E-mail:* svetlanaur@gmail.com

Федотова Вера Александровна — старший преподаватель департамента менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия. *E-mail:* vera_goldyрева@mail.ru

Выводы. Представители высококонтекстуальной и реактивной культуры (китайские студенты) труднее адаптируются к особенностям обучения, требованиям высшей школы и общению на языке принимающей стороны. Этот же тип культуры лежит в основе формирования просоциальной копинг-стратегии. У представителей полиактивной и полихронной культуры (студенты из стран СНГ) доминируют непрямая и пассивная копинг-стратегии.

Академическая адаптация включает в себя не только успешность выполнения учебных обязанностей и соблюдение правил и требований преподавателей, но и групповую работу с другими студентами, получение обратной связи от преподавателей и одногруппников, позиционирование себя в учебной группе. Соответственно данные паттерны поведения также вызывают затруднения у китайских студентов.

Ключевые слова: культура, копинг-стратегии, модель поведения, социокультурная адаптация, шкалы адаптации.

Введение

Международный характер современного образования выражается в росте академической мобильности молодежи. Успешная адаптация к новой социокультурной среде способствует быстрому включению иностранного студента в учебный процесс, повышению качества его подготовки. Чаще всего такое приспособление достигается за счет изменений в стереотипах и способах поведения при сохранении внутреннего отчуждения от социальной среды (Жданова, Печеркина, 2016).

К настоящему времени все очевиднее обозначается противоречие между количеством эмпирических данных об адаптации иностранных студентов к образовательной среде вуза и отсутствием работ, нацеленных на выявление копинг-стратегий и различий в адаптации в связи с принадлежностью к культуре.

Стратегии преодолевающего поведения

В психологии выделяют конструктивные и неконструктивные копинг-стратегии (Черемисина, 2015). К конструктивным относятся опора на собственные силы или обращение за помощью к другим при достижении целей; анализ ситуации, ее планирование, переосмысление. Неконструктивными стратегиями являются предрасположенность к использованию психологических защит; избегание; агрессивные реакции (Черемисина, 2015). Обычно человек не придерживается какой-либо одной копинг-стратегии, а сочетает их разные варианты в определенных ситуациях. Кроме

того, стратегия, приемлемая в одной ситуации, может оказаться недейственной для другой.

В отечественной литературе проблема копинг-стратегий чаще всего рассматривается на примере российских студентов в период адаптации к образовательному пространству. Так, Н.А. Краюшкина (2014), исследовавшая социально-психологическую адаптацию и копинг-стратегии у российских студентов в период прохождения практики, выявила, что респондентам обоего пола свойственны просоциальные стратегии поведения, но юноши более склонны вступать в социальный контакт, а девушки в трудных ситуациях стремятся найти поддержку в близком окружении. Кроме этого юношам более свойственны прямые копинг-стратегии, а девушкам — манипулятивные (Там же). Л.Е. Тарасова (2016), изучавшая копинг-стратегии как механизмы преодолевающей адаптации у российских школьников, установила, что в когнитивной сфере успешных учеников чаще всего фиксируются адаптивные стратегии. Эти учащиеся высоко оценивают собственные ресурсы в преодолении трудных ситуаций. Среди частично адаптивных стратегий преобладает ориентация на мнение значимых других, меньше всего представлено отрицание. К неадаптивным копинг-стратегиям учащиеся этой группы прибегают достаточно редко — всего 8% опрошенных избрали избегание проблем и игнорирование (Там же).

Есть отечественные работы, респондентами в которых выступили иностранные студенты, обучающиеся в России. Например, на базе ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» было проведено изучение копинг-стратегий иностранных студентов (Петрова, Леонтьева, 2017). Но в этом исследовании приняло участие всего 30 респондентов, которые не были дифференцированы ни по национальности, ни по культурной принадлежности. Доминирующая копинг-стратегия в стрессовой ситуации определялась с помощью методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях — КПСС» (адаптированный Т.Л. Крюковой вариант методики Н. Эндлера и Д. Паркера). Данная методика предполагает выявление трех основных стилей совладания: стиль, ориентированный на решение задачи, проблемы (проблемно-ориентированный стиль, или копинг) (ПОК); эмоционально-ориентированный стиль (ЭОК); и стиль, ориентированный на избегание (КОИ). Результаты исследования показали, что у иностранных студентов преобладает ПОК (51%), далее следует ЭОК (29%), а наименее «популярен» КОИ (20%).

Имеется ряд западных исследований, направленных на изучение копинг-стратегий иностранных студентов. Стоит отметить, что участники этих исследований также не были дифференцированы

по культурной принадлежности. В одной из таких работ рассматривались копинг-стратегии студентов, обучающихся на факультете экономики и менеджмента в Чешском агротехническом университете в рамках учебной программы «Государственное управление и региональное развитие» (n=177). В результате были выявлены возрастные различия и различия между группами студентов, занятых неполный (*part-time students*) и полный учебные дни по следующим стратегиям совладания: контроль ситуации, контроль реакции и положительное самообучение (Natovova, Chylova, 2012).

В исследовании австралийских авторов (Khawaja, Stallman, 2011) был использован качественный подход для понимания проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты (22 респондента). В ходе четырех фокус-групп у них были выявлены такие проблемы, как социальная изоляция, недостаточное владение английским языком, академические трудности, неудовлетворенные ожидания, проблемы тайм-менеджмента, культурный шок и психологический дискомфорт. Участники делились личным опытом и стратегиями, используемыми для совладания с трудностями. Их основные копинг-стратегии включали поиск дополнительной информации, выход из зоны комфорта, активное взаимодействие с носителями языка принимающей страны, практику социальных навыков, развитие навыков управления временем и посещение центра психологического консультирования при университете.

Китайские студенты выступили респондентами в ряде исследований (Сао et al., 2017, 2018). Для анализа данных, полученных из полуструктурированных интервью, использовалась методология согласованного качественного исследования (CQR). Выборку составили китайцы, обучающиеся в различных университетах мира. Авторы определили ряд академических стрессоров и дифференцировали их в соответствии с частотными метками. К таким стрессорам были отнесены академическая некомпетентность, культурный шок, стандарты обучения, межкультурная коммуникация. В результате было установлено, что основной источник социальной поддержки китайских студентов в обучении — это со-национальные сверстники. Т.е. именно культура, а не академический контекст, сильно повлияла на поведенческие особенности китайских студентов.

Несмотря на наличие некоторого ряда российских и зарубежных исследований, направленных на изучение стратегий адаптации иностранных студентов, следует отметить, что в большинстве из них респонденты не дифференцированы по национальности (в исследованиях российских авторов), не говоря уже о разделении по культурной специфике (в зарубежных исследованиях). Во-вторых,

респондентами ряда российских исследований чаще всего выступают только китайские студенты. В-третьих, выборки немногочисленны. В-четвертых, в исследованиях не проведен анализ различий в копинг-стратегиях представителей разных культур.

Цель данной работы — выявление особенностей копинг-стратегий и различий в шкалах социокультурной адаптации иностранных студентов в зависимости от принадлежности к культуре.

Характеристика выборки

В качестве респондентов в данном исследовании выступили представители Китая, Узбекистана и Казахстана, обучающиеся в российских вузах (Пермь, Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Уфа, Казань, Саратов, Екатеринбург). Общее количество респондентов — 104 человека. Из них: 39 представителей Китая (15 мужчин, 24 женщины) в возрасте 18—24 лет ($M=21$); 28 представителей Узбекистана (16 мужчин, 12 женщин) в возрасте 18—25 лет ($M=22$); 37 представителей Казахстана (21 мужчина, 16 женщин) в возрасте 18—24 ($M=21$).

Рассмотрим культурную специфику респондентов.

Китайская культура характеризуется как высококонтекстуальная, реактивная, с преобладанием коллективизма и феминизма. В культурах такого типа используется очень много намеков, подтекста, фигуральных выражений и т.д. Следствиями этой особенности оказываются слабая информированность и большая потребность в дополнительных сведениях для понимания представителей других культур при общении. Высококонтекстуальную культуру отличают: невыраженная, скрытая манера речи, многозначительные и многочисленные паузы; большая роль невербального общения и умения «говорить глазами»; отсутствие открытого выражения недовольства при любых условиях и результатах общения (Льюис, 2001; Федотова, 2016; Юаньян, 2018). В китайской культуре наибольшее значение придается уважению, вежливости. Представители данного типа культуры интровертивны, молчаливы, почтительны, пунктуальны, ориентированы на задачу, избегают конфронтации, имеют едва уловимую жестикуляцию и мимику. К примеру, в исследовании Н.М. Лыковой и Р. Караведо Интриаго (2010) было выявлено, что студенты из Китая в период адаптации используют стиль поведения, в котором доминирует копинг-стратегия «поиск социальной поддержки». В другом исследовании, выборку которого составили китайские студенты РУДН, среди основных трудностей были

выявлены языковой барьер, межкультурные взаимоотношения, психологические барьеры (Глебов, 2013). Один из самых сложных моментов в образовательном процессе китайских студентов — уровень знания ими русского языка. Большинство студентов (62,4%) в состоянии лишь объясняться по-русски. Немногие знают русский язык хорошо или хотя бы могут свободно читать (7 и 5% соответственно) (Там же). Китайские студенты РУДН стали респондентами еще одного исследования (Маслова, Шляхта, 2016). Авторами был применен опросник Л.В. Янковского «Адаптация личности к новой социокультурной среде», с помощью которого можно определить 6 показателей межкультурной адаптации. Авторы выявили, что стратегия интеграции, сочетающая в себе установки как на сохранение своей культуры, так и на овладение новой культурой, является единственной стратегией, связанной с личной удовлетворенностью и, следовательно, благоприятной для адаптации (Там же).

О культурных особенностях представителей Узбекистана и Казахстана имеется крайне мало научных наблюдений. Культура Казахстана может быть описана как универалистская (правила и законы применимы ко всем); коллективистская, аффективная (невербальное и вербальное отображение мыслей и чувств, прозрачность и выразительность в проявлении чувств; свободные потоки эмоций) и диффузная (Акижанова, Сатенова, 2013). Но как концептуализировать культуру и измерить ее в психологии? Большинство исследователей операционализируют культуру как страну. Культура — это прежде всего ценности (Hofstede, 2001). Следовательно, культура реализуется через ценности, которые в свою очередь являются основой любой культуры. Среди ценностей казахского народа доминируют ценности толерантности, терпимости, уважения к старшим, коллективизма и патриотизма (Акижанова, Сатенова, 2013). Как отмечают В.В. Гриценко и М.Н. Ефремова (2017) в статье, направленной на изучение культурно-ценностной структуры сознания соотечественников как основы их адаптации в России, существует сходство в ценностных ориентациях соотечественников, переселяющихся из-за рубежа в РФ, и коренного российского населения. Анализ ценностных ориентаций представителей Азербайджана, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана свидетельствует о культурно-психологической близости коренных жителей РФ и соотечественников из других стран СНГ) (Там же).

Можно предположить, что культуры Казахстана и Узбекистана — стран СНГ, много лет бывших республиками СССР, близки к культуре России. Каждая культура обладает специфическим набором ценностей, что находит отражение во всех сферах деятельности

и жизнедеятельности индивида. Российская культура обладает специфическими особенностями и, безусловно, отличается от других мировых культур. В ряде исследований было продемонстрировано, что российская культура — это культура с высокой степенью избегания неопределенности, большой дистанцией власти, краткосрочной временной ориентацией и преобладанием коллективизма (Лебедева, Татарко, 2017; Федотова, 2016; Hall, 1983). Кроме этого российскую культуру можно охарактеризовать как полиактивную, с преобладанием коллективизма, полихронную и относящуюся к переходному типу по шкале коллективизм/индивидуализм (Льюис, 2001).

Методики

В качестве методического инструментария выступили два опросника: «Шкала социокультурной адаптации (пересмотренная)» (*Revised Sociocultural Adaptation Scale — SCAS-R*) (Wilson, 2013) и «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (*Strategic Approach to Coping Scale — SACS*) (Водопьянова, Старченкова, 2009).

Опросник «Шкала социокультурной адаптации» состоит из 21 утверждения. Степень согласия/несогласия с ними оценивается по 5-балльной шкале: 1 — абсолютно не согласен, 2 — скорее не согласен, 3 — не знаю, не уверен, 4 — скорее согласен, 5 — абсолютно согласен. Далее в соответствии с ключом подсчитывается балл по каждой из 5 шкал, содержащихся в методике и выделенных с помощью эксплораторного факторного анализа по методу главных компонент путем вращения корреляционной матрицы по типу varimax (межличностное общение, академическая адаптация, принадлежность к группе, экологическая адаптация, владение языком).

Апробация и адаптация данной методики осуществлялась в докторской диссертации Дж. К. Уилсон (число респондентов больше 2000) (Wilson, 2013); в России методика использовалась в рамках исследования Н.М. Лебедевой, направленного на изучение взаимосвязи мотивации и стратегий адаптации россиян в Латвии (Рябиченко и др., 2015).

Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Водопьянова, Старченкова, 2009) состоит из 54 утверждений. В соответствии с ключом подсчитываются баллы по 9 шкалам: «асертивные действия», «вступление в социальный контакт», «поиск социальной поддержки», «осторожные действия», «импульсивные действия», «избегание», «непрямые действия», «асоциальные действия», «агрессивные действия».

Результаты (анализ и обсуждение)

1. Доминирующие копинг-стратегии

Рассмотрим результаты по методике «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Водопьянова, Старченкова, 2009).

Согласно ресурсной концепции С. Хобфолла, стратегическое направление преодолевающего поведения должно описываться посредством трех координат: ось просоциальной—асоциальной стратегии, ось активности—пассивности, ось прямое—непрямое (манипулятивное) действие (Водопьянова, Старченкова, 2009).

Из табл. 1, где отражены средние значения и стандартные отклонения по каждой переменной, видно, что у представителей стран СНГ наиболее выражены непрямая и пассивная стратегии преодоления, проявляющиеся в осторожной модели поведения и непрямых действиях. Им наименее свойственны такие модели поведения, как избегание и асоциальные действия. Избегание становится ведущей стратегией при формировании аддиктивного поведения. Это стратегия, направленная на совладание со стрессом, способствующая его редукации, но обеспечивающая функционирование и развитие индивида на более низком уровне. Таким образом, представителям Узбекистана и Казахстана, чью культуру можно охарактеризовать как полиактивную, полихронную, с переходным типом по шкале коллективизм—индивидуализм, наиболее свойственно тщательно взвешивать возможные варианты решений, экономить силы (без необходимости не выкладываться полностью), ничего не принимать на веру, стараться держать все под контролем. Респонденты, относящиеся к данному типу культуры, могут манипулировать окружающими, а для достижения своих целей иногда подыгрывать или подстраиваться под них. При этом у них крайне мало выражены асоциальные действия по отношению к другим людям. В то же время им в меньшей степени свойственно откладывать решение проблемы в надежде, что она разрешится сама; избегать решительных действий, требующих большой напряженности и ответственности за последствия. Такие паттерны поведения, как доминирование личных интересов, демонстрация власти и превосходства для укрепления собственного авторитета и поиск слабостей других людей с целью использования их с выгодой для себя, мало выражены у представителей Казахстана и Узбекистана.

У студентов из Китая выявлено доминирование просоциальной копинг-стратегии, которая выражается в поиске социальной поддержки. Респонденты, относящиеся к данному типу культуры,

Таблица 1

Показатели стратегий преодоления у студентов из стран СНГ и Китая
(по методике «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций»)

Стратегии преодоления	Модель поведения (действия)	Студенты из стран СНГ		Студенты из Китая	
		Степень выраженности	Станд. откл.	Степень выраженности	Станд. откл.
Активная	Ассертивные действия	20.5	0.64	19.8	0.83
Просоциальная	Вступление в социальный контакт	22.5	0.95	26.2	0.90
Просоциальная	Поиск социальной поддержки	21.0	0.73	28.0	0.74
Пассивная	Осторожные действия	22.85	0.99	24.2	0.69
Прямая	Импульсивные действия	20.4	0.71	20.6	0.93
Пассивная	Избегание	19.65	0.68	22.6	0.84
Непрямая	Непрямые действия	23.25	0.82	20.0	0.61
Асоциальная	Асоциальные действия	19.95	0.90	24.58	0.85
Асоциальная	Агрессивные действия	21.05	0.82	22.16	0.75

Примечание. Жирным шрифтом выделены доминирующие стратегии преодоления; курсивом — стратегии преодоления с наименьшей степенью выраженности.

объединяются с другими людьми для разрешения проблемы, советуются с родными, не стесняются обращаться за помощью. В трудные минуты для них важна эмоциональная поддержка родных людей. Такие модели поведения, как избегание и ассертивные действия, в меньшей степени свойственны респондентам из Китая. Им бывает трудно ответить отказом на чью-либо просьбу, они испытывают неловкость, когда их хвалят и говорят комплименты. Им в меньшей степени свойственно манипулировать другими людьми, подыгрывать или подстраиваться под них, лукавить с целью достижения целей.

2. Особенности социокультурной адаптации

Первичный анализ данных по опроснику социокультурной адаптации Дж. Уилсон позволил выявить минимальное, максимальное и среднее значения, стандартное отклонение по каждой переменной, а также различия по t-критерию Стьюдента (табл. 2).

У студентов из стран СНГ наиболее высокие баллы по академической (учебной) адаптации и самооценке уровня владения языком, меньше всего проблем вызывает экологическая адаптация, подразумевающая согласно методике адаптацию к уровню шума, плотности населения и ритму жизни. У представителей культуры данного типа за счет схожести с российской культурой легче всего протекает языковая адаптация, а именно чтение и письмо на русском языке, а также общение с носителями языка принимающей страны. Также у респондентов легче протекает учебная адаптация, обозначающая успешное выполнение учебных обязанностей, групповую работу с другими студентами, получение обратной связи от преподавателей и одногруппников, предложение и обсуждение

Таблица 2

Показатели по шкалам социокультурной адаптации у студентов из стран СНГ и Китая (по методике *Revised Sociocultural Adaptation Scale*) (различия по t-критерию Стьюдента)

Шкалы	Студенты из стран СНГ			Студенты из Китая		
	Среднее	Min— Max	Ст. откл.	Среднее	Min— Max	Ст. откл.
Межличностное общение	3.85	1—5	1.07	4.23	2—5	1.05
Учебная (академическая) адаптация	4.21**	3—5	0.75	3.20**	2—5	0.90
Наличие интересов и групповая вовлеченность	3.62	2—5	1.04	3.50	1—5	1.23
Экологическая адаптация	3.30	1—5	1.06	3.25	1—5	1.29
Уровень владения русским языком	4.35*	1—5	1.09	3.70*	2—5	1.10

Примечание. *** — различия достоверны на уровне $p < 0.001$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0.01$; * — различия достоверны на уровне $p < 0.05$.

своих идей в учебной группе согласно манере, свойственной культуре принимающей стороны.

Китайские респонденты имеют наибольшее количество баллов по шкале «межличностное общение». Это значит, что им свойственно принимать участие в общественной жизни, проявлять эмпатию, выстраивать и поддерживать взаимоотношения и менять свое поведение в зависимости от правил, норм, верований и отношений.

Значимые межкультурные различия были выявлены по шкалам «академическая адаптация» и «уровень владения языком». В исследованиях, проведенных ранее, было установлено, что языковой барьер является доминирующим среди основных барьеров адаптации китайских студентов. Один из самых сложных моментов в образовательном процессе китайских студентов — уровень знания ими русского языка (Глебов, 2013; Юаньян, 2018).

Выводы

1. У представителей стран СНГ, чья культура схожа с российской по критериям полиактивности, коллективизма и полихронности, доминируют непрямая и пассивная (осторожная модель поведения) копинг-стратегии. В то время как у студентов из Китая, чью культуру можно охарактеризовать, как высококонтекстуальную, реактивную, с преобладанием коллективизма и феминизма, доминирует просоциальная стратегия поведения, выражающаяся в поиске социальной поддержки и вступлении в социальный контакт.

2. Стратегия «поиск социальной поддержки» — один из самых мощных копинг-ресурсов. Социальная поддержка смягчает влияние стрессоров на организм и тем самым сохраняет здоровье и благополучие человека. Она может иметь не только позитивный, но и негативный эффект, например проявляться в выраженной экстернальной позиции, межличностной зависимости или такой защитной функции, как конфлюэнция.

3. По шкалам социокультурной адаптации имеются различия между группами в академической адаптации и уровне владения русским языком. Представители высококонтекстуальной и реактивной культуры (китайские студенты) труднее адаптируются к особенностям обучения и требованиям российской высшей школы.

4. Академическая адаптация включает в себя не только успешность выполнения учебных обязанностей и соблюдение правил и требований преподавателей, но и групповую работу с другими студентами, получение обратной связи от преподавателей и одно-

группников, позиционирование себя в учебной группе. Соответственно данные паттерны поведения также вызывают затруднения у китайских студентов.

Заключение

Представленное исследование перспективно в свете изучения роли культурного фактора в формировании адаптационных механизмов иностранных студентов. Дальнейшее изучение данной проблемы позволит сформировать список практических рекомендаций для создания более комфортной и безопасной образовательной среды для обучения иностранных студентов. Выявленные различия в копинг-стратегиях и механизмах адаптации позволят разработать и апробировать программы социально-психологической адаптации иностранных студентов к условиям образовательной среды российского вуза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акижанова Д.М., Сатенова С.К. Культурные ценности казахского народа и деловые переговоры в Казахстане // Перспективы науки и образования. 2013. № 5. С. 195—201.

Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009.

Глебов В.В. Китайский студент в российской столице: социообразовательная адаптация // Азия и Африка сегодня. 2013. № 1. С. 49—52.

Гриценко В.В., Ефремова М.Н. Культурно-ценностная структура сознания соотечественников как основа их адаптации в России // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4. С. 106—128.

Жданова С.Ю., Печеркина А.В. Технологии формирования толерантного отношения к иностранным студентам // Проблемы гражданского единства Российской нации: Материалы к межрегиональной научно-практической конференции-диалогу «Актуальные проблемы укрепления единства Российской нации (философско-культурологические, этно-профессиональные и психолого-педагогические аспекты)» (Пермь, 10—11 ноября, 2016). Пермь: Пермский гос. ин-т культуры, 2016. С. 175—184.

Крюжикина Н.А. Социально-психологическая адаптация к менеджерской деятельности и копинг-стратегии у студентов в период прохождения практики // Вестник МГЛУ. 2014. № 16 (702). С. 88—96.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Проверка трех гипотез межкультурного взаимодействия в России и на постсоветском пространстве: метаанализ // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под общ. ред. Н.М. Лебедевой. М.: Менеджер, 2017. С. 383—412.

Лыкова Н.М., Караведо Интриаго Р. Стили совладающего поведения латиноамериканских и китайских студентов в период адаптации к условиям новой социокультурной среды // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2010. № 1. С. 42—47.

Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Дело, 2001.

Маслова О.В., Шляхта Д.А. Об особенностях межкультурной адаптации китайских студентов в России // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы V Международной научной конференции (Смоленск, 27—28 мая 2016 г.) / Отв. ред. В.В. Гриценко. Смоленск: Изд-во Смоленского гуман. ун-та, 2016. Т. 2. С. 104—107.

Петрова С.М., Леонтьева М.М. Механизмы защиты и копинг-стратегии иностранных студентов в процессе их адаптации в вузе // Интерактивный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 12—14 апреля 2017 г.). Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 333—338.

Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д. Влияние мотивации к этнокультурной преемственности и стратегий аккультурации родителей на аккультурацию детей в русских семьях Латвии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 68—79.

Тарасова Л.Е. Выбор копинг-стратегий как механизм преодолевающей адаптации // Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение: Материалы V Международной научной конференции (Саратов, 08 апреля 2016 г.). С. 940—945.

Федотова В.А. Влияние ценностей на отношение к инновациям у представителей разных поколений россиян. СПб.: ИД «Сциентиа», 2016.

Черемисина Д.С. Копинг-стратегии социально-психологической адаптации подростков группы риска // Социальное партнерство в деятельности психолога: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции (Тольятти, 15—17 мая 2015 г.). Тольятти: Тольяттинский гос. ун-т, 2015. С. 110—116.

Юаньян В. Эмоциональный интеллект и социально-психологическая адаптация иностранных студентов в Российских вузах // Педагогическая психология. 2018. № 2. С. 65—71.

Cao C., Meng Q., Shang L. How can Chinese international students' host-national contact contribute to social connectedness, social support and reduced prejudice in the mainstream society? Testing a moderated mediation model // International Journal of Intercultural Relations. 2018. Vol. 63. P. 43—52. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2017.12.002

Cao C., Zhu C., Meng Q. Predicting Chinese international students' acculturation strategies from socio-demographic variables and social ties // Asian Journal of Social Psychology. 2017. Vol. 20. P. 85—96. DOI: 10.1111/ajsp.12171

Hall E.T. The Dance of Life: The other dimension of time. N.Y.: Doubleday, 1983.

Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.

Khawaja N., Stallman H. Understanding the coping strategies of international students: A qualitative approach // *Australian Journal of Guidance and Counseling*. 2011. Vol. 2. P. 203—224. DOI: 10.1375/ajgc.21.2.203

Natovova L., Chylova H. Coping strategies adopted by university students — Part II: Role Conflict and Age // *Journal on Efficiency and Responsibility in Education and Science*. 2012. Vol. 5. N 4. P. 226—238. DOI: 10.7160/eriesj.2012.050405

Wilson J. Exploring the past, present and future of cultural competency research: The revision and expansion of the sociocultural adaptation construct: Unpublished Doctoral Dissertation. Wellington (New Zealand): Victoria University of Wellington, 2013.

Поступила в редакцию 09.07.18

Принята к публикации 03.08.18

COPING STRATEGIES AS ADAPTATION MECHANISMS OF FOREIGN STUDENTS TO THE NEW REQUIREMENTS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

*Svetlana Yu. Zhdanova*¹, *Vera A. Fedotova*²

¹ Perm State University, Perm, Russia

² National Research University Higher School of Economics, Branch in Perm, Russia

Abstract

Relevance. The growing interest to studying foreign students and the creation of a favorable educational environment for them makes urgent to study the strategies of sociocultural adaptation of representatives of different cultures.

Objective. Identification of the coping strategies features and differences in the scales of sociocultural adaptation among foreign students, depending on their belonging to culture.

Methodology. Two questionnaires were used: the “Revised Sociocultural Adaptation Scale (SCAS-R)” (J. Wilson) and “Strategic Approach to Coping Scale - SACS” (Vodopyanova and E.S. Starchenkova). The study involved students from the CIS countries (Uzbekistan and Kazakhstan, n = 65) and from China (n = 39), studying in Russian universities.

Results. Representatives of the CIS countries revealed dominance of the indirect and passive (cautious model of behavior) coping strategies. Prosocial coping strategy (seeking social support and entering into social contact) dominates among students from China. Also differences between groups on academic adaptation and the level of knowledge of the Russian language were found.

Conclusions. Representatives of the highly contextual and reactive culture (Chinese students) mostly difficult adapt to the specifics of education, the requirements of higher education and communication in the native language of the host country. The same type of culture underlies the formation of a prosocial coping strategy. Representatives of polyactive and polychronic culture (students from the CIS countries) are dominated by indirect and passive coping strategies.

Key words: culture, coping strategies, behavior model, sociocultural adaptation, adaptation scales.

References

Akizhanova, D.M., Satenova, S.K. (2013). Kul'turnye cennosti kazhaskogo naroda i delovye peregovory v Kazahstane. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives on science and education], 5, 195—201.

Cao, C., Meng, Q., Shang, L. (2018). How can Chinese international students' host-national contact contribute to social connectedness, social support and reduced prejudice in the mainstream society? Testing a moderated mediation model. *International Journal of Intercultural Relations*, 63, 43—52. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2017.12.002

Cao, C., Zhu, C., Meng, Q. (2017). Predicting Chinese international students' acculturation strategies from socio-demographic variables and social ties. *Asian Journal of Social Psychology*, 20, 85—96. DOI: 10.1111/ajsp.12171

Cheremisina, D.S. (2015). Koping-strategii social'no-psihologicheskoy adaptatsii podrostkov gruppy riska. In: *Social'noe partnerstvo v deyatelnosti psihologa: teoriya i praktika: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (To'yatti, 15—17 maya 2015 g.)* [Social partnership in the activities of the psychologist: theory and practice: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Togliatti, May 15-17, 2015)] (pp. 110—116). To'yatti: To'yattinskij gos. un-t.

Fedotova, V.A. (2016). *Vliyanie cennostej na otnoshenie k innovatsiyam u predstavitelej raznyh pokolenij rossiyan*. St. Petersburg: ID «Scientia».

Glebov, V.V. (2013). Kitajskij student v rossijskoj stolice: socioobrazovatel'naya adaptatsiya. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 1, 49—52.

Gricenko, V.V., Efremova, M.N. (2017). Kul'turno-cennostnaya struktura soznaniya sootchestvennikov kak osnova ih adaptatsii v Rossii. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2, 4, 106—128.

Hall, E.T. (1983). *The Dance of Life: The other dimension of time*. N.Y.: Doubleday.

Hofstede, G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Khawaja, N., Stallman, H. (2011). Understanding the coping strategies of international students: A qualitative approach. *Australian Journal of Guidance and Counseling*, 2, 203—224. DOI: 10.1375/ajgc.21.2.203

Krayushkina, N.A. (2014). Social'no-psihologicheskaya adaptatsiya k menedzherskoj deyatelnosti i koping-strategii u studentov v period prohozhdeniya

praktiki. *Vestnik MGLU* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], 16 (702), 88—96.

Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2017). Proverka trekh gipotez mezhkul'turnogo vzaimodejstviya v Rossii i na postsovetском prostranstve: meta-analiz. In N.M. Lebedeva (ed.) *Mezhkul'turnye otnosheniya na postsovetском prostranstve* [Intercultural relations in the post-Soviet space] (pp. 383—412). Moscow: Menedzher.

Lykova, N.M., Karavedo Intriago, R. (2010). Stili sovladayushchego povedeniya latinoamerikanskih i kitajskih studentov v period adaptacii k usloviyam novoj sociokul'turnoj sredy. *Vestnik RUDN. Ser. Psihologiya i pedagogika* [Bulletin of RUDN. Series Psychology and Pedagogy], 1, 42—47.

L'yuiss, R.D. (2001). *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese: Ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu* [Business cultures in international business. From collision to mutual understanding]. Moscow: Delo.

Maslova, O.V., Shlyahata, D.A. (2016). Ob osobennostyakh mezhkul'turnoj adaptacii kitajskih studentov v Rossii. In V.V. Gricenko (ed.) *Teoreticheskie problemy etnicheskoj i krosskul'turnoj psihologii: Materialy Pyatoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Smolensk, 27—28 maya 2016 g.)* [Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology: Proceedings of the Fifth International Scientific Conference (Smolensk, May 27—28, 2016)] (Vol. 2, pp. 104—107). Smolensk: Izd-vo Smolenskogo guman. un-ta.

Natovova, L., Chylova, H. (2012). Coping strategies adopted by university students — Part II: Role Conflict and Age. *Journal on Efficiency and Responsibility in Education and Science*, 5, 4, 226—238. DOI: 10.7160/eriesj.2012.050405

Petrova, S.M., Leont'eva, M.M. (2017). Mekhanizmy zashchity i koping-strategii inostrannyh studentov v processe ih adaptacii v vuze. In: *Interaktivnyj podhod k psihologii cheloveka i social'nomu vzaimodejstviyu lyudej: Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 12—14 aprelya 2017 g.)* [Interactive approach to human psychology and social interaction of people: Materials of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, April 12—14, 2017)] (pp. 333—338). Sankt-Peterburg: RGPU im. A.I. Gercena.

Ryabichenko, T.A., Lebedeva, N.M., Plotka, I.D. (2015). Vliyanie motivacii k etnokul'turnoj preemstvennosti i strategij akkul'turacii roditel'ev na akkul'turaciyu detej v russkih sem'yah Latvii. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 11, 2, 68—79.

Tarasova, L.E. (2016). Vybor koping-strategij kak mekhanizm preodolevayushchej adaptacii. In: *Konflikty v sovremennom mire: mezhdunarodnoe, gosudarstvennoe i mezhlchnostnoe izmerenie: Materialy 5 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Saratov, 8 aprelya 2016 g.)* [Conflicts in the modern world: international, state and interpersonal dimension: Proceedings of the 5th International Scientific Conference (Saratov, April 8, 2016)] (pp. 940—945).

Vodop'yanova, N.E., Starchenkova, E.S. (2009). *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. 2-e izd. St. Petersburg: Piter.

Wilson, J. (2013). *Exploring the past, present and future of cultural competency research: The revision and expansion of the sociocultural adaptation construct: Un-*

published *Doctoral Dissertation*. Wellington (New Zealand): Victoria University of Wellington.

Yuan'yan, V. (2018). Emocional'nyj intellekt i social'no-psihologicheskaya adaptaciya inostrannyh studentov v Rossijskih VUZah. *Pedagogicheskaya psihologiya* [Pedagogical psychology], 2, 65—71.

Zhdanova, S.Yu., Pecherkina, A.V. (2016). Tekhnologii formirovaniya tolerantnogo otnosheniya k inostrannym studentam. In: *Problemy grazhdanskogo edinstva Rossijskoj nacii: Materialy k mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii-dialogu «Aktual'nye problemy ukrepleniya edinstva Rossijskoj nacii (filosofsko-kul'turologicheskie, etno-professional'nye i psihologo-pedagogicheskie aspekty)» (Perm', 10—11 noyabrya, 2016)* [Problems of the civil unity of the Russian nation: Materials for the interregional scientific-practical conference-dialogue “Actual problems of strengthening the unity of the Russian nation (philosophical-cultural, ethno-professional and psychological-pedagogical aspects)” (Perm, November 10—11, 2016)] (pp. 175—184). Perm': Permskij gosudarstvennyj institut kul'tury.

Original manuscript received July 9, 2018

Revised manuscript accepted August 3, 2018

УДК 159.9.072

doi: 10.11621/vsp.2018.04.106

КАЧЕСТВО МОТИВАЦИИ И КАЧЕСТВО ПЕРЕЖИВАНИЙ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д. А. Леонтьев, К. Г. Клейн

Актуальность. Качество мотивации — это характеристика природы побуждения, проявляющаяся в том, насколько мотивация конкретной деятельности связана с ее процессом (внутренняя мотивация) или с отчужденным результатом (внешняя мотивация), а также промежуточными формами между ними (Э. Деси, Р. Райан и др.). В данном исследовании был поставлен вопрос: как качество мотивации учебной деятельности студентов связано с сопровождающими деятельность переживаниями удовольствия, смысла и усилия, а также пустоты как их отсутствия (в терминах трехмерной модели переживаний в деятельности Д.А. Леонтьева)?

Цель. Эмпирически выявить и установить закономерности связей между качеством мотивации учебной деятельности и сопровождающими ее переживаниями.

Методы. Использовались методики: «Шкала универсального воспринимаемого локуса каузальности» (УВОЛК) К. Шелдона и др. и «Диагностика переживаний в деятельности» (ДПД) Д.А. Леонтьева. Исследование проведено на 367 студентах двух московских вузов в возрасте 17—24 лет ($M=18.35$; $SD=1.00$).

Результаты. Связь переживания удовольствия в учебной деятельности с ее мотивацией монотонно возрастает при движении от контролируемых (внешних) к автономным формам мотивации, меняя знак с минуса на плюс; зеркально обратный паттерн обнаруживает переживание пустоты.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, зав. Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ. *E-mail*: dleon@smysl.ru

Клейн Константин Георгиевич — аспирант НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ. *E-mail*: kleinme@mail.ru

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 16-18-10439).

Переживание смысла обнаруживает в целом сходную с удовольствием динамику, с некоторыми отличиями. Переживание усилия незначимо связано с наиболее и наименее автономными формами мотивации, проявляя значимую положительную связь с промежуточными формами мотивации, находящимися в середине континуума автономии.

Выводы. Обнаружились значимые связи между параметрами мотивации и переживаниями, относящимися к одной и той же (учебной) деятельности и незначимые или слабые связи между переживаниями и параметрами мотивации в разных деятельности.

Ключевые слова: теория самодетерминации, переживания, качество мотивации, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, мотивационный континуум.

Введение

Проблема мотивации охватывает всю совокупность психологических структур, процессов и механизмов, выполняющих функцию инициации активности и определения ее направленности и интенсивности (Леонтьев, 2004). Любую конкретную мотивацию конкретной деятельности конкретного субъекта можно охарактеризовать в терминах ее предметной направленности (на что?), интенсивности (насколько?) и качества. Последняя характеристика вошла в фокус внимания исследователей сравнительно недавно, в частности, в теории деятельности (Леонтьев, 2016а) и в теории самодетерминации, в которой упоминается, что мотивация характеризуется тем или иным качеством, а не только силой или уровнем (Vansteenkiste et al., 2006). Качество мотивации отвечает на вопрос, почему мы занимаемся той или иной деятельностью? Это характеристика того, в какой мере эта мотивация согласуется с глубинными потребностями и личностью в целом.

Наиболее развернутая и экспериментально обоснованная теоретическая модель качественных различий мотивации представлена в теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райан. В ней прослеживается динамика «вращения» внутрь мотивов, изначально коренящихся во внешних требованиях, иррелевантных потребностям субъекта. Ключевым является различие внутренней и внешней мотивации (Deci, 1980). Внутренне мотивированная деятельность интересна, она сама по себе служит вознаграждением и источником положительных эмоций; внешне мотивированная выполняется ради чего-то иного, чему служат ее отчуждаемые результаты, которые человек может получить (награда, избегание наказания или осуждения, вклад в общее дело или реализацию ценностей, помощь

значимому другому и др.). Альтернативой внешней и внутренней мотивации выступает амотивация — отсутствие мотивационной регуляции какого-либо поведения. Иначе говоря, человек не понимает, почему он что-то делает.

Анализ показал, что внешняя мотивация более дифференцирована, различаясь по типам мотивационной регуляции в континууме от менее автономных к более автономным формам (Ryan, Connell, 1989; Ryan, Deci, 2000). Студент, например, может посещать занятия не потому, что он боится отчисления, а потому, что сами занятия важны для его будущей профессии. Они могут оставаться неинтересными, но он в них видит ценность. Оба эти типа мотивации относятся к внешней, но тем не менее различаются по своему качеству. Выделяют следующие формы мотивационной регуляции внешней мотивации: экстерналиная, интроецированная, идентифицированная, интегрированная (табл. 1).

Таблица 1

**Мотивационный континуум в теории самодетерминации
(по: Ryan, Deci, 2000)**

Поведение	Мотивация	Регуляция
Не самодетерминированное	Амотивация	Нерегулируемая
	Внешняя	Экстерналиная
Интроецированная		
Идентифицированная		
Самодетерминированное	Интегрированная	
	Внутренняя	Внутренняя

Экстерналиная регуляция возникает, когда поведение субъекта обусловлено страхом наказания или обещанной наградой за выполнение того или иного действия. Этот тип мотивации полностью лишен автономии. Поведение осуществляется под контролем внешних агентов (родителей, преподавателя и других).

При интроецированной регуляции поведения субъекта регулируется усвоенными нормами, правилами, которые вынуждают его поступать именно таким образом. Субъект действует так, а не иначе, чтобы избежать чувства вины или стыда или испытать гордость.

Идентифицированная регуляция подразумевает, что субъект видит важность и ценность в своих действиях даже при отсутствии удовольствия от деятельности.

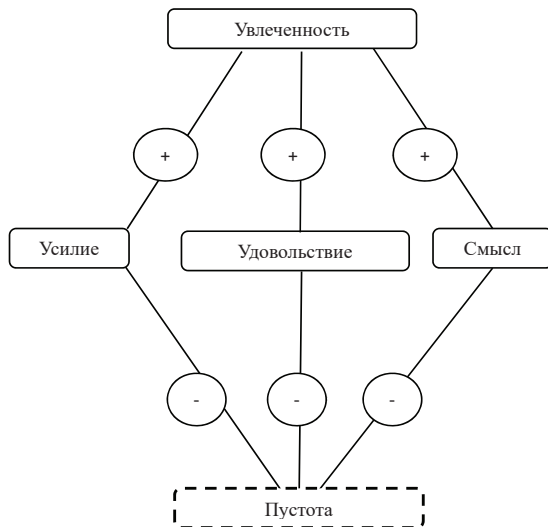
Интегрированная регуляция стоит ближе всех к внутренней мотивации. Ей также присуще переживание автономии, хоть и при отсуствии непосредственного интереса к деятельности.

За последние 30 лет исследования в области мотивации учебной деятельности продемонстрировали, что более автономные формы мотивационного континуума (Ryan, Connell, 1989), когда субъект занимается деятельностью из-за интереса к ней либо ее соответствия его внутренним ценностям и целям, положительно влияют на степень увлеченности (Connell, Wellborn, 1990), уровень обучения (Grolnick, Ryan, 1987) и рост психологического благополучия (Sheldon, Kasser, 1995). Учащиеся, у которых преобладает более автономный уровень мотивации при выполнении домашних заданий, имеют меньшую вероятность бросить школу, чем те, у кого уровень мотивации менее автономный (Valleland, Bissonette, 1992).

Другие исследования в области позитивных переживаний показали, что ученики получают больше всего удовольствия от тех предметов, которые они выбирают сами, а также от тех, уровень сложности которых соответствует уровню их знаний (Mayers, 1977).

Еще одним подходом к психологическому качеству деятельности, перекликающимся с подходом в терминах качества мотивации, служит теория потока М. Чиксентмихайи (2011). Однако автор теории не рассматривал весь континуум мотивации, а сконцентрировался лишь на форме вовлеченности в деятельность, получившей известность как переживание потока. М. Чиксентмихайи определяет поток как оптимальное переживание. Переживание потока было описано не только в спорте, творчестве, самосовершенствовании и других осмысленных занятиях, но и в криминальных занятиях, таких как поджоги, компьютерное мошенничество. В связи с этим встал вопрос о критериях оптимальности потока. Важным шагом вперед стало описание М. Чиксентмихайи еще одной сложной формы переживаний — переживания увлеченности (*vital engagement*. См.: Csikszentmihalyi, Nakamura, 2003).

Новым этапом разработки дифференцированного подхода к переживаниям на основе теории потока стала трехмерная модель переживаний в деятельности (Леонтьев, 2015, 2016б; Осин, Леонтьев, 2017). Представленная на рисунке модель выделяет три элементарных компонента — переживания удовольствия, усилия и смысла, — из которых складываются более сложные переживания и которые одновременно служат дополняющими друг друга критериями оптимальности переживания, сопровождающего какую-либо

Трехкомпонентная модель оптимального переживания
(по: Леонтьев, 2015)

деятельность. Переживание удовольствия говорит о преобладании позитивной эмоциональной обратной связи; переживание усилия — о контролируемости и результативности деятельности, а переживание смысла — о включенности актуальной деятельности в смысловые контексты своей жизни, других людей и общества. Сочетание всех трех компонентов образует увлеченность — подлинно оптимальное переживание. Отсутствие всех трех компонентов означает переживание пустоты, которую М. Чиксентмихайи описывает как психическую энтропию.

Обе кратко изложенные выше эмпирические модели во многом дополняют друг друга. В настоящей статье ставится вопрос о соотношении между качеством мотивации учебной деятельности и качеством сопровождающих ее переживаний и делается попытка эмпирически выявить и установить закономерности их связей. Мы предполагаем, что качество мотивации и качество переживаний будут связаны между собой, но лишь в рамках одной и той же деятельности. Мы выдвинули две теоретические гипотезы: 1) качество мотивации учебной деятельности будет связано с качеством переживаний в данной деятельности; 2) качество мотивации учебной деятельности не будет связано с качеством переживаний в иной деятельности.

Выборка и процедура исследования

Исследование носило срезовой квазиэкспериментальный характер. В исследовании приняло участие 367 человек, студенты факультетов психологии двух московских вузов в возрасте от 17 до 24 лет ($M=18.35$; $SD=1.00$). Доля участников мужского пола составила 16%. Процедура исследования предполагала заполнение батареи опросников отчасти в бумажной, отчасти в онлайн-форме (сравнение не выявило различий в зависимости от формы заполнения). Участие в исследовании было анонимным и не предполагало никакого другого вознаграждения кроме промежуточного зачета.

Инструменты

Для диагностики *качества мотивации* использовалась «Шкала универсального воспринимаемого локуса каузальности — УВОЛК» (*UPLOC* — Sheldon et al., 2017). Методика содержит 35 утверждений, направленных на измерение различных уровней мотивационной регуляции: нерегулируемой (например, «честно говоря, я не знаю, зачем я хожу на занятия»), экстернальной («потому что если я не буду ходить на занятия, другие люди разозлятся на меня»), интроецированной негативной («потому что я бы испытывал чувство вины, если бы не ходил на занятия»), интроецированной позитивной («потому что я хочу гордиться собой»), идентифицированной («потому что я действительно ценю занятия в университете») и внутренней («потому что ходить на занятия интересно»). Утверждения предлагается оценить по 5-балльной шкале. Методика не включает в себя утверждения на интегрированный тип мотивационной регуляции, поскольку ее достаточно сложно измерить эмпирически (Gagné et al., 2015).

Для измерения *переживаний* в учебной и досуговой деятельности использовалась методика «Диагностика переживаний в деятельности — ДПД» (Леонтьев, 2015; Осин, Леонтьев, 2017). Методика состоит из 12 пунктов, измеряющих 3 компонента «оптимального переживания»: смысл («я знаю, ради чего я это делаю»), усилие («мне приходится постараться, чтобы сделать то, что нужно»), удовольствие («я наслаждаюсь этим занятием») и переживание пустоты («во время этого я не испытываю никаких чувств»). Пункты оцениваются по 6-балльной шкале.

Результаты и обсуждение

Описательная статистика. Данные описательной статистики показателей, измеренных в данном исследовании, приведены в табл. 2. Несмотря на то что у девушек несколько выше показатели по шкале усилия (учеба), а также автономным формам учебной мотивации, результаты однофакторного дисперсионного анализа не подтверждают статистически достоверных различий между юношами и девушками.

Таблица 2

Описательная статистика переменных исследования (N=367)

	Шкала	Девушки		Юноши		Все участники		
		М	SD	М	SD	М	SD	Альфа Кронбаха
Методика ДПД	удовольствие (учеба)	3.54	0.91	3.42	1.03	3.52	0.93	0.80
	усилие (учеба)	4.33	0.94	3.93	1.08	4.27	0.90	0.76
	смысл (учеба)	4.39	0.94	4.23	1.08	4.36	0.96	0.78
	пустота (учеба)	2.80	0.92	2.90	1.05	2.82	0.94	0.66
	удовольствие (досуг)	5.55	0.59	5.52	0.53	5.54	0.58	0.77
	усилие (досуг)	3.06	1.38	2.90	1.45	3.04	1.39	0.87
	смысл (досуг)	4.77	1.07	4.97	0.98	4.80	1.06	0.82
	пустота (досуг)	1.55	0.65	1.70	0.86	1.57	0.68	0.70
Методика УВОЛК	Амотивация	1.80	0.90	1.86	0.84	1.81	0.89	0.78
	Экстернальная регуляция	2.52	0.98	2.56	1.00	2.53	0.91	0.72
	Интроецированная негативная регуляция	2.92	1.08	2.48	1.08	2.85	1.09	0.82
	Интроецированная позитивная регуляция	3.36	0.96	3.08	1.04	3.32	0.98	0.82
	Идентифицированная регуляция	3.85	0.70	3.60	0.82	3.81	0.72	0.77
	Внутренняя регуляция	3.59	0.79	3.33	0.81	3.55	0.80	0.90

Таблица 3

**Корреляции Пирсона между показателями методик
УВОЛК и ДПД в учебной и досуговой деятельности (N=367)**

УВОЛК \ ДПД	Амотивация	Экспертная регуляция	Интроецированная регуляция		Идентифицированная регуляция	Внутренняя мотивация
			негативная	позитивная		
УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ						
удовольствие	-.40**	-.18**	-.08	.26**	.50**	.69**
смысл	-.53**	-.20**	-.12*	.28**	.57**	.51**
усилие	.01	.10*	.21**	.20**	.05	-.04
пустота	.47**	.30**	.18**	-.14**	-.51**	-.54**
ДОСУГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ						
удовольствие	-.08	-.10*	-.17**	-.02	.09	.04
смысл	-.06	-.07	-.18**	-.05	.07	.05
усилие	.09	.03	.05	.01	-.04	-.02
пустота	.17**	.26**	.24**	.05	-.10*	-.07

Примечание: * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$.

Корреляционный анализ. Из теоретических гипотез вытекает, что должны обнаружиться значимые связи между показателями методик ДПД и УВОЛК в одной и той же (учебной) деятельности, но для показателей тех же методик по отношению к разным деятельностям (учебной и досуговой) такой связи быть не должно.

В табл. 3 приведены эмпирические значения коэффициентов линейной корреляции Пирсона между шкалами ДПД и УВОЛК в одной и той же (учебной) деятельности. Как мы видим, присутствуют значимые связи между мотивацией учебной деятельности и сопровождающими ее переживаниями, причем эти связи обнаруживают очень характерные паттерны при движении вдоль по континууму автономии мотивации, слева направо (по столбцам таблицы слева размещены наименее автономные формы мотивации, а справа — наиболее автономные).

Для переживания удовольствия значения корреляции обнаруживают монотонный линейный рост вдоль континуума: контролируемые формы мотивации обнаруживают значимую отрицательную связь с переживаниями удовольствия, автономные — значимую положительную, а промежуточная, интроецированная мотивация — незначимую.

Очень похожий паттерн взаимосвязей с качеством мотивации обнаруживает и переживание смысла в учебной деятельности, за одним исключением: наиболее сильную связь со смыслом обнаруживает не внутренняя, а идентифицированная мотивация, что объяснимо, ведь переживание смысла отражает не столько непосредственную привлекательность деятельности, сколько ее связь со значимыми для субъекта ценностями, которая и отражается в идентифицированной и интегрированной мотивации.

Напротив, переживание пустоты обнаруживает зеркально противоположный удовольствию паттерн, обнаруживая наиболее высокие значения для амотивации, которые затем постепенно снижаются и переходят в значимые отрицательные для правой части континуума мотивации.

Наконец, переживание усилия связано незначимо с наиболее и наименее автономными формами мотивации, обнаруживая значимую положительную связь с формами мотивации, находящимися в середине континуума автономии. Это можно понять, рассматривая движение по континууму качества мотивации как движение от произвольных ее форм к произвольным и далее, к постпроизвольным. Деятельность, управляемая внешними стимулами и давлениями — это путь наименьшего сопротивления, как и внутренне мотивированная, сама по себе притягательная деятельность; механизмы сравнительно сложных форм внешней мотивации предполагают произвольное преодоление непосредственных импульсов, что и отражается в переживании усилия; идентифицированная регуляция соответствует постпроизвольной мотивации, когда интеграция первоначально опосредованных побуждений в структуру личности приводит к тому, что они начинают срабатывать автоматически, без усилия.

В табл. 3 представлены также значения корреляций между качеством мотивации учебной деятельности и переживаниями в иной, досуговой деятельности. Как мы и предполагали, значимых связей между переживаниями и параметрами мотивации, относящимся к разным деятельности, практически нет. Единственными исключениями стали, во-первых, положительные связи между неавтономными формами мотивации учебной деятельности и переживанием

пустоты в досуговой деятельности и, во-вторых, отрицательные связи между интроецированной негативной регуляцией учебной деятельности (избеганием негативных эмоций) и удовольствием и смыслом, сопровождающими досуговое времяпрепровождение. Иными словами, мотивация и регуляция учебной и досуговой деятельности у студентов образует отдельные системы, но все же они не изолированы друг от друга полностью. Это позволяет говорить о подтверждении выдвинутых гипотез, хотя и с некоторыми оговорками.

Заключение: ограничения и перспективы исследования

Как видно из результатов исследования, нам удалось не только подтвердить выдвинутые гипотезы о связи сопровождающих деятельность переживаний с мотивацией данной (но не другой) деятельности, но и содержательно описать и качественно интерпретировать конкретные паттерны этих взаимосвязей. Тем не менее проведенное исследование носит предварительный характер. Прежде всего срезовой характер исследования не позволяет делать выводы о причинно-следственных связях. Во-вторых, сама идея о связи переживаний с мотивацией выглядит на первый взгляд очевидной. Вместе с тем конкретные результаты вполне нетривиальны, хоть и согласуются с теоретическими предсказаниями.

В настоящее время в стадии обработки находятся результаты более масштабного исследования, включающего в себя данные ряда диагностических методик и повторные замеры с интервалом около года. Это исследование позволит более определенно ответить на вопросы о причинно-следственных связях изучаемых переменных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Леонтьев Д.А. Общее представление о мотивации поведения человека // Психология в вузе. 2004. № 1. С. 51—65.

Леонтьев Д.А. Переживания, сопровождающие деятельность, и их диагностика // Современная психодиагностика России: Преодоление кризиса: сборник материалов III Всероссийской конференции по психологической диагностике: В 2 т. / Отв. ред. Н. Батулин. Т. 1. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2015. С. 175—179.

Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2016а. № 2. С. 3—18.

Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016б. № 62. С. 18—37.

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 2. С. 30—51.

Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина Нон-Фикшн, 2011.

Connell J.E., Wellborn J.G. Competence, autonomy, and relatedness: A motivational analysis of self-system processes // Self-processes in development: Minnesota Symposium on Child Psychology / Ed. by M. Gunnar, A. Sroufe. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1990. Vol. 23. P. 43—77.

Csikszentmihalyi M., Nakamura J. The construction of meaning through vital engagement // Flourishing: Positive psychology and the life well-lived / Ed. by C.L.M. Keyes, J. Haidt. Washington, DC: APA, 2003. P. 83—104.

Deci E.L. The psychology of self-determination. Lexington, MA: D. C. Heath (Lexington Books), 1980.

Grolnick W.S., Ryan R.M. Autonomy in children's learning: An experimental and individual difference investigation // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 52. P. 890—898. DOI: 10.1037/0022-3514.52.5.890

Gagné M., Forest J., Vansteenkiste M. et al. The Multidimensional Work Motivation Scale: Validation evidence in seven languages and nine countries // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2015. Vol. 24. P. 178—196. DOI: 10.1080/1359432X.2013.877892

Mayers P. The relation between structural elements and the experience of enjoyment in high school classes: Unpublished manuscript. The University of Chicago, 1977.

Ryan R.M., Connell J. Perceived locus of causality and internalization: Examining reasons for acting in two domains // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. N 5. P. 749—761. DOI: 10.1037/0022-3514.57.5.749

Ryan R.M., Deci E.L. Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new direction // Contemporary Educational Psychology. 2000. Vol. 25. N 1. P. 54—67. DOI: 10.1006/ceps.1999.1020

Sheldon K.M., Kasser T. Coherence and congruence: Two aspects of personality integration // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 68. P. 531—543. DOI: 10.1037/0022-3514.68.3.531

Sheldon K.M., Osin E.N., Gordeeva T.O. et al. Evaluating the dimensionality of Self-Determination Theory's relative autonomy continuum // Personality and Social Psychology Bulletin. 2017. Vol. 43. N 9. P. 1215—1238. DOI: 10.1177/0146167217711915

Vallerand R.J., Bissonnette R. Intrinsic, extrinsic, and amotivational styles as predictors of behavior: A prospective study // Journal of Personality. 1992. Vol. 60. P. 599—620. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1992.tb00922.x

Vansteenkiste M., Lens W., Deci E. Intrinsic versus extrinsic goal contents in self-determination theory: Another look at the quality of academic motivation // Educational Psychologist. 2006. Vol. 41. N 1. P. 19—31. DOI: 10.1207/s15326985ep4101_4

THE QUALITY OF MOTIVATION AND THE QUALITY OF EXPERIENCES AS CHARACTERISTICS OF LEARNING ACTIVITY

Dmitry A. Leontiev, Konstantin G. Klein

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Abstract

Relevance. The quality of motivation characterizes the nature of urges. It is manifested in how much the motivation of a particular activity is connected with its process (intrinsic motivation) or with an alienated result (extrinsic motivation), or with intermediate types between them (E. Deci, R. Ryan). In the present study we examine how the quality of motivation of students' learning activity is associated with the experiences of pleasure, meaning, effort and void as their absence (in light of D. Leontiev's three-dimensional model of activity-related experiences).

Objective. We aim to reveal relationships between the quality of motivation of learning activity and experiences related to this activity.

Methods. We used Activity-related Experiences Assessment inventory (AREA) to measure experiences in leisure and study, and Universal Perceived Locus of Causality Scale (UPLOC) to assess the quality of motivation. The correlation study was conducted on students sample of 17-24 years ($M=18.35$; $SD=1.00$). ($N = 357$).

Results. The connection of the pleasure experience in learning activity with its motivation increases monotonously when moving from controlled (external) to autonomous types of motivation, changing the minus sign to a plus; the void experience demonstrates reverse pattern. The meaning experience in general reveals similar dynamics to pleasure, but with some differences. The effort experience is insignificantly related to the most autonomous and least autonomous types of motivation, showing a significant positive relationship with the intermediate types of motivation in the middle of the autonomy continuum.

Conclusion. Significant correlations were observed between different types of motivation and experiences related to the same activity and nonsignificant and/or weak correlations between types of motivation and experiences related to different activities.

Key words: self-determination theory, experiences, quality of motivation, intrinsic motivation, extrinsic motivation, motivation continuum

References

Connell, J.E, Wellborn, J.G. (1990). Competence, autonomy, and relatedness: A motivational analysis of self-system processes. In M. Gunnar, A. Sroufe (eds.) *Self-processes in development: Minnesota Symposium on Child Psychology* (vol. 23, pp. 43—77). Hillsdale, NJ: Erlbaum

Csikszentmihalyi, M. (2011). *Potok: psihologiya optimal'nogo perezhivaniya* [Flow: the psychology of optimal experience]. M.: Smysl; Al'pina Non-Fikshn.

Csikszentmihalyi, M., Nakamura, J. (2003). The construction of meaning through vital engagement. In C.L.M. Keyes, J. Haidt (eds.) *Flourishing: Positive psychology and the life well-lived* (pp. 83—104). Washington, DC: APA.

Deci, E.L. (1980). *The psychology of self-determination*. Lexington, MA: D. C. Heath (Lexington Books), 1980.

Grolnick, W.S., Ryan, R.M. (1987). Autonomy in children's learning: An experimental and individual difference investigation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 52, 890—898. DOI: 10.1037/0022-3514.52.5.890

Gagné, M., Forest, J., Vansteenkiste, M., et al. (2015). The Multidimensional Work Motivation Scale: Validation evidence in seven languages and nine countries. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 24, 178—196. DOI: 10.1080/1359432X.2013.877892

Leontiev, D.A. (2004). Obshchee predstavlenie o motivacii povedeniya cheloveka. *Psihologiya v vuze* [Psychology in high school], 1, 51—65.

Leontiev, D.A. (2015). Perezhivaniya, soprovozhdayushchie deyatelnost', i ih diagnostika. In N. Baturin (ed.) *Sovremennaya psihodiagnostika Rossii: Preodolenie krizisa: sbornik materialov III Vserossijskoj konferencii po psihologicheskoy diagnostike: v 2 t.* [Modern psychodiagnostics of Russia: Overcoming the crisis: a collection of materials of 3 All-Russian Conference on Psychological Diagnostics: in 2 v] (vol. 1, pp. 175—179). Chelyabinsk: IC YuUrGU.

Leontiev, D.A. (2016a). Ponyatie motiva u A.N. Leont'eva i problema kachestva motivacii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2, 3—18.

Leontiev, D.A. (2016b). Samoregulyaciya, resursy i lichnostnyj potencial. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 62, 18—37.

Mayers, P. (1977). The relation between structural elements and the experience of enjoyment in high school classes: Unpublished manuscript. The University of Chicago.

Osin, E.N., Leontiev, D.A. (2017). Diagnostika perezhivaniy v professional'noj deyatelnosti: validizaciya metodiki. *Organizacionnaya psihologiya* [Organizational Psychology], 7, 2, 30—51.

Ryan, R.M., Connell, J. (1989). Perceived locus of causality and internalization: Examining reasons for acting in two domains. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57, 5, 749—761. DOI: 10.1037/0022-3514.57.5.749

Ryan, R.M., Deci, E.L. (2000). Intrinsic and extrinsic motivations: Classic definitions and new direction. *Contemporary Educational Psychology*, 25, 1, 54—67. DOI: 10.1006/ceps.1999.1020

Sheldon, K.M., Kasser, T. (1995). Coherence and congruence: Two aspects of personality integration. *Journal of Personality and Social Psychology*, 68, 531—543. DOI: 10.1037/0022-3514.68.3.531

Sheldon, K.M., Osin, E.N., Gordeeva, T.O., et al. (2017). Evaluating the dimensionality of Self-Determination Theory's relative autonomy conti-

num. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43, 9, 1215—1238. DOI: 10.1177/0146167217711915

Vallerand, R.J., Bissonnette, R. (1992). Intrinsic, extrinsic, and amotivational styles as predictors of behavior: A prospective study. *Journal of Personality*, 60, 599—620. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1992.tb00922.x

Vansteenkiste, M., Lens, W., Deci, E. (2006). Intrinsic versus extrinsic goal contents in self-determination theory: Another look at the quality of academic motivation. *Educational Psychologist*, 41, 1, 19—31. DOI: 10.1207/s15326985ep4101_4

Original manuscript received October 18, 2018

Revised manuscript accepted October 30, 2018

УДК 159.931, 612.846.1
doi: 10.11621/vsp.2018.04.120

ДВИЖЕНИЯ ГЛАЗ ЧЕЛОВЕКА ПРИ НАБОРЕ ТЕКСТА В ИНТЕРФЕЙСЕ МОЗГ-КОМПЬЮТЕР НА ОСНОВЕ ПОТЕНЦИАЛА П300: ЭФФЕКТ РАЗМЕРА СТИМУЛА И РАССТОЯНИЯ МЕЖДУ СТИМУЛАМИ

А. С. Пронина, Р. К. Григорян, А. Я. Каплан

Актуальность. Возможность замещения у пациентов каналов вербальной и двигательной коммуникации, утраченных вследствие инсультов и нейротравм, в настоящее время активно исследуется с применением технологий интерфейсов мозг-компьютер (ИМК). Одним из наиболее перспективных вариантов подобных интерфейсов являются системы, основанные на использовании компонента П300 зрительных вызванных потенциалов — П300 ИМК. Поскольку зрительная стимуляция играет ключевую роль в концепции П300 ИМК, представляется важным изучение влияния особенностей визуальной стимульной среды на движения глаз пользователя и эффективность работы интерфейса.

Цель работы. Исследование влияния основных характеристик визуальной среды классического П300 ИМК — размеров стимулов и расстояния между стимулами в матрице — на движения глаз пользователя при наборе текста, точность набора текста, амплитуду и латентность компонента П300.

Методика. В исследовании было задействовано 16 здоровых испытуемых, каждый из которых принял участие в пяти экспериментальных сессиях. Основные характеристики визуальной среды — размер стимулов в матрице и расстояние между ними — варьировались между сессиями

Пронина Анна Сергеевна — аспирант лаборатории нейрофизиологии и нейрокомпьютерных интерфейсов биологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. *Email:* a.pronina@hotmail.com

Григорян Рафаэль Каренович — аспирант лаборатории нейрофизиологии и нейрокомпьютерных интерфейсов биологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. *Email:* ggraph.bio@gmail.com

Каплан Александр Яковлевич — доктор биологических наук, профессор, зав. лабораторией нейрофизиологии и нейрокомпьютерных интерфейсов биологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. *Email:* akaplan@mail.ru

от 1.22 и 0.73 до 2.43 и 1.45 градусов зрительного угла. В каждой из пяти сессий испытуемым было необходимо напечатать с помощью П300 ИМК определенный текст на экране, при этом в течение всего эксперимента велась запись движений глаз и электроэнцефалограммы.

Результаты. Было обнаружено, что размер стимула значимо влияет на ряд характеристик движений глаз пользователя П300 ИМК. Размер стимула и расстояние между стимулами не оказывает значимого влияния на точность набора текста, амплитуду и латентность компонента П300.

Выводы. Полученные результаты в дальнейшем смогут быть применены в разработке более эффективных визуальных сред для П300 ИМК.

Ключевые слова: интерфейс мозг-компьютер, ИМК, спеллер, П300, движения глаз.

Введение

В основе технологии интерфейсов мозг-компьютер (ИМК) лежит предположение о том, что электрическая активность мозга может быть использована для получения управляющих команд для внешних устройств без задействования обычных нейромоторных путей. В медицине ИМК рассматриваются в первую очередь как компоненты ассистивных реабилитационных устройств, нацеленных на замещение каналов естественной коммуникации у пациентов, страдающих нейродегенеративными заболеваниями, перенесших инсульт или нейротравму (Каплан, 2016; Lazarou et al., 2018). Многие подобные ИМК построены на основе регистрации методом электроэнцефалографии (ЭЭГ) компонента П300 зрительных вызванных потенциалов, не связанного с физическими характеристиками стимула, но зависящего от степени заинтересованности человека в этом стимуле. Предполагается, что компонент П300 — одно из объективных проявлений когнитивных процессов, ассоциированных с вниманием и процессами сравнения объектов в рабочей памяти (Polich, 2007). На этой основе были созданы системы ИМК, позволяющие по наличию компонента П300 в ответ на быстро предъявляемые стимулы определять тот из них, к которому привлечено внимание человека. В частности, ИМК на основе волны П300 позволяют быстро обучиться набирать тексты буква-за-буквой при их поочередной подсветке на экране компьютера.

Стимульная визуальная среда в таких интерфейсах обычно организована в виде матрицы, строки и столбцы которой во время работы системы подсвечиваются в псевдослучайном порядке (Farwell, Donchin, 1988). Визуальная среда является одним из ключевых элементов ИМК и именно той частью системы, с которой

взаимодействует оператор. Тщательное исследование визуальных сред и их компонентов могло бы не только сделать коммуникационные ИМК (в англоязычной литературе — *spellers*, спеллеры) более эффективными и удобными для конечных пользователей, но и повысить точность их работы за счет подбора оптимальных значений параметров. В ряде исследований последних лет были осуществлены попытки тем или иным способом выявить основные компоненты визуальной среды классического ПЗ00 ИМК, влияющие на производительность системы (Rezeika et al., 2018). Так, исследование Э. Селлера и коллег (Sellers et al., 2006) посвящено изучению влияния размера матрицы на точность и скорость набора текста. Авторы приходили к выводу об увеличении точности набора текста при переходе от матрицы 6×6 к матрице 3×3, однако скорость набора была выше для матрицы 6×6. В более раннем исследовании (Allison, Pineda, 2003) также сообщалось об увеличении амплитуды Р300 при изменении размера матрицы от 4×4 до 12×12. В других работах (Григорян и др., 2018; Garcia et al., 2015; Salvaris, Sepulveda, 2009) исследовалось влияние различных параметров визуальной среды, а именно размера стимулов в матрице, цвета стимулов, цвета фона, расстояния между стимулами в матрице и линейного размера матрицы на производительность интерфейса. В этих исследованиях отмечался возможный эффект цвета стимулов и фона, а также размера стимулов и линейного размера матрицы как на точность классификации, так и на показатели когнитивной нагрузки и усталость оператора. Предпринимались попытки замены классической подсветки столбцов и строк «шахматным» паттерном или смены парадигмы подсветки (Obeidat et al., 2015; Townsend et al., 2010), что, согласно выводам исследователей, позволяло повысить точность и скорость набора текста, а также попытки изменить положение стимулов в матрице для снижения краудинг-эффекта (Obeidat et al., 2013), что позволяло улучшить точность классификации и снизить сообщаемый уровень усталости оператора спеллера.

Можно предположить, что основные параметры визуальной среды ИМК способны оказывать влияние на окуломоторную активность пользователя и, таким образом, на характер и успешность работы с ИМК в целом. Ранее было показано, что точность классификации при использовании ПЗ00 ИМК зависит от направления взгляда (Brunner et al., 2010). Также было исследовано влияние особенностей интенсивности подсветки и наличия контура стимулов в матрице ПЗ00 ИМК на длительность и дисперсию фиксации пользователя (Басюл, 2017) и выявлены значимые отличия в

значениях этих показателей при работе с различными матрицами. Дальнейшее подробное изучение влияния особенностей визуальной среды на окуломоторную активность кажется перспективным с точки зрения повышения эффективности работы ПЗ00 ИМК и обеспечения комфорта пользователя.

Таким образом, целью настоящей работы было выяснение влияния основных параметров визуальной среды, а именно размера стимулов и интервала между стимулами в матрице ПЗ00 ИМК на движения глаз при наборе текста в интерфейсе мозг-компьютер, а также на основные показатели эффективности работы интерфейса: точность набора текста, амплитуду и латентность ПЗ00.

Методы

В исследовании приняло участие 16 здоровых добровольцев: 6 мужчин и 10 женщин в возрасте от 20 до 42 лет (средний возраст 27.81 года). Исследование было одобрено комиссией по биоэтике МГУ имени М.В. Ломоносова.

Протокол исследования включал 5 экспериментальных сессий, выполняемых в случайном порядке. В каждой из сессий участнику эксперимента были представлены матрицы ИМК, состоящие из 6 строк и 6 столбцов, отличающиеся размером стимулов и расстоянием между ними: «SS» («small-small») — 1.22, 0.73; «SL» («small-large») — 1.22, 1.45; «M» («medium») — 1.82, 1.09; «LS» («large-small») — 2.43, 0.73; «LL» («large-large») — 2.43, 1.45 (размеры указаны в градусах зрительного угла, соответствующих расположению на расстоянии 640 мм от экрана). Все матрицы предъявлялись на экране компьютера с частотой обновления 60 Гц, разрешением 1680 × 1050.

В каждой сессии участнику эксперимента было необходимо при помощи команд ИМК набрать на экране определенный текст («NEUROSCIENCE_158»). В период выбора команды стимулы подсвечивались группами — строками или столбцами, причем выбор следующей подсветки происходил псевдослучайным образом так, чтобы одна и та же группа не могла быть активирована несколько раз подряд. Во время работы стимулы активировались на 134 мс и находились в неактивном состоянии 66 мс; полный цикл подсветки составлял 200 мс. На каждый целевой стимул приходилось ровно 20 циклов подсветок. Для выбора команды участник был проинструктирован мысленно подсчитывать, сколько раз целевой стимул был подсвечен в составе столбца или строки. Это позволяло обеспечить активное внимание к целевому стимулу в период выбора команды. Участнику эксперимента не давалось в явной форме

указаний смотреть на целевой стимул, чтобы обеспечить более естественное поведение взгляда во время эксперимента. Перед началом периода выбора команды целевой стимул на короткое время дополнительно выделялся на 2 секунды для привлечения внимания участника эксперимента. Перед началом каждой сессии проводились калибровка айтрекера и обучение классификатора ИМК (размер стимула и расстояние между ними в матрице во время обучения соответствовали тем, что использовались затем в экспериментальной сессии).

Во время обучения классификатора и в каждой экспериментальной сессии сигнал ЭЭГ регистрировался при помощи 9 электродов, расположенных в соответствии с международной системой 10/20 в позициях Oz, O1, O2, Pz, P3, P4, Cp1, Cp2, Cz. В качестве референта использовался усредненный сигнал ушных электродов с заземлением в позиции AFz. Получение и запись сигнала ЭЭГ осуществлялись при помощи усилителя NVX52 (*Medical Computer Systems Ltd*). Система ИМК, включая презентацию зрительных стимулов, обработку сигнала и онлайн-классификацию, была реализована с помощью программы на python 2.7, написанной для этого исследования. Отслеживание движений глаз (видеоокулография) и запись данных проводились с помощью айтрекера SMI RED500, частота дискретизации 500 Гц (*SensoMotoric Instruments GmbH*).

Для обработки данных о движениях глаз использовался дисперсионный алгоритм определения фиксаций из пакета PyGaze (Dalmaijer et al., 2014), минимальная длительность фиксаций была установлена в 50 мс. В качестве основных характеристик движений глаз участника во время эксперимента были выбраны среднее время фиксации в зоне интереса (ЗИ), среднее время взгляда в ЗИ, общее время взгляда в ЗИ, доля фиксаций в ЗИ, рассчитанная на единицу площади ЗИ. Под взглядами (в англоязычной литературе *dwells*) подразумевался ряд последовательных фиксаций внутри ЗИ. Размер ЗИ складывался из размера целевого стимула и маржина (отступа) размером 0.5 градуса зрительного угла для коррекции возможных неточностей, обусловленных особенностями оборудования.

В качестве основных показателей эффективности работы П300 ИМК анализировались точность набора текста, рассчитанная как доля безошибочно набранных символов, а также амплитуда и латентность компонента П300 в отведениях Cz и Pz, поскольку именно в них этот компонент наиболее выражен. Для этого сигнал ЭЭГ был отфильтрован фильтром Баттерворта четвертого порядка в частотном диапазоне 1—35 Гц, разделен на эпохи относительно времени

начала стимуляции (начала цикла подсветки) и усреднен отдельно для целевых и нецелевых эпох. Амплитуда компонента ПЗ00 рассчитывалась при помощи разностных кривых как максимальное значение сигнала в заданном временном окне (250—600 мс).

В статистическом анализе изучалось влияние двух факторов (размера стимула и расстояния между стимулами) и взаимодействия между ними на выходные переменные (среднее время фиксации в ЗИ, среднее время взгляда в ЗИ, общее время взгляда в ЗИ, доля фиксаций в ЗИ, а также точность набора текста, амплитуда и латентность ПЗ00). Для построения регрессионной модели взаимодействия факторов и выходных переменных использовался полный рандомизированный двухфакторный план эксперимента с двумя уровнями факторов и одной центральной точкой. План предусматривал блочную структуру с включением данных по каждому испытываемому в отдельный блок для изоляции одного из основных источников вариабельности в данных. Выходные переменные анализировались как среднее по значениям, полученным во время набора каждой буквы. Статистический анализ был выполнен с помощью Minitab 17 Statistical software (Minitab Ltd).

Результаты

Движения глаз

Был выявлен статистически значимый эффект изменения размера стимула на исследуемые характеристики движений глаз (рис. 1). Так, для условий «small» и «large», соответствующих размерам стимулов 1.22 и 2.43 градуса, доля фиксаций на единицу площади ЗИ составила 0.13 ± 0.03 и 0.07 ± 0.01 (среднее \pm среднееквадратичное отклонение) соответственно (эффект -0.06 , $F=199.05$, $p<0.001$, $1-\beta=1.00$); общее время взгляда в ЗИ: 13.83 ± 3.17 с и 20.73 ± 2.72 с соответственно (эффект 6.90 с, $F=118.40$, $p<0.001$, $1-\beta=1.00$); среднее время взгляда в ЗИ: 1.72 ± 1.17 с и 3.20 ± 1.57 с соответственно (эффект 1.47 с, $F=24.86$, $p<0.001$, $1-\beta=0.96$); среднее время фиксации в ЗИ: 1.00 ± 0.57 с и 0.77 ± 0.25 с соответственно (эффект -0.23 с, $F=6.98$, $p=0.04$, $1-\beta<0.80$). Величина эффекта рассчитывалась как разность средних значений для условий «small» и «large»; все значения p были скорректированы по Бонферрони относительно числа характеристик ($i=4$).

Изменение расстояния между стимулами к значимому эффекту не приводило, эффект взаимодействия двух изучаемых факторов также не был статистически значимым ($p>0.10$, $1-\beta<0.80$ во всех случаях).

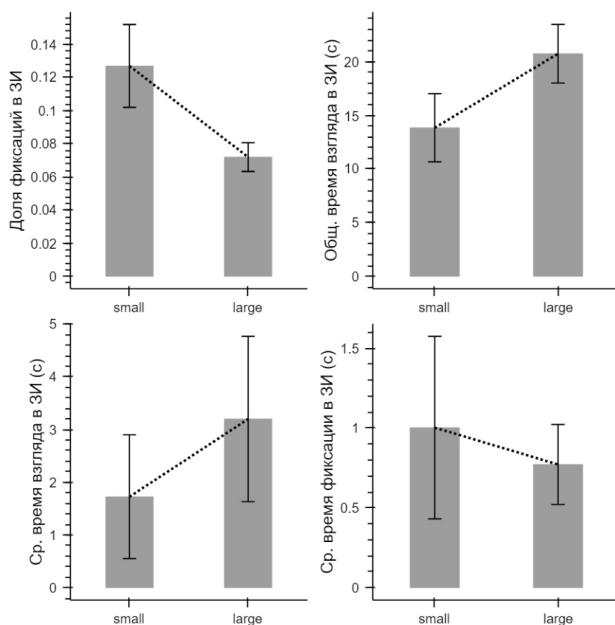

Рис. 1. Влияние размера стимула в матрице на характеристики движений глаз пользователя. Условиям «small» и «large» соответствуют размеры стимулов 1.22 и 2.43 градуса зрительного угла

Таким образом, только размер стимулов в матрице оказывает влияние на некоторые особенности движений глаз пользователя. Это влияние может быть описано следующим образом: для меньших по размеру стимулов характерны более долгие и компактные фиксации, но более короткие взгляды; для больших стимулов, наоборот, характерны короткие и рассеянные в пространстве фиксации, но долгие взгляды.

Точность набора текста

Статистический анализ не выявил значимого влияния размера стимула и расстояния между стимулами в матрице на точность набора текста ($p > 0.10$, $1 - \beta = 1.00$ в обоих случаях). Влияние взаимодействия этих факторов на точность набора текста также было несущественным ($p > 0.10$, $1 - \beta = 1.00$).

Компонент П300

Влияние размера стимула и расстояния между стимулами в матрице на амплитуду и латентность компонента П300 было проанализи-

зировано в отведениях Cz и Pz. На рис. 2 представлены разностные кривые зрительных вызванных потенциалов в данных отведениях для 5 экспериментальных условий, усредненные по всем испытуемым. Для обоих изучаемых факторов, как и для их взаимодействия, значимого влияния на амплитуду и латентность компонента P300 обнаружено не было ($p > 0.10$, $1 - \beta < 0.80$ во всех случаях).

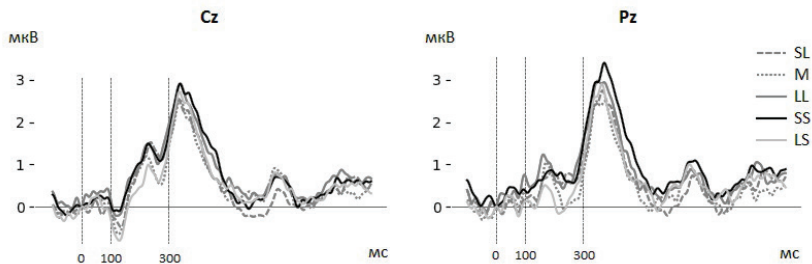

Рис. 2. Разностные кривые зрительных вызванных потенциалов в отведениях Cz и Pz для 5 экспериментальных условий (SS, SL, M, LS, LL), усредненные по всем участникам эксперимента

Обсуждение

Целью настоящей работы было выяснение влияния основных параметров стимульной визуальной среды, а именно размера стимулов и интервала между стимулами в матрице P300 ИМК, на характеристики движения глаз при наборе текста в интерфейсе мозг-компьютер, а также на точность набора текста, амплитуду и латентность компонента P300. В качестве основных характеристик движений рассматривались среднее время фиксации, среднее время взгляда, общее время взгляда, а также доля фиксаций в зоне интереса.

Основной результат работы — обнаружение значимого влияния на окуломоторную активность оператора по крайней мере одного из параметров стимульной визуальной среды P300 ИМК, а именно размера стимулов в матрице. Так, стимулы меньшего размера провоцируют продолжительные и компактные фиксации с коротким временем рассматривания объекта, тогда как для больших стимулов характерны более короткие и более распределенные по пространству фиксации, с более продолжительным рассматриванием соответствующего объекта. Такое различие может объясняться общими закономерностями восприятия, которое при больших размерах объекта требует больше времени и более распределенных фиксаций при его «рассматривании». В случае же маленьких стимулов взгляд часто покидает

пределы площади стимула, переходя на соседние стимулы. Однако интерпретация влияния размера стимула на движения глаз с учетом более подробных деталей этого процесса достаточно затруднительна.

Представленные паттерны характеристик могут быть обусловлены как непосредственно особенностями организации визуальной среды, так и более комплексными причинами, такими как психоэмоциональное состояние или когнитивная нагрузка на пользователя П300 ИМК. Так, ряд исследований связывает увеличение длительности фиксации в ЗИ при выполнении задач, требующих повышенного внимания, с возрастающей когнитивной нагрузкой (De Greef, 2009; Marchitto et al., 2016). Представляется вероятным, что для участников настоящего исследования набор текста при помощи спеллера с небольшими по размеру стимулами был более сложным и провоцировал увеличение когнитивной нагрузки. Поскольку подобная ситуация не может быть исключена из рассмотрения, необходимы более подробные дальнейшие исследования взаимосвязи когнитивной нагрузки и движений глаз с учетом специфики задачи набора текста в П300 ИМК. Обнаруженное отсутствие значимого эффекта интервала между стимулами в матрице на изучаемые характеристики движений глаз может говорить о том, что при использовании П300 ИМК краудинг-эффект (Whitney, Levi, 2011), вероятно, не оказывает значительного влияния на окуломоторную активность оператора.

Полученные данные о взаимосвязи характеристик визуальной среды П300 ИМК и движений глаз могут быть в дальнейшем использованы в разработке гибридных интерфейсов мозг-компьютер, совмещающих в себе данные ЭЭГ и видеоокулографии. Существующий интерес к подобным гибридным системам (Kalika et al., 2017; Kim et al., 2013; Shishkin et al., 2017) обусловлен возможностью одновременно улучшить производительность ИМК и приблизиться к решению характерной для видеоокулографических интерфейсов проблемы «Мидаса» — непреднамеренной активации команды при случайной фиксации взгляда на ней (Jacob, 1991). Исследование особенностей окуломоторной активности, характерной для различных визуальных сред, и в частности выявление факторов, влияющих на длительность фиксации и взглядов на различных элементах пользовательского интерфейса, поможет оптимизировать разработку гибридных ИМК.

Еще одним значимым результатом настоящей работы было показанное экспериментально отсутствие влияния размера стимула и интервала между стимулами на точность набора текста в П300 ИМК, как и на амплитуду и латентность компонента П300. Данное исследование дополняет более ранние работы (Allison, Pineda, 2003;

Garcia et al., 2015; Salvaris, Sepulveda, 2009), в которых ставились сходные задачи: установить, влияют ли характеристики визуальной среды на производительность коммуникационных ИМК. Важно отметить, что в упомянутых работах исследования проводились на малых выборках (5, 8 и 3 испытуемых соответственно) и, кроме того, в них не был проведен факторный анализ, а только сравнение экспериментальных условий, что могло послужить источником погрешностей при интерпретации результатов. В связи с этим утверждения о явной или возможной взаимосвязи размера стимула и интервала между стимулами на производительность могли быть неточными. В другом исследовании (Pfabigan et al., 2015) отмечается значимый эффект влияния размера стимула на амплитуду компонента П300, однако описанные экспериментальные условия значительно отличаются от набора текста в интерфейсе мозг-компьютер, и выводы не могут распространяться на данную ситуацию без возможных неточностей. По результатам настоящей работы влияние размера стимула и интервала между стимулами в матрице на амплитуду и латентность компонента П300 и точность набора текста может считаться статистически не значимым. Однако стоит отметить, что в работе исследовался ограниченный интервал возможных значений характеристик визуальной среды, и достоверность возможных выводов ограничена только значениями, находящимися внутри данного интервала. Кроме того, стоит учитывать низкие показатели статистической мощности для некоторых приведенных результатов, обусловленные небольшими в сравнении с дисперсией размерами эффектов и небольшим количеством испытуемых. Таким образом, при утверждении отсутствия статистической значимости не может быть полностью исключена возможность совершения ошибки второго рода, что снижает надежность полученных результатов.

В целом отсутствие непосредственного значимого влияния размера стимула и интервала между стимулами на точность набора текста делает возможным создание более гибких визуальных сред для коммуникационных интерфейсов на основе компонента П300. Так, можно предположить, что адаптация системы для небольшого экрана мобильного устройства не приведет к нежелательному изменению производительности ИМК, как и настройка параметров визуальной среды в соответствии с пожеланиями конкретного пользователя.

Заключение

Основным результатом выполненного исследования является экспериментально зафиксированное влияние характеристик сти-

мультимедийной визуальной среды П300 ИМК на характеристики движения глаз. Дальнейшее изучение этого влияния может способствовать разработке более эффективных визуальных сред для разнообразных приложений П300 ИМК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Басюл И.А. Характеристики окулomotorной активности оператора интерфейса мозг—компьютер на волне P300 в различных стимульных ситуациях // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 1. С. 129—138.

Григорян Р.К., Крысанова Е.Ю., Кирьянов Д.А., Каплан А.Я. Зрительные стимулы для интерфейса мозг—компьютер на основе зрительных вызванных потенциалов: цвет, форма, подвижность // Вестник Московского университета. Сер. 16. Биология. 2018. Т. 73. № 2. С. 111—117.

Каплан А.Я. Нейрофизиологические основания и практические реализации технологии мозг-машинных интерфейсов в неврологической реабилитации // Физиология человека. 2016. Т. 42. № 1. С. 118—127.

Allison B.Z., Pineda J.A. ERPs evoked by different matrix sizes: Implications for a brain computer interface (BCI) system // IEEE Transactions on Neural Systems and Rehabilitation Engineering. 2003. Vol. 11. N 2. P. 110—113. DOI: 10.1109/TNSRE.2003.814448

Brunner P., Joshi S., Briskin S. et al. Does the “P300” Speller Depend on Eye Gaze? // Journal of Neural Engineering. 2010. Vol. 7. N 5. 056013.

Dalmajjer E.S., Mathôt S., Van der Stigchel S. PyGaze: an open-source, cross-platform toolbox for minimal-effort programming of eyetracking experiments // Behavior Research Methods. 2014. Vol. 46. N 4. P. 913—921. DOI: 10.3758/s13428-013-0422-2

De Greef T. Eye movement as indicators of mental workload to trigger adaptive automation // Proceedings of the 5th International Conference on Foundations of Augmented Cognition. Neuroergonomics and Operational Neuroscience: Held as Part of HCI International (July 19–24, 2009, San Diego, CA). P. 219—228.

Farwell L.A., Donchin E. Talking off the top of your head: toward a mental prosthesis utilizing event-related brain potentials // Electroencephalography and Clinical Neurophysiology. 1988. Vol. 70. N 6. P. 510—523. DOI: 10.1016/0013-4694(88)90149-6

Garcia L., Lespinet-najib V., Saioud S. et al. Brain-computer interface: Usability evaluation of different P300 speller configurations: A preliminary study // Advances in Computational Intelligence Pt I / Ed. by I. Rojas, G. Joya, A. Catala. In Lecture Notes in Computer Science. Vol. 9094. Berlin: Springer-Verlag, 2015. P. 98—109.

Jacob R.J.K. The use of eye movements in human-computer interaction techniques: what you look at is what you get // ACM Transactions on Information Systems. 1991. Vol. 9. P. 152—169. DOI: 10.1145/123078.128728

Kalika D., Collins L., Caves K., Throckmorton C. Fusion of P300 and eye-tracker data for spelling using BCI2000 // Journal of Neural Engineering. 2017. Vol. 14. N 5. 056010. DOI: 10.1088/1741-2552/aa776b

Kim M., Chae Y., Jo S. Hybrid EEG and eye movement interface to multi-directional target selection // Proceedings of the Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society. EMBS 2013. P. 763—766.

Lazarou I., Nikolopoulos S., Petrantonakis P.C. et al. EEG-based brain-computer interfaces for communication and rehabilitation of people with motor impairment: A novel approach of the 21st Century // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2018. Vol. 12. N 1. P. 1—18.

Marchitto M., Benedetto S., Baccino T., Canas J.J. Air traffic control: Ocular metrics reflect cognitive complexity // *International Journal of Industrial Ergonomics*. 2016. Vol. 54. P. 120—130. DOI: doi.org/10.1016/j.ergon.2016.05.010

Obeidat Q., Campbell T., Kong J. The Zigzag Paradigm : A new P300-based brain-computer interface // Proceedings of 15th ACM International Conference on Multimodal Interaction (December 09-13, 2013, Sydney, Australia). P. 205—212.

Obeidat Q.T., Campbell T.A., Kong J. Introducing the Edges Paradigm : A P300 brain-computer interface for spelling written words // *IEEE Transactions on Human-machine Systems*. 2015. Vol. 45. N 6. P. 727—738. DOI: 10.1109/THMS.2015.2456017

Pfabigan D.M., Sailer U., Lamm C. Size does matter! Perceptual stimulus properties affect event-related potentials during feedback processing // *Psychophysiology*. 2015. Vol. 52. N 9. P. 1238—1247. DOI: 10.1111/psyp.12458

Polich J. Updating P300 : An integrative theory of P3a and P3b // *Clinical Neurophysiology*. 2007. Vol. 118. N 10. P. 2128—2148. DOI: 10.1016/j.clinph.2007.04.019

Rezeika A., Benda M., Stawicki P. et al. Brain-computer interface spellers: A review // *Brain Sciences*. 2018. Vol. 8. N 4. Art. 57. DOI: 10.3390/brainsci8040057

Salvaris M., Sepulveda F. Visual modifications on the P300 speller BCI paradigm // *Journal of Neural Engineering*. 2009. Vol. 6. N 4. 046011.

Sellers E.W., Krusienski D.J., Mcfarland D.J. et al. A P300 event-related potential brain-computer interface (BCI): The effects of matrix size and inter stimulus interval on performance // *Biological Psychology*. 2006. Vol. 73. N 3. P. 242—252. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2006.04.007

Shishkin S.L., Zhao D.G., Isachenko A.V., Velichkovsky B.M. Gaze-and-brain-controlled interfaces for human-computer and human-robot interaction // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2017. Vol. 10. N 3. P. 120—137.

Townsend G., LaPallo B.K., Boulay C.B. et al. A novel P300-based brain-computer interface stimulus presentation paradigm: moving beyond rows and columns // *Clinical Neurophysiology*. 2010. Vol. 121. N 7. P. 1109—1120. DOI: 10.1016/j.clinph.2010.01.030

Whitney D., Levi D.M. Visual crowding: A fundamental limit on conscious perception and object recognition // *Trends in Cognitive Sciences*. 2011. Vol. 15. N 4. P. 160—168. DOI: 10.1016/j.tics.2011.02.005

Поступила в редакцию 15.08.18

Принята к публикации 05.09.18

OBJECTIVE EYE MOVEMENTS DURING TYPING IN P300 BCI: THE EFFECT OF STIMULI SIZE AND SPACING

Anna S. Pronina, Rafael K. Grigoryan, Alexander Ya. Kaplan

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Biology, Moscow, Russia

Abstract

Relevance. Brain-computer interface (BCI) technology is widely employed in studies focused on possibility of substitution of human verbal and motor communication channels when such channels are lost due to stroke or trauma. One of the most promising examples of BCI technology is P300 BCI – a system based on P300 component of visual evoked potential. Visual stimulation plays a key role in P300 BCI concept, and it is thus important to explore the influence of visual stimuli environment on user's eye movements and BCI performance.

Objective. The objective was to explore the influence of the main components of P300 BCI visual environment, namely matrix stimuli size and spacing, on the movements of user's eyes during typing, the accuracy of typing, and the amplitude and latency of P300 component.

Methods. Sixteen healthy subjects were recruited for the study. Each subject participated in five experimental sessions, where P300 BCI matrix stimuli size and spacing varied from 1.22 and 0.73 to 2.43 and 1.45 degrees of visual angle. During each experimental session, subjects were typing in a certain text sequence using the BCI while their eye movements and EEG were being recorded.

Results. We found that the stimuli size significantly affected certain characteristics of user's eye movements. The stimuli size and spacing, however, had no significant effect on the accuracy of the typing and the amplitude and latency of P300 component.

Conclusions. The results of the study can prove to be beneficial to the development of efficient visual stimuli environments for P300 BCI.

Key words: brain-computer interface, BCI, speller, P300, eye movements.

References

Allison, B.Z., Pineda, J.A. (2003). ERPs evoked by different matrix sizes: Implications for a brain computer interface (BCI) system. *IEEE Transactions on Neural Systems and Rehabilitation Engineering*, 11, 2, 110–113. DOI: 10.1109/TNSRE.2003.814448

Basyul, I.A. (2017). Harakteristiki okulomotornoj aktivnosti operatora interfejsa «mozg—komp'yuter» na volne P300 v razlichnyh stimul'nyh situacijah. *Ekspierimental'naya psihologiya* [Experimental Psychology], 10, 1, 129–138.

Brunner, P., Joshi, S., Briskin, S. et al. (2010). Does the “P300” Speller Depend on Eye Gaze? *Journal of Neural Engineering*, 7, 5, 056013.

Dalmaijer, E.S., Mathôt, S., Van der Stigchel, S. (2014). PyGaze: an open-source, cross-platform toolbox for minimal-effort programming of eyetracking experiments. *Behavior Research Methods*, 46, 4, 913—921. DOI: 10.3758/s13428-013-0422-2

De Greef, T. (2009). Eye movement as indicators of mental workload to trigger adaptive automation. In: *Proceedings of the 5th International Conference on Foundations of Augmented Cognition. Neuroergonomics and Operational Neuroscience: Held as Part of HCI International (July 19-24, 2009, San Diego, CA)*. pp. 219—228.

Farwell, L.A., Donchin, E. (1988). Talking off the top of your head: toward a mental prosthesis utilizing event-related brain potentials. *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*, 70, 6, 510—523. DOI: 10.1016/0013-4694(88)90149-6

Garcia, L., Lespinet-najib, V., Saioud, S. et al. (2015). Brain-computer interface: Usability evaluation of different P300 speller configurations: A preliminary study. In I. Rojas, G. Joya, A. Catala (eds.) *Advances in Computational Intelligence Pt I. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 9094 (pp. 98—109). Berlin: Springer-Verlag.

Grigoryan, R.K., Krysanova, E.Yu., Kir'yanov, D.A., Kaplan, A.Ya. (2018). Zritel'nye stimuly dlya interfejsa mozg—komp'yuter na osnove zritel'nyh vyzvannyh potencialov: cvet, forma, podvizhnost'. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 16. Biologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 16. Biology], 73, 2, 111—117.

Jacob, R.J.K. (1991). The use of eye movements in human-computer interaction techniques: what you look at is what you get. *ACM Transactions on Information Systems*, 9, 152—169. DOI: 10.1145/123078.128728

Kalika, D., Collins, L., Caves, K., Throckmorton, C. (2017). Fusion of P300 and eye-tracker data for spelling using BCI2000. *Journal of Neural Engineering*, 14, 5, 056010. DOI: 10.1088/1741-2552/aa776b

Kaplan, A.Ya. (2016). Nejrofiziologicheskie osnovaniya i prakticheskie realizacii tekhnologii mozg-mashinnyh interfejsov v nevrologicheskoj rehabilitacii. *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology], 42, 1, 118—127.

Kim, M., Chae, Y., Jo, S. (2013). Hybrid EEG and eye movement interface to multi-directional target selection. In: *Proceedings of the Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society*. EMBS, pp. 763—766.

Lazarou, I., Nikolopoulos, S., Petrantonakis, P.C. et al. (2018). EEG-based brain-computer interfaces for communication and rehabilitation of people with motor impairment: A novel approach of the 21st Century. *Frontiers in Human Neuroscience*, 12, 1, 1—18.

Marchitto, M., Benedetto, S., Baccino, T., Canas, J.J. (2016). Air traffic control: Ocular metrics reflect cognitive complexity. *International Journal of Industrial Ergonomics*, 54, 120—130. DOI: doi.org/10.1016/j.ergon.2016.05.010

Obeidat, Q., Campbell, T., Kong, J. (2013). The Zigzag Paradigm : A new P300-based brain-computer interface. In: *Proceedings of 15th ACM International Conference on Multimodal Interaction (December 09-13, 2013, Sydney, Australia)*. pp. 205—212.

Obeidat, Q.T., Campbell, T.A., Kong, J. (2015). Introducing the Edges Paradigm : A P300 brain-computer interface for spelling written words. *IEEE Transactions on Human-machine Systems*, 45, 6, 727—738. DOI: 10.1109/THMS.2015.2456017

- Pfabigan, D.M., Sailer, U., Lamm, C. (2015). Size does matter! Perceptual stimulus properties affect event-related potentials during feedback processing. *Psychophysiology*, 52, 9, 1238—1247. DOI: 10.1111/psyp.12458
- Polich, J. (2007). Updating P300 : An integrative theory of P3a and P3b. *Clinical Neurophysiology*, 118, 10, 2128—2148. DOI: 10.1016/j.clinph.2007.04.019
- Rezeika, A., Benda, M., Stawicki, P. et al. (2018). Brain-computer interface spellers: A review. *Brain Sciences*, 8, 4, 57. DOI: 10.3390/brainsci8040057
- Salvaris, M., Sepulveda, F. (2009). Visual modifications on the P300 speller BCI paradigm. *Journal of Neural Engineering*, 6, 4, 046011.
- Sellers, E.W., Krusienski, D.J., Mcfarland, D.J. et al. (2006). A P300 event-related potential brain-computer interface (BCI): The effects of matrix size and inter stimulus interval on performance. *Biological Psychology*, 73, 3, 242—252. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2006.04.007
- Shishkin, S.L., Zhao, D.G., Isachenko, A.V., Velichkovsky, B.M. (2017). Gaze-and-brain-controlled interfaces for human-computer and human-robot interaction. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10, 3, 120—137.
- Townsend, G., LaPallo, B.K., Boulay, C.B. et al. (2010). A novel P300-based brain-computer interface stimulus presentation paradigm: moving beyond rows and columns. *Clinical Neurophysiology*, 121, 7, 1109—1120. DOI: 10.1016/j.clinph.2010.01.030
- Whitney, D., Levi, D.M. (2011). Visual crowding: A fundamental limit on conscious perception and object recognition. *Trends in Cognitive Sciences*, 15, 4, 160—168. DOI: 10.1016/j.tics.2011.02.005

Original manuscript received August 15, 2018
Revised manuscript accepted September 5, 2018

УДК 159.91, 004.946
doi: 10.11621/vsp.2018.04.135

РОЛЬ НИСТАГМЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ В ФОРМИРОВАНИИ ИЛЛЮЗИИ ДВИЖЕНИЯ СОБСТВЕННОГО ТЕЛА

Г. Я. Меньшикова, А. И. Ковалев

Актуальность. Изучение психологических и психофизиологических механизмов ориентации тела в пространстве является одной из важнейших задач современной нейронауки. В том числе в связи с ростом использования технологий визуализации и симуляции (виртуальная реальность, проекционные системы, тренажеры летательных аппаратов), применение которых часто сопряжено с возникновением рассогласования между поступающими сенсорными сигналами. Одним из феноменов, появляющихся в результате такого рассогласования, является иллюзия движения собственного тела — иллюзорное восприятие неподвижным наблюдателем собственного перемещения при рассматривании движущегося зрительного стимула, занимающего значительную часть зрительного поля.

Цель. Изучение роли движений глаз, происходящих по типу оптокинетического нистагма, в формировании и протекании иллюзии движения собственного тела.

Методика и выборка. В качестве стимуляции выступал виртуальный оптокинетический барабан, вращающийся со скоростями 30, 45 и 60 град/с. Стимуляция предъявлялась в системе виртуальной реальности *CAVE-system*. Испытуемые — 17 человек (10 мужчин и 7 женщин) в возрасте от 19 до 27 лет.

Результаты. Были проанализированы длительности медленных фаз оптокинетического нистагма во время переживания испытуемыми

Меньшикова Галина Яковлевна — доктор психологических наук, зав. лабораторией «Восприятие» ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* gmenshikova@gmail.com

Ковалев Артем Иванович — кандидат психологических наук, младший научный сотрудник лаборатории «Восприятие» ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* artem.kovalev.msu@mail.ru

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 17-36-01101).

иллюзии движения собственного тела. Оказалось, что интенсивность иллюзии и длительность медленных фаз оптокинетического нистагма тем больше, чем больше скорость вращения виртуального стимула. Также было показано, что ухудшение в реализации медленной фазы нистагма приводит к значительному росту интенсивности иллюзии, а восстановление нистагменных движений снижает выраженность иллюзии. Таким образом, было обнаружено, что реализация оптокинетического нистагма является компонентом системы пространственной ориентации человека и выступает регуляторным фактором по отношению к иллюзии движения собственного тела человека. Была доказана эффективность применения системы виртуальной реальности CAVE в изучении сложных когнитивных процессов переживания.

Ключевые слова: зрительное восприятие, векция, виртуальная реальность, движения глаз, оптокинетический нистагм.

Введение

Восприятие положения и ориентации собственного тела в пространстве является одним из важнейших процессов для адаптации и обеспечения навигации в окружающей среде. У человека для реализации данной функции в процессе эволюционного развития были успешно сформированы мозговые механизмы, позволяющие интегрировать и анализировать информацию, поступающую от различных органов чувств, а также при такой интеграции учитывать действие высокоуровневых факторов (прошлый опыт, предвосхищение изменения положений тела и т.п.). Однако в некоторых ситуациях восприятие положения и ориентации тела человека является неадекватным его реальному пространственному расположению. Одним из примеров подобных «ошибок» восприятия является возникновение иллюзии движения собственного тела, или векции (от англ. *vection* — перенос) — переживания неподвижным человеком иллюзорного движения собственного тела в отсутствии реального физического перемещения его в пространстве (Fischer, Kornmüller, 1930; Palmisano et al., 2015). В повседневной жизни данный феномен проявляется в ряде ситуаций, например в случае наблюдения пассажиром отправления поезда с соседнего пути, когда, оставаясь физически неподвижным, человек ощущает иллюзорное движение в направлении, противоположном направлению движения соседнего состава.

Для объяснения причин возникновения векции с опорой на протекание физиологических процессов в организме человека была предложена теория сенсорного конфликта, разработанная

первоначально для изучения механизмов кинетоза и укачивания (Reason, 1978). Согласно данной теории векция возникает в результате рассогласования между сигналами сенсорных систем различных модальностей, принимающих участие в формировании представления об ориентации и положении тела в пространстве. К ним относят в первую очередь вестибулярную, проприоцептивную и зрительную сенсорные системы. В том случае, если текущий паттерн поступающих сенсорных сигналов отличается от сигналов, встречающихся вместе в прошлом, возникает сенсорный конфликт, который в свою очередь приводит к головокружению, потере ориентации в пространстве и возникновению иллюзии. Однако даже с использованием различных модификаций данной теории (Van der Steen, 1998; Wertheim, 1994) до сих пор не были решены такие важнейшие методологические проблемы в изучении векции, как разработка адекватного достоверного индикатора выраженности иллюзии и динамики ее протекания, определение конкретных мозговых механизмов ее возникновения. Многочисленные исследования иллюзии движения собственного тела, проведенные с применением средств регистрации активности головного мозга, позволили получить разобщенные результаты (Goodale et al., 1991; Kleinschmidt et al., 2002; Previc, 2000). Общим для некоторых из этих работ является обнаружение повышения активности в области мозжечка во время переживания иллюзии. Также авторы сходятся во мнении о том, что система определения положения и ориентации тела в пространстве имеет сложную мозговую организацию, а возникновение иллюзии в ситуации сенсорного конфликта не имеет однозначного и выраженного отражения в изменении мозговой активности (Ковалев, Меньшикова, 2015).

Среди используемых методов оценки выраженности иллюзии наибольшее распространение получили опросниковые методики и методики прямого шкалирования. Наиболее известным опросником является методика «Симуляторные расстройства» (*Simulator sickness questionnaire*, или SSQ), разработанная Р. Кеннеди с коллегами (Kennedy, 1993) для задач оценки воздействия симуляторов космических полетов при подготовке космонавтов. Опросник состоит из 16 пунктов, по каждому из которых участник отмечает одну из 4 степеней выраженности обозначенного ощущения — «не ощущаю», «незначительно ощущаю», «умеренно ощущаю» и «ощущаю сильно». Пункты опросника представляют собой различные дискомфортные ощущения, такие, как, например, тошнота, головокружение при открытых и закрытых глазах,

сложность фокусировки и т.п. В результате заполнения данных пунктов рассчитывается «Общий балл» — чем выше его значение, тем сильнее сенсорный конфликт и, следовательно, тем большую выраженность имеет иллюзия движения собственного тела. Тем не менее данный опросник представляет собой лишь косвенный метод оценки выраженности иллюзии посредством анализа интенсивности дискомфортных симптомов.

Поиск иных методов изучения иллюзии без привлечения анализа мозговой активности и субъективных отчетов испытуемых привел к попыткам использования параметров глазодвигательной активности (Menshikova et al., 2014, 2015). Регистрация движений глаз — распространенный метод изучения протекания когнитивных и эмоциональных процессов человека (Меньшикова и др., 2017). Применительно к иллюзии движения собственного тела наибольший интерес имеют параметры прослеживающих движений глаз, так как известно, что во время наблюдения за движущимся стимулом, вызывающим векцию, глаза совершают характерные движения, состоящие из плавного прослеживания стимула и возвратной саккады (Кисляков, Неверов, 1966). Такая форма реализации глазодвигательной активности называется оптокинетическим нистагмом (ОКН). В ранних работах, посвященных использованию технологии регистрации движений глаз в изучении психической деятельности, было показано, что определенные параметры ОКН, а именно скорость медленной фазы и частота ударов фиксационного ОКН, являются индикаторами протекания процессов внимания (Романов, 1973). А потенциал анализа параметров ОКН в изучении векции был недавно показан в работе С. Пальмизано с коллегами (Palmisano et al., 2015), который обнаружил, что время возникновения иллюзии (фиксировалось путем нажатия испытуемым на кнопку манипулятора), медленная фаза ОКН, имела бóльшую длительность по сравнению с ситуацией отсутствия иллюзии. Важно отметить, что в этом исследовании стимуляция представляла собой движущиеся по линейной траектории небольшие светящиеся точки, приближающиеся или отдаляющиеся от испытуемого в течение 30 с. При этом предъявление стимулов происходило посредством широкоформатного дисплея. Таким образом, была обнаружена возможная связь между параметрами ОКН и переживанием векции. В настоящем исследовании была поставлена цель изучить роль нистагменных движений глаз в формировании иллюзии движения собственного тела.

Была выдвинута гипотеза о том, что на переживание иллюзии движения собственного тела оказывает влияние скорость движения

наблюдаемого стимула, в частности предполагалось, что большая скорость вращения стимула вокруг испытуемого приведет к возникновению векции большей интенсивности, что найдет отражение в динамике нистагменных движений глаз. Задачами исследования стали разработка виртуальной среды, вращающейся вокруг испытуемого в горизонтальной плоскости с различными угловыми скоростями, разработка метода качественного и количественного анализа нистагменных движений глаз, выделение основных параметров ОКН, свидетельствующих о динамике переживания иллюзии движения собственного тела.

Методы

В эксперименте приняли участие 17 испытуемых (10 мужчин и 7 женщин) в возрасте от 19 до 27 лет. Все испытуемые имели нормальное или скорректированное до нормального зрение, а также не имели органических поражений вестибулярного аппарата или иных нарушений в работе вестибулярной функции.

Для предъявления стимуляции использовалась высокоинтенсивная установка виртуальной реальности *CAVE-system (Cave active virtual environment)*. Установка состояла из четырех больших плоских квадратных экранов, соединенных в куб. Программное обеспечение для проведения эксперимента в *CAVE* системе было представлено специальным приложением *VirTools 4.0*. Для регистрации движения глаз использовался прибор *SMI Eye tracking glasses*. Отслеживание положения глаз обеспечивалось двумя маленькими камерами, которые размещены в дужках очков, в то время как третья камера, расположенная по центру (на переносице), вела запись того, что попадало в поле зрения наблюдателя. Частота регистрации движений глаз была равна 30 Гц.

В качестве стимуляции был использован виртуальный оптокинетический барабан (рис. 1), вращающийся по часовой стрелке и против часовой стрелки с угловыми скоростями, 30, 45 и 60 град/с. Внутренняя поверхность виртуального барабана была окрашена чередующимися черными и белыми полосами шириной в 12 угловых градусов каждая.

Испытуемый помещался в центр виртуальной комнаты *CAVE*. Инструкция состояла в том, чтобы испытуемый стоял неподвижно и не совершал движений головой в течение предъявления стимуляции. При этом у испытуемого имелась возможность свободного осматривания зрительной сцены. Оптокинетический виртуальный барабан совершал вращения вокруг испытуемого

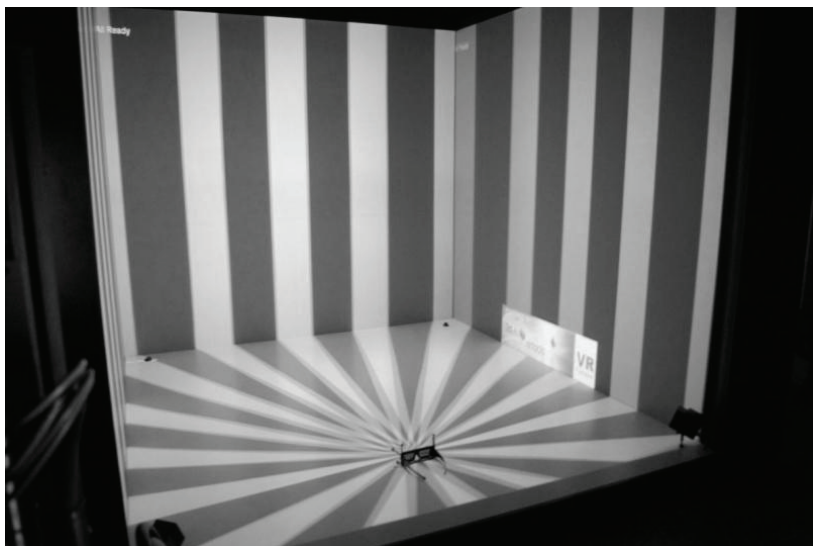

Рис 1. Предъявление виртуальной среды «Оптокинетический барабан» в установке виртуальной реальности CAVE-system

длительностью 2 мин каждое в случайном порядке в разные стороны с различными скоростями. Всего было осуществлено 18 вращений для каждого испытуемого (3 скорости×2 направления×3 повторения). Во время наблюдения вращения стимуляции испытуемый должен был нажимать на кнопку электронной мыши каждый раз, когда он отмечал возникновение векции. После каждого вращения испытуемого просили оценить, не меняя своего положения, интенсивность переживаемой иллюзии векции по 10-балльной шкале, а также дать устный отчет по пунктам опросника «Симуляторные расстройства». Между вращениями виртуального барабана испытуемому предоставлялся 5-минутный промежуток на отдых. Запись движения глаз начиналась до того, как начиналось вращение виртуального барабана. Синхронизация момента начала движения стимула в записи движений глаз производилась после эксперимента во время обработки данных путем сопоставления временной метки от нажатия клавиши запуска эксперимента.

Таким образом, независимыми переменными выступили фактор скорости вращения и фактор направления вращения. Для изучения динамики нистагменных движений глаз был применен

оригинальный метод микроструктурного анализа пространственно-временных глазодвигательных траекторий. Суть метода заключается в том, что были последовательно оценены длительности каждой прослеживаемой фазы ОКН. В качестве независимых переменных были использованы следующие показатели:

1) Оценки интенсивности иллюзии движения собственного тела, измеренные по 10-балльной шкале. Оценки интенсивности были усреднены для каждого испытуемого для каждой скорости и направления вращения.

2) Латенция возникновения иллюзии движения собственного тела в первый раз в течение одного предъявления стимуляции относительно начала вращения стимуляции (ЛП).

3) Коэффициент усиления глазодвигательной системы (КуГДС). В качестве данного параметра было использовано отношение средней скорости медленных фаз ОКН при данной скорости вращения к скорости движения стимуляции в течение промежутков переживания векции (Kowler, 1990). КуГДС были усреднены по каждому испытуемому для всех скоростей вращения и всех направлений. Необходимость использования данного параметра была продиктована требованием к корректному сравнению скоростей медленных фаз ОКН между условиями с различными скоростями вращения стимула, от которых зависит скорость медленных фаз нистагма.

Результаты

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями было обнаружено значимое влияние фактора скорости вращения стимула на зависимые переменные ($F=143,438$, $p<0,001$). Значимого влияния фактора направления вращения обнаружено не было ($F=1,470$, $p=0,267$). Взаимодействие факторов также не достигает значимого уровня ($F=0,160$, $p=0,992$). Было обнаружено увеличение интенсивности иллюзии и общего балла опросника «Симуляторные расстройства», а также уменьшения значений ЛП и КуГДС с увеличением роста скорости вращения.

Оценки интенсивности иллюзии движения собственного тела были усреднены по двум направлениям вращения по каждой скорости вращения, так как влияние фактора направления вращения оказалось незначимым. Анализ сравнения оценок интенсивности векции (рис. 2) обнаружил значимые различия между оценками, полученными при скорости вращения 60 град/с по сравнению с другими условиями ($Z=3,325$, $p=0,001$ и $Z=3,634$, $p=0,001$ при сравнении с условиями с 30 град/с и 45 град/с соответственно).

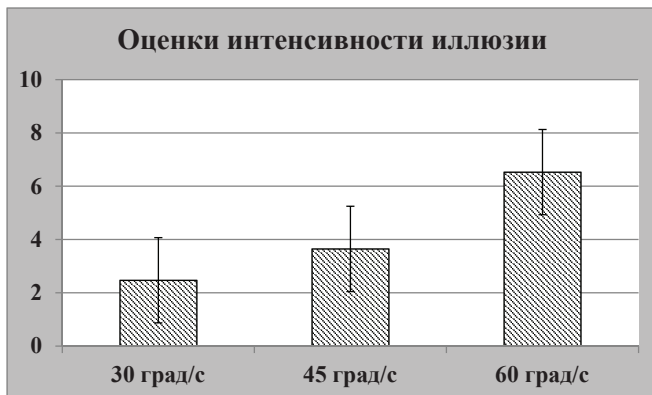

Рис. 2. Средние значения оценок интенсивности иллюзии движения собственного тела при различных скоростях вращения стимуляции

КуГДС (рис. 3) при скорости вращения 60 град/с значительно отличались от КуГДС при других скоростях вращения ($p < 0,001$, $t = 6,771$ и $t = 5,112$ при сравнении с 30 и 45 град/с соответственно). Значимых отличий по данному показателю между скоростями 30 и 45 град/с обнаружено не было ($t = 1,175$, $p = 0,257$).

Значения ЛП значительно отличались для различных скоростей вращения между собой ($p = 0,001$, $t = 4,048$, $p < 0,001$, $t = 14,585$, $p < 0,001$, $t = 11,840$ при сравнении с 30 и 45 град/с, 30 и 60 град/с и 45 и 60

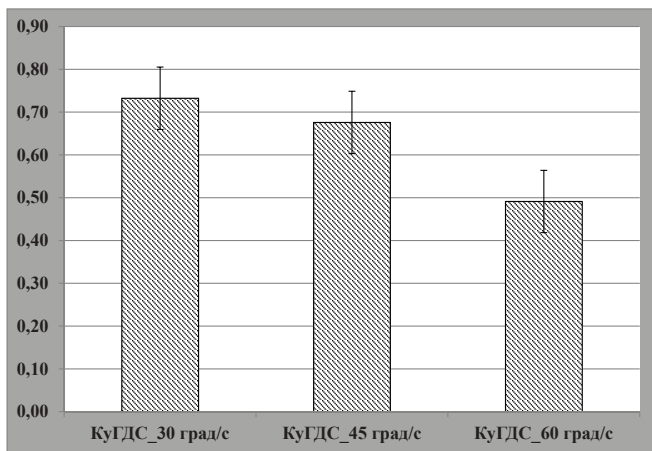

Рис. 3. Средние значения коэффициента усиления глазодвигательной системы (КуГДС)

град/с соответственно). Чем больше была скорость вращения стимуляции, тем меньше было значение ЛП, то есть тем быстрее возникла векция.

Анализ значений «Общего балла», полученного по опроснику «Симуляторные расстройства», позволил обнаружить значимые различия между оценками уровня дискомфорта при скорости вращения стимуляции в 60 град/с и другими скоростями ($p=0,001$, $t=5,713$, $p<0,001$, $t=6,004$, $p=0,211$, $t=0,415$ при сравнении с 60 и 45 град/с, 60 и 30 град/с и 45 и 30 град/с соответственно).

Таким образом, экспериментальная гипотеза о том, что вращение стимуляции вокруг испытуемого в системе виртуальной реальности *CAVE* с наибольшей угловой скоростью приведет к наибольшей интенсивности иллюзии движения собственного тела, подтвердилась. Анализ профилей траекторий движений глаз обнаружил динамические изменения в длительностях медленной фазы ОКН, соответствовавших по времени возникновению иллюзии, что нашло отражение в параметре КуГДС. Результаты данного эксперимента частично согласуются с результатами эксперимента С. Пальмизано, поскольку выраженное увеличение длительности медленной фазы ОКН было обнаружено для наибольшего значения вращения стимуляции в 60 град/с.

Поскольку ОКН представляет собой механизм стабилизации сетчаточного изображения в условиях наблюдения полос виртуального барабана, то увеличение длительностей медленных фаз ОКН следует рассматривать как нарушение в механизме реализации нистагменной активности. Рассматривая результаты данного эксперимента с данной точки зрения, можно сделать предположение о том, что снижение скорости и увеличение длительности медленных фаз происходило из-за явления угасания ОКН (Левашов, 1984). Данное явление заключается в том, что при действии повторной одинаковой стимуляции (например, чередующихся движущихся полос) интенсивность нистагменной реакции снижается. Причем снижение происходит тем отчетливее, чем больше сила стимула, например его скорость вращения. Конкретные мозговые механизмы угасания ОКН до сих пор не изучены, однако в ряде исследований, проведенных на кошках, было обнаружено, что возникновение феномена угасания ОКН происходит в ретикулярной формации продолговатого мозга и моста (Fernandez, Schmidt, 1962; Kileny et al., 1980). То есть в тех самых структурах, которые имеют как зрительную, так и вестибулярную афферентацию и могут принимать участие в управлении сенсорным конфликтом. Тогда явление угасания ОКН можно рассматривать как нарушение

в реализации компенсаторного глазодвигательного механизма по отношению к редукции сенсорного конфликта. Следовательно, из-за нарушений в реализации ОКН имело место нарушение в работе системы определения положения и ориентации тела в пространстве в целом, что приводило к возникновению иллюзии движения собственного тела.

Косвенным доказательством данного предположения является изменение значений ЛП в меньшую сторону с ростом скорости вращения. Значение скорости вращения оптокинетического барабана в 60 град/с является предельной скоростью успешного выполнения прослеживающих движений глаз (Митькин, 1978). Поэтому наименьшие значения ЛП были получены именно для данной скорости вращения стимуляции. Сходные результаты снижения ЛП с увеличением скорости вращения стимуляции были обнаружены и другими авторами с использованием стимулов различного содержания (Seno et al., 2011). В качестве объяснительного механизма данного эффекта авторы высказывали предположение об увеличении веса зрительного сигнала в возникающем сенсорном конфликте. Увеличение скорости движения стимуляции приводило к большей интенсивности зрительного сигнала, что в свою очередь усиливало его рассогласование по отношению к сигналам других модальностей. Тогда при наибольших значениях вращения стимуляции происходило и увеличение веса зрительного сигнала, и нарушение в реализации компенсаторного ОКН в виде его угасания, что в конечном итоге приводило к росту дискомфортных симптомов и увеличению интенсивности переживаемой иллюзии движения собственного тела.

Важно отметить, что связь между нарушениями в реализации ОКН и ростом интенсивности иллюзии была отмечена и в других исследованиях, проведенных ранее (Menshikova et al., 2014). В экспериментах с участием спортсменов фигуристов, футболистов и ушуистов было показано, что фигуристы демонстрируют сохранную форму реализации ОКН при наблюдении вращающейся стимуляции высокой интенсивности (занимающей все зрительное поле испытуемых) и переживают векцию меньшей интенсивности. В то время как у других участников эксперимента ОКН в этих условиях был нарушен, а глазодвигательная активность представляла собой высокоамплитудные движения и череду морганий. В данных экспериментах значения «Общего балла» опросника превышали средние значения, полученные испытуемыми в настоящем исследовании. Это говорит о том, что разработанная виртуальная среда «Оптокинетический барабан» позволила индуцировать сенсорный

конфликт средней степени интенсивности. Что в свою очередь позволило обнаружить динамические изменения в реализации ОКН при сохранении общей формы данных прослеживающих движений глаз.

Таким образом, экспериментальная гипотеза о том, что выраженность иллюзии движения собственного тела зависит от скорости вращения наблюдаемой стимуляции, подтвердилась: чем больше скорость вращения стимуляции, тем выше интенсивность переживаемой иллюзии. Также была обнаружена связь между динамикой реализации ОКН и интенсивностью возникающей иллюзии. При возникновении нарушений в реализации ОКН путем увеличения длительности медленных фаз наступала векция с высокой степенью выраженности. Можно заключить, что ОКН представляет собой один из компонентов системы определения положения и ориентации тела в пространстве, а его нарушение приводит к ухудшению работы системы в целом и возникновению иллюзии движения собственного тела. Исходя из этого параметры ОКН, в частности длительности медленных фаз, можно рассматривать в качестве достоверного индикатора возникновения иллюзии, а также их можно использовать для изучения внутренней динамики ее протекания. Также в данном исследовании было показано, что система виртуальной реальности CAVE является адекватной экспериментальной установкой для создания стимуляции, индуцирующей возникновения иллюзии различной степени интенсивности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кисляков В.А., Неверов В.П. Реакция глазодвигательной системы на движение объектов в поле зрения. Оптикокинетический нистагм. М.: Наука, 1966.

Ковалев А.И., Меньшикова Г.Я. Векция в виртуальных средах: психологические и психофизиологические механизмы формирования // Национальный психологический журнал. 2015. № 4. С. 91—104.

Левашов М.М. Нистагмометрия в оценке состояния вестибулярной функции // Проблемы космической биологии. Т. 50. Л.: Наука, 1984.

Меньшикова Г.Я., Ковалев А.И., Лунякова Е.Г. Влияние расовой принадлежности лица на выраженность эффекта взгляда-подсказки: метод айтрекинга // Национальный психологический журнал. 2017. № 2. С. 46—58.

Митькин А.А., Козлова Е.В., Сергиенко Е.А., Ямицков А.И. Некоторые вопросы раннего онтогенеза зрительных сенсомоторных функций // Движение глаз и зрительное восприятие. М.: Наука, 1978. С. 5—72.

Романов В.Я. Исследование свойств зрительного перцептивного процесса методом ФОКН // Исследования зрительной деятельности человека / Под ред. Ю.Б. Гипперейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 42—69.

Fernandez C., Schmidt R.M. Studies on habituation of vestibular reflexes. Effect of caloric stimulation in decorticated cats // *Annals of Otolaryngology & Laryngology*. 1962. Vol. 71. N 2. P. 299—320.

Fischer M., Kornmüller A. Optokinetisch ausgelöste Bewegungswahrnehmungen und optokinetischer Nystagmus // *Journal für Psychologie und Neurologie*. 1930. Vol. 41. P. 273—308.

Goodale M.A., Milner A.D., Jakobson L.S., Carey D.P. A neurological dissociation between perceiving objects and grasping them // *Nature*. 1991. Vol. 349. P. 154—156.

Kennedy R., Lane N., Kevin S. et al. Simulator Sickness Questionnaire: An enhanced method for quantifying simulator sickness // *The International Journal of Aviation Psychology*. 1993. Vol. 4. P. 203—220.

Kileny P., Ryu J.H., McCabe B.F., Abbas P.J. Neuronal habituation in the vestibular nuclei of the cat // *Acta oto-laryngologica*. 1980. Vol. 90. N 3—4. P. 175—183.

Kleinschmidt A., Thilo K., Buchel C. et al. Neural correlates of visual-motion perception as object- or Self-motion // *NeuroImage*. 2002. Vol. 16. P. 873—882.

Kowler E. The role of visual and cognitive processes in the control of eye movement // *Eye movements and their role in visual and cognitive processes* / Ed. by E. Kowler. Amsterdam: Elsevier, 1990. P. 1—69.

Menshikova G., Kovalev A., Klimova O. et al. Testing the vestibular function development in junior figure skaters using the eye tracking technique // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 146. P. 252—258.

Menshikova G., Kovalev A., Klimova O., Chernorizov A. Eye movements as indicator of vestibular dysfunction // *Perception*. 2015. Vol. 44. Is. 8—9. P. 1103—1110.

Palmisano S., Allison R., Schira M., Barry R. Future challenges for vection research: definitions, functional significance, measures and neural bases // *Frontiers Psychology*. 2015. Vol. 6. Is. 193. P. 1—15.

Previc F.H., Liotti M., Blakemore C. et al. Functional imaging of brain areas involved in the processing of coherent and incoherent wide field-of-view visual motion // *Experimental Brain Research*. 2003. Vol. 131. P. 393—405.

Reason J. Motion sickness adaptation: a neural mis-match model // *Journal of the Royal Society of Medicine*. 1978. Vol. 71(11). P. 819—829.

Seno T., Palmisano S., Hiroyuki I. Independent modulation of motion and vection aftereffects revealed by using coherent oscillation and random jitter in optic flow // *Vision Research*. 2011. Vol. 51. Is. 23—24. P. 2499—2508.

Van der Stee F. Self-motion perception: Ph.D. thesis. Delft University of Technology, 1998.

Wertheim A.H. Motion perception during self-motion — the direct versus inferential controversy revisited // *Behavioral and Brain Sciences*. 1994. Vol. 17. N 2. P. 293—311.

Поступила в редакцию 18.10.18

Принята к публикации 25.10.18

THE ROLE OF OPTOKINETIC NYSTAGMUS IN VECTION ILLUSION PERCEPTION

Galina Ya. Menshikova, Artem I. Kovalev

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract

Relevance. It is one of very important tasks of modern neuroscience to investigate the psychological and psychophysiological mechanisms of body orientation processes. Particularly due to the growth in use of visualization and simulation technologies (virtual reality, projection displays, aircraft simulators). The application of such systems is often associated with mismatch between different sensory signals. One of the phenomena resulting from this mismatch is the self-motion illusion — the perception of own movement by a motionless person observing a moving visual stimulus occupying a large part of field of view.

Objective. Investigation the role of optokinetic nystagmus in self-motion illusion. The virtual optokinetic drum rotating at 30, 45 and 60 deg/s was used as a stimulus. The drum was presented using CAVE virtual reality system. 17 healthy participants took part in the experiment. The slow phases of nystagmus during self-motion illusion perception were analyzed.

Results. The more the drum rotation speed, the more the illusion intensity and slow phases duration. Also the disturbances in slow phase realization led to increase the illusion intensity. The restoration of nystagmus reduced the illusion. Thus it was found that optokinetic nystagmus is a component of a human space orientation system and the nystagmus also adjusts the illusion perception. The effectiveness of application of CAVE virtual reality system in complicated cognitive processes investigation was proved.

Key words: visual perception, vection, virtual reality, eye movements, optokinetic nystagmus.

References

- Fernandez, C., Schmidt, R.M. (1962). Studies on habituation of vestibular reflexes. Effect of caloric stimulation in decorticated cats. *Annals of Otolaryngology & Rhinology*, 71, 2, 299—320.
- Fischer, M., Kornmüller, A. (1930). Optokinetisch ausgelöste Bewegungswahrnehmungen und optokinetischer Nystagmus. *Journal für Psychologie und Neurologie*, 41, 273—308.
- Goodale, M.A., Milner, A.D., Jakobson, L.S., Carey, D.P. (1991). A neurological dissociation between perceiving objects and grasping them. *Nature*, 349, 154—156.
- Kennedy, R., Lane, N., Kevin, S. et al. (1993). Simulator Sickness Questionnaire: An enhanced method for quantifying simulator sickness. *The International Journal of Aviation Psychology*, 4, 203—220.
- Kileny, P., Ryu, J.H., McCabe, B.F., Abbas, P.J. (1980). Neuronal habituation in the vestibular nuclei of the cat. *Acta oto-laryngologica*, 90(3—4), 175—183.

Kislyakov, V.A., Neverov, V.P. (1966). *Reakciya glazodvigatel'noj sistemy na dvizhenie ob'ektov v pole zreniya. Optokineticheskij nistagm* [The reaction of the oculomotor system to the movement of objects in sight. Optokinetic nystagmus]. Moscow: Nauka.

Kleinschmidt, A., Thilo, K., Buchel, C. et al. (2002). Neural correlates of visual-motion perception as object- or Self-motion. *NeuroImage*, 16, 873—882.

Kovalev, A.I., Men'shikova, G.Ya. (2015). Vekciya v virtual'nyh sredah: psihologicheskie i psihofiziologicheskie mekhanizmy formirovaniya. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 4, 91—104.

Kowler, E. (1990). The role of visual and cognitive processes in the control of eye movement. In E. Kowler (ed.) *Eye movements and their role in visual and cognitive processes* (pp. 1—69). Amsterdam: Elsevier.

Levashov, M.M. (1984). Nistagmometriya v ocenke sostoyaniya vestibulyarnoj funkcii. In: *Problemy kosmicheskoy biologii*, Vol. 50. Leningrad: Nauka.

Menshikova, G., Kovalev, A., Klimova, O. et al. (2014). Testing the vestibular function development in junior figure skaters using the eye tracking technique. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 146, 252—258.

Menshikova, G.Ya., Kovalev, A.I., Lunyakova, E.G. (2017). Vliyaniye rasovoj prinadlezhnosti lica na vyrazhennost' efekta vzglyada-podskazki: metod ajtrekinga. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2, 46—58.

Menshikova, G., Kovalev, A., Klimova, O., Chernorizov, A. (2015). Eye movements as indicator of vestibular dysfunction. *Perception*, 44(8—9), 1103—1110.

Mit'kin, A.A., Kozlova, E.V., Sergienko, E.A., Yamshchikov, A.I. (1978). Nekotorye voprosy rannego ontogeneza zritel'nyh sensomotornyh funkcij. In: *Dvizhenie glaz i zritel'noe vospriyatie* [Eye movement and visual perception] (pp. 5—72). Moscow: Nauka.

Palmisano, S., Allison, R., Schira, M., Barry, R. (2015). Future challenges for vection research: definitions, functional significance, measures and neural bases. *Frontiers Psychology*, 6, 193, 1—15.

Previc, F.H., Liotti, M., Blakemore, C. et al. (2003). Functional imaging of brain areas involved in the processing of coherent and incoherent wide field-of-view visual motion. *Experimental Brain Research*, 131, 393—405

Reason, J. (1978). Motion sickness adaptation: a neural mismatch model. *Journal of the Royal Society of Medicine*, 71(11), 819—829.

Romanov, V.Ya. (1973). Issledovanie svojstv zritel'nogo perceptivnogo processa metodom FOKN. In Yu.B. Gipperejter (ed.) *Issledovaniya zritel'noj deyatel'nosti cheloveka* [Studies of human visual activity] (pp. 42—69). M.: Izd-vo Mosk. un-ta.

Seno, T., Palmisano, S., Hiroyuki, I. (2011). Independent modulation of motion and vection aftereffects revealed by using coherent oscillation and random jitter in optic flow. *Vision Research*, 51(23—24), 2499—2508.

Van der Stee, F. (1998). *Self-motion perception: Ph.D. thesis*. Delft University of Technology.

Wertheim, A.H. (1994). Motion perception during self-motion - the direct versus inferential controversy revisited. *Behavioral and Brain Sciences*, 17, 2, 293—311.

К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛЕОНТЬЕВА (1903—1979)

УДК 159.9.018, 159.96
doi: 10.11621/vsp.2018.04.149

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНО- ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИК) (ОКОНЧАНИЕ)*

И. В. Соленов

Актуальность. В культурных и религиозных практиках широко распространены и функционально значимы феномены измененных состояний сознания (ИСС). Само признание факта их существования зачастую выступает основой критики «догматической» марксистской психологии. Недостаточная разработанность культурно-деятельностного подхода к изучению мистических и религиозных состояний сознания создает препятствия в теоретическом оснащении практической работы с субъектами таких ИСС, а также в создании условий для полноценного межконфессионального диалога.

Цель. Обоснование методологического потенциала культурно-деятельностного подхода к изучению ИСС (в том числе мистико-религиозных) и рассмотрение методических средств решения соответствующих исследовательских задач.

Методы. Методологический анализ проблемы ИСС в религиозных практиках с позиций культурно-деятельностного подхода.

Выводы. Понимание культурно обусловленных ИСС как функционального органа деятельности продолжает отечественную традицию

Соленов Игорь Владимирович — инженер 1-й категории кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail*: thesouldoctor@mail.ru

* Начало статьи см.: Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2018. № 3. С. 21—36. Нумерация подзаголовков продолжается.

изучения динамических системных образований и вносит вклад в представления о структуре, функции и генезе ИСС. Обосновано применение схем строения деятельности и сознания к выявлению состава средств, способов индукции и психологических механизмов ИСС. В качестве единиц анализа ИСС допустимо использование паттерна психических процессов, действия и более дробных единиц. Показана значимость продуктивных критериев наличия ИСС, обсуждены возможности методов исследования ИСС в религиозных практиках с учетом требований современного типа научной рациональности. Раскрыта процедура реконструкции феноменов ИСС в религиозных практиках, требования к ее применению и ее ограничения. Объяснительные возможности культурно-деятельностного подхода позволяют дать целостную и непротиворечивую интерпретацию психическим феноменам изменения состояния сознания.

Ключевые слова: измененные состояния сознания (ИСС), мистико-религиозные ИСС, культурно-деятельностный подход, функциональный орган деятельности, единицы анализа ИСС, методы исследования ИСС.

4. Реконструкция мистико-религиозных ИСС (окончание)

Процедура реконструкции мистико-религиозных ИСС, осуществляемая с позиций культурно-деятельностного подхода, будет иметь ряд особенностей. Прежде всего это функционально-генетическая реконструкция, представляющая полную картину генеза психического как функции деятельности, как активного, направленного и саморегулирующегося отражения (в этом смысле она будет также системной). Данная процедура будет также отличаться идеализирующим и обобщающим характером, а результатом реконструкции будет идеальная модель мистико-религиозного состояния сознания в той или иной культурной практике. Построение указанной модели основывается на прообразах подобных состояний, к каким бы временным периодам они ни относились. Научно-психологическая идеализация религиозной практики не совпадает с идеализацией, осуществляемой самими субъектами последней (например, монахами, богословами и т.д.), что ставит отдельную задачу экспликации и прояснения различий между ними. Так как реконструкция включает звено интерпретации и не отталкивается всякий раз заново от феноменального поля, а подходит к нему с уже определенными инструментами анализа, следует охарактеризовать эту процедуру как интерпретативную. Ориентированность реконструкции на сопоставление различных видов мистико-религиозных ИСС, направленность на поиск специфицирующих и объединяющих признаков позволяет назвать ее сравнительной.

Анализ источников с целью выявления интересующей нас феноменологии реализуется исходя из структуры интервью, разработанного О.В. Гордеевой (2015) на основе неформального опросника А. Дейкмана (Deikman, 1963), являющегося, по сути, разновидностью методов ретроспективного самоотчета.

Рассматривая вариации методов самоотчета в психологии ИСС и специфического (так называемого «аномального») опыта, Э. Карденья и Р. Пекала (Cardena, Pekala, 2014) выделяют две большие группы методов по критерию приближенности процедур сбора и анализа данных к временному интервалу переживания субъекта. Первую группу составляют методы сопутствующего (одновременного) самоотчета: метод мышления вслух, метод записи события, метод выборки переживаний или мыслей и метод оценки глубины состояния (последний применяется при изучении гипнотических состояний). Преимущество данных методов авторы видят в значительно меньшем, чем в случае методов ретроспективного самоотчета, влиянии ограничений памяти на воспроизведение переживаний. При этом сама процедура самоотчета может оказывать воздействие на переживание. Во вторую группу входят методы ретроспективного самоотчета: анализ дневников, интервью (индирективное, полуструктурированное, структурированное), контент-анализ, опросы, психологические тесты и опросники, исследование индивидуально-го случая и жизненных историй. К сильным сторонам этих методов относятся возможность оценки интерпретации переживания, которую дает его субъект, и отсутствие влияния процедуры самоотчета на переживание. Однако при использовании подобных самоотчетов возникает проблема ограничений припоминания (забывания, искажения, конфабуляции и т.д.). Интеграция различных методов позволяет преодолеть ограничения отдельных техник (Ibid.).

Рассмотрим процедуру эмпирической реконструкции феномена ИСС, используемую в работах О.В. Гордеевой (Гордеева, 2015; Гордеева, Четверткова, 2007).

1. На начальном этапе осуществляется сбор первичных данных о феномене ИСС и строится его теоретическая модель. В случае если анализируемый феномен уже в значительной степени проработан, те же процедуры осуществляются в обратном порядке. В классификационную схему («сетку») изучаемого состояния входят различные параметры (изменения мышления, восприятия, речи, образности и т.д.). В ней отражены все ключевые сферы психического, доступные рефлексии испытуемого (когнитивная, мотивационная, ценностно-смысловая сферы и сфера самосознания). На этом же этапе формулируются гипотезы исследования, определяются его

цели и задачи, принимается решение о плане исследования. Далее применяются те или иные методы сбора и анализа данных (преимущественно методы самоотчета).

2. Данные самонаблюдения фиксируются преимущественно вербальными средствами и, например, в случае неструктурированного интервью или беседы содержат относительно свободное описание опыта. Однако даже если рассказ респондента первоначально не организуется внешним образом, метод предлагает дальнейшую экспликацию феноменов ИСС с помощью структурированного «сеткой» интервью. Классификационная схема как рабочий инструмент позволяет категоризировать рефлексивные данные, результатом чего становится индивидуальное «досье» состояния испытуемого. Классификация феноменов должна содержать звено сопоставления экспертных оценок высказываний как относящихся к той или иной категории изменений.

3. При совпадении оценок рефлексивных данных последние могут быть затем объединены для составления обобщенного феноменологического портрета («паттерна») изучаемого состояния. Указанный «паттерн» подвергается анализу с учетом плана исследования и стоящих перед исследователем задач.

4. На последнем этапе принимается решение о судьбе исследовательских гипотез, оформляются выводы исследования и предлагаются дальнейшие исследовательские перспективы.

Логическая классификационная схема, накладываемая на реальность свидетельств пережитого (в том числе историческую), разумеется, не претендует на всеохватность, на учет всех без исключения сторон состояния. Набор категорий феноменов ИСС имеет условный характер: для составления «портрета» (идеального типа) определенного вида ИСС мы можем как добавлять, так и убирать категории, если они существенны, обусловлены религиозным образом мира и деятельностью (в пользу их существенности говорит также анализ совпадений описаний феноменов, например в литературе, относящейся к одной религиозной традиции).

Сами по себе перечни субъективно отражаемых изменений позволяют специфицировать различные виды ИСС, при этом само возникновение тех или иных феноменов можно объяснить только с опорой на структуру деятельности (например, видение беспредметных образов в религиозной практике исихазма. См.: Соленов, Гордеева, 2015). Сбор эмпирических свидетельств о переживаемых ИСС подразумевает и экспликацию смыслов как показателей динамики ценностно-смысловой сферы. Такие «статические» психические образования, как ретроспективно отраженные смыслы за-

ключают в себе возможность воссоздания динамического процесса смыслообразования.

Обратимся теперь к возможным затруднениям в исследовательской практике, возникающим в связи со спецификой используемых методов. Как метод психолого-исторической реконструкции, так и метод самоотчета имеют ограничения, которые зачастую совпадают или имеют общее происхождение.

Прежде всего среди них отметим использование рефлексивных данных (данных самонаблюдения) респондента как субъекта ИСС. Степень несовпадения переживания и знания здесь — ключевой момент: должны быть сформированы процессы обратной связи, вовлеченные в процесс рефлексивной деятельности, которая предполагается методом самоотчета (Гордеева, 2012). Э. Карденья и Р. Пекала отмечают следующие ограничения использования вербальных самоотчетов: 1) забывание; 2) ошибки реконструкции и конфабуляция; 3) затруднения в вербальном описании; 4) искажения, возникшие в ходе наблюдения, и подмена наблюдения выводами из него; 5) цензура; 6) недостаток независимых подтверждений; 7) сокрытие мотивов и социальная желательность; 8) характеристики запроса и влияние исследователя; 9) дезинформация вследствие неадекватной системы измерения; 10) недоступность переживаний субъекту из-за процессов памяти, связанных с состоянием (*state-specific memory*) (Cardeña, Pekala, 2014).

Возникающая здесь проблема объективации как перехода от непосредственного восприятия к опосредствованному речью отражению изменений собственной психики не нова. Осознается, как правило, то, что нужно для осуществления цели (сейчас мы не рассматриваем феномены избыточной осознанности), но в деятельности есть и неосознаваемые уровни (мотивы и операции). За рамками вербального выражения изменений в психике остается также то, для фиксации чего у субъекта отсутствуют понятийные средства и способы анализа, и что существует только на уровне неявного знания. Однако использование вербального материала необходимо для получения данных о значимых для осуществления деятельности характеристиках изменения сознания субъекта в мистико-религиозных практиках.

Здесь же встает проблема использования общекультурных текстов как источника рефлексивных данных. Религиозный текст не может быть рассмотрен исключительно как особая форма самоотчета, однако в нем, несомненно, присутствует материал, отвечающий предмету исследования при изучении психологических механизмов ИСС. Существует ряд методологических требований,

предъявляемых к источникам: они должны быть как можно менее теоретичными, содержать минимум допущений и относиться к реальному переживанию, или опыту, человека (Улановский, 2012). При анализе текста эксплицируются феномены, соответствующие не только имевшему когда-либо место ИСС, но и тем смысловым трансформациям, что сопровождали его или являлись отсроченными по отношению к нему, которые, будучи запечатленными, включают само состояние как объективный момент, вошедший в личную историю человека. Таким образом, мы предполагаем, что динамика смыслов (возникновение функциональных новообразований) является одним из результатов КИИСС как направленного изменения функционального органа деятельности, и необходимость экспликации из текста смыслов состояний также возникает в исследовании.

Конечно, сам словесный отчет о некотором переживании (запечатление опыта) есть уже субъективная реконструкция его в процессе объективации: от непосредственного восприятия (репрезентации) к фиксации в письменной речи (что также подразумевает означивание, осмысление, обобщение опыта) и затем только к исследовательской реконструкции и интерпретации. В этом многоступенчатом процессе содержание может измениться: 1) на этапе восприятия; 2) на этапе объективации; 3) на этапе запечатления в письменной форме; 4) на этапе реконструкции. Однако «смысловая дистанция» между подразумеваемыми автором источника и реконструируемыми исследователем смыслами религиозной практики, как правило, всегда поддается сокращению. В самой религиозной традиции постоянно проводится работа по экспликации соответствующих смыслов, она составляет значительную долю богословских работ.

Здесь также могут возникнуть проблемы интерпретирования, приписывания устаревшим научным терминам (например, из этнографических работ конца XIX в.) или религиозным/житейским понятиям (как правило, имеющим значительную историю) современного научного содержания (формы вненаучного знания как бы включаются в систему современных представлений), в связи с чем возрастает ответственность исследователя в их интерпретации и появляется особая задача уточнения понятий. Разные цели создания текста (например, миссионерская или наставническая) могут по-разному влиять на способы выражения опыта. Именно поэтому важным звеном исследования является «критика источника», включающая помимо прочего и экспликацию целей создания текста как часть реконструкции образующих деятельности субъекта ИСС.

Проблема произвольности в интерпретациях может быть отчасти снята за счет методологических коррекций, поставляемых теоретической реконструкцией изучаемого состояния как функционального органа деятельности. Религиозную практику можно рассматривать как социальный институт обучения регуляции ИСС, опирающуюся в том числе на исторически выработанные, показавшие себя эффективными рекомендации религиозных учителей. Значительный объем религиозной литературы посвящен формированию мотивационной основы религиозной деятельности, изложению тех или иных аспектов религиозного образа мира и концепции нравственного совершенствования, а также описанию конкретных техник индукции и поддержания ИСС. Иными словами, религиозная деятельность по формированию навыков работы с ИСС есть обязательно педагогическая деятельность, к анализу аспектов которой применимы теоретические и методологические принципы культурно-деятельностного подхода.

Исследование, проводимое с позиций культурно-деятельностной психологии, нельзя, однако, охарактеризовать через один из полюсов дихотомий «объяснение/описание» или «количественное/качественное». Работа с данными самонаблюдения в той или иной форме не замыкается на них самих, а подразумевает также экспликацию образующих деятельности субъекта ИСС, вне которой рассмотрение таких данных будет входить уже в исследовательскую практику другой отрасли знания (культурологии, религиоведения и т.д.). Несмотря на то что мы отделены от испытуемых неким социокультурным контекстом, наша первичная задача — поиск общего и универсального во внутрикультурном феноменальном составе ИСС, обусловленности его деятельностью, а не детализация феноменальных различий, проявляющая те или иные частные случаи. Заключение здесь идет от культурного, социального к личностному, индивидуальному.

Выводы

1. Понимание культурно обусловленного ИСС как функционального органа (функциональной системы) деятельности следует отечественной традиции изучения формирования системно организованных психических способностей и вносит вклад в развитие представлений о функциях, условиях развития и структуре ИСС.

2. Методологически оправданно движение от анализа «высших», социальных по происхождению ИСС к анализу «низших», «натуральных» ИСС и использование разработанных в культурно-

деятельностном подходе схем строения деятельности и сознания для выявления состава средств и способов индукции ИСС, а также обуславливающих совокупность его феноменов психологических механизмов. Применительно к анализу феноменов ИСС с позиций общепсихологической теории деятельности допустимо использование в качестве единиц анализа паттерна психических процессов, действия и более дробных единиц, соответствующих «образующим» сознания и уровням построения деятельности.

3. Операциональное определение ИСС, вводящее субъективный и объективный критерии наличия ИСС, должно быть дополнено продуктивным критерием. Намеренное формирование КИИСС религиозного типа не отвечает этическим принципам, характеризующим современный этап развития научной рациональности, поэтому требуется поиск и «реабилитация» методов, эпистемический потенциал которых ранее был признан ограниченным (таких, как метод самоотчета).

4. Осуществление теоретической реконструкции феноменов мистико-религиозных ИСС может быть проведено с опорой на исторические источники, однако только учет деятельности как сущности феномена дает ключ к собственно психологическому его пониманию. Сбор и интерпретация соответствующих данных на основе расширенного варианта структурированного интервью А. Дейкмана позволяет осуществить эмпирическую реконструкцию КИИСС, фундамирующую эксплицированным материалом идеальную модель состояния. Проблемы, возникающие при психолого-исторической реконструкции и при использовании рефлексивных данных, ставят перед исследователем ряд конкретных задач и предъявляют значительные требования к организации исследования.

Заключение

У читателя может возникнуть впечатление, что наша работа «кентаврична». Ведь она опирается онтологически на основания методологического монизма, на общепсихологическую теорию деятельности, а привлекает методы, очень сходные с интроспекционистскими, феноменологическими, герменевтическими эпистемическими практиками. Выше мы отмечали, что используем все доступные критерии наличия ИСС, отдавая предпочтение продуктивному критерию, и связанные с ними типы данных (единицы анализа). Метод, которым мы пользуемся, является разновидностью метода самоотчета (а не интроспекции), что отражено и в типе извлекаемых данных, равно как и в наших теоретических интерпретациях.

Специально подчеркнем: мы не претендуем на решение вопроса об онтологическом статусе религиозных представлений, что отвечает этическим принципам корректности и уважения к человеку как субъекту религиозной антропологии и представителю культурной традиции. С нашей точки зрения, однако, исследователь, занимающийся мистико-религиозными ИСС, должен разделять идеалы научного познания и внеконфессиональности научной деятельности.

Как предмет исследования ИСС представляют значительный интерес для антропологов, историков, философов, психологов, нейрофизиологов и т.д. Психолог, занимающийся ИСС, не может не использовать в работе данные, очевидным образом относящиеся к интересующей его феноменологии и накопленные в смежных отраслях социогуманитарных наук. Эмпирические и теоретические исследования в этой области служат обогащению психологического исследования как такового и создают благоприятные условия для междисциплинарного диалога и совместной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968.

Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.

Бернштейн Н.А. Современные искания в физиологии нервного процесса. М.: Смысл, 2003.

Выготский Л.С. Лекции по педологии. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2001.

Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2006.

Гордеева О.В. Измененные состояния сознания при сенсорной депривации (сообщение 1) // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2004. № 1. С. 70—87.

Гордеева О.В. Значение принципа предметности для понимания природы и механизмов измененных состояний сознания // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 2 / Общ. ред. Б.С. Братусь, Е.Е. Соколова. М.: Смысл, 2006. С. 125—143.

Гордеева О.В. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского как методологическая основа изучения измененных состояний сознания (ИСС) // Измененные состояния сознания и культура: Хрестоматия / Под ред. О.В. Гордеевой. СПб.: Питер, 2009. С. 62—78.

Гордеева О.В. Специфика околосмертного опыта у представителей западной и индийской культур: сопоставительный анализ // Вопросы психологии. 2011. № 3. С. 121—131.

Гордеева О.В. Проблема субъективного и объективного методов в психологии измененных состояний сознания // Экспериментальный метод в структуре психологического знания / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 358—362.

Гордеева О.В. Механизмы перехода от обычного к измененному состоянию сознания в свете представлений А.Н. Леонтьева о структуре сознания (на материале изучения феноменов аналитической интроспекции) // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2015. № 1. С. 4—19.

Гордеева О.В., Четверткова Е.В. Теория деятельности А.Н. Леонтьева как основа изучения измененных состояний сознания (анализ феномена зависимости характеристик вдохновения от вида творческой деятельности) // Культурно-историческая психология. 2007. № 2. С. 75—82.

Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М.: ИП РАН, 2008.

Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Леонова А.Б. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2007. № 1. С. 87—103.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2003.

Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.

Людвиг А.М. Измененные состояния сознания // Измененные состояния сознания: Природа, механизмы, функции, характеристики: Хрестоматия / Авт.-сост. О.В. Гордеева. М.: Когито-Центр, 2012. С. 36—50.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Психосемантика измененных состояний сознания // Измененные состояния сознания: Природа, механизмы, функции, характеристики: Хрестоматия / Авт.-сост. О.В. Гордеева. М.: Когито-Центр, 2012. С. 180—190.

Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

Соколова Е.Е. К проблеме методологии построения общепсихологической теории в школе А.Н. Леонтьева // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 4. С. 85—96.

Соколова Е.Е. Есть ли будущее у теории деятельности? // Вопросы психологии. 2011. № 4. С. 129—140.

Соколова Е.Е. Чтобы быть психологом, нельзя не быть философом, или Почему имеет смысл спорить о понятиях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2016. № 1. С. 25—41.

Соленов И.В. Экстатические измененные состояния сознания в религиозной практике шаманизма // Вопросы психологии. 2012. № 6. С. 45—55.

Соленов И.В., Гордеева О.В. Мистико-религиозные состояния сознания в исихазме: влияние на их характеристики целей и техник религиозной практики // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2015. № 3. С. 74—92.

Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / Авт.: В.И. Аршинова и др.; отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: ИД «Миръ», 2009. С. 249—295.

Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012.

Ухтомский А.А. Избранные труды. Л.: Наука, 1978.

Batson C.D. Experimentation in psychology of religion: An impossible dream // Journal for the Scientific Study of Religion. 1977. Vol. 16. N 4. P. 413—418.

Boccia M., Piccardi L., Guariglia P. The Meditative mind: A Comprehensive metaanalysis of MRI studies // BioMed Research International. 2015. Vol. 2015. Article ID 419808. P. 1—11. URL: <http://dx.doi.org/10.1155/2015/419808>

Cardeña E., Pekala R. Researching states of consciousness and anomalous experiences // Varieties of anomalous experience: Examining the scientific evidence / Ed. by E. Cardeña, S.J. Lynn, S. Krippner. 2nd ed. Washington: APA, 2014. P. 21—56.

Deikman A.J. Experimental meditation // Journal of Nervous and Mental Disorders. 1963. Vol. 136. P. 329—343.

Kokoszka A. States of consciousness models for psychology and psychotherapy. N.Y.: Springer Science & Business Media, LLC, 2007.

Malony H.N. Analogue measures of religion: Experimental psychology of religion revisited // The Irish Journal of Psychology. 1992. Vol. 13. N 3. P. 316—326.

Nielsen R.A. Ethics for experimental manipulation of religion // Ethics and experiments: Problems and solutions for social scientists and policy professionals / Ed. by S. Desposato. N.Y.: Routledge, 2016. P. 42—65.

States of consciousness: Experimental insights into meditation, waking, sleep and dreams / Ed. by D. Cvetkovic, I. Cosic. Berlin-Heidelberg: Springer-Verlag, 2011.

Vaitl D., Birbaumer N., Gruzelier J. et al. Psychobiology of altered states of consciousness // Psychology of consciousness: Theory, research, and practice. 2013. Vol. 1 (S). P. 2—47.

Поступила в редакцию 25.06.18
Принята к публикации 02.07.18

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF CULTURAL-ACTIVITY APPROACH IN THE STUDY OF ALTERED STATES OF CONSCIOUSNESS (ON THE BASIS OF RELIGIOUS PRACTICES)

Igor V. Solenov

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract

Relevance. The altered states of consciousness (ASC) phenomena are widespread and have functional significance in the cultural and religious practices. The recognition of the fact that these states exist has become itself the basis of criticism of the «dogmatic» Marxist psychology. The lack of cultural-activity approach in the study of mystical and religious altered states hinders the theoretical equipment of practical work with subjects of these ASC and the making of conditions of interfaith dialogue of full value.

Objective. To examine the methodological potential of cultural-activity approach in the study of altered states of consciousness (including mystical/religious ASC's) and to consider the methodical means in the solution of corresponding research tasks.

Methods. The methodological analysis of the problem of ASC in religious practices from the cultural-activity approach positions.

Conclusions. The comprehension of culturally predetermined ASC as functional organs of activity derives from Soviet tradition of dynamic systemic formations research and contributes to the notions of structure, function and development of ASC. An application of structural schemas of activity and consciousness to reveal the constitution of means, induction methods and psychological mechanisms of the ASC is justified. Author considers the capabilities of using pattern of psychical processes, action and more fractional units in the ASC analysis. The significance of productive criteria for ASC presence is pointed out, and the capabilities of religious ASC research methods are discussed in appliance with the principles of modern type of scientific rationality. Author analyses specific methods allowing to reconstruct the ASC phenomena in religious practices, their requirements and restrictions. Explanatory possibilities of cultural-activity approach allow to give a holistic and consistent interpretation to the psychical phenomena of the alteration of the state of consciousness.

Key words: altered states of consciousness (ASC), mystical and religious ASC, cultural-activity approach, functional organ of activity, units of analysis of ASC, research methods of ASC.

References

Anohin, P.K. (1968). *Biologiya i nejrofiziologiya uslovnogo refleksa* [Biology and neurophysiology of the conditioned reflex]. Moscow: Medicina.

Anohin, P.K. (1978). *Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funkcional'noj sistemy* [Selected works. Philosophical aspects of the theory of a functional system]. Moscow: Nauka.

Batson, C.D. (1977). Experimentation in psychology of religion: An impossible dream. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 16, 4, 413—418. doi.org/10.2307/1386228

Bernshtejn, N.A. (2003). *Sovremennye iskaniya v fiziologii nervnogo processa* [Modern quest in the physiology of the nervous process]. Moscow: Smysl.

Boccia, M., Piccardi, L., Guariglia, P. (2015). The Meditative mind: A Comprehensive metaanalysis of MRI studies. *BioMed Research International*, ID 419808, 1—11. URL: <http://dx.doi.org/10.1155/2015/419808>

Cardeña, E., Pekala, R. (2014). Researching states of consciousness and anomalous experiences. In E. Cardeña, S.J. Lynn, S. Krippner (eds.) *Varieties of anomalous experience: Examining the scientific evidence* (pp. 21—56). Washington: APA, 2014. doi.org/10.2307/1386228

Cvetkovic, D., Cosic, I. (2011, eds.). *States of consciousness: Experimental insights into meditation, waking, sleep and dreams*. Berlin-Heidelberg: Springer-Verlag. doi.org/10.1007/978-3-642-18047-7

Deikman, A.J. (1963). Experimental meditation. *Journal of Nervous and Mental Disorders*, 136, 329—343. doi.org/10.1097/00005053-196304000-00002

Gordeeva, O.V. (2004). *Izmenennye sostoyaniya soznaniya pri sensornoj deprivacii (soobshchenie 1)*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1, 70—87.

Gordeeva, O.V. (2006). *Znachenie principa predmetnosti dlya ponimaniya prirody i mekhanizmov izmenennykh sostoyanij soznaniya*. In B.S. Bratus', E.E. Sokolova (eds.) *Uchenye zapiski kafedry obshchej psihologii MGU. Vyp. 2* [Scientific notes of the Department of General Psychology of Moscow State University. Is. 2] (pp. 125—143). Moscow: Smysl.

Gordeeva, O.V. (2009). *Kul'turno-istoricheskaya teoriya L.S. Vygotskogo kak metodologicheskaya osnova izucheniya izmenennykh sostoyanij soznaniya (ISS)*. In O.V. Gordeeva (eds.) *Izmenennye sostoyaniya soznaniya i kul'tura: Hrestomatiya* [Changed states of consciousness and culture: Reader] (pp. 62—78). St. Petersburg: Piter.

Gordeeva, O.V. (2011). *Specifika okolosmertnogo opyta u predstavitelej zapadnoj i indijskoj kul'tur: sopostavitel'nyj analiz*. *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 3, 121—131.

Gordeeva, O.V. (2012). *Problema sub»ektivnogo i ob»ektivnogo metodov v psihologii izmenennykh sostoyanij soznaniya*. In V.A. Barabanshchikov (ed.) *Eksperimental'nyj metod v strukture psihologicheskogo znaniya* (pp. 358—362). Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN».

Gordeeva, O.V. (2015). *Mekhanizmy perekhoda ot obychnogo k izmenennomu sostoyaniyu soznaniya v svete predstavlenij A.N. Leont'eva o strukture soznaniya (na*

materiale izucheniya fenomenov analiticheskoy introspekcii). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1, 4—19.

Gordeeva, O.V., Chetvertkova, E.V. (2007). Teoriya deyatelnosti A.N. Leont'eva kak osnova izucheniya izmenennyh sostoyanij soznaniya (analiz fenomena zavisimosti karakteristik vdohnoveniya ot vida tvorcheskoy deyatelnosti). *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 2, 75—82.

Kokoszka, A. (2007). *States of consciousness models for psychology and psychotherapy*. N.Y.: Springer Science & Business Media, LLC.

Koļcova, V.A. (2008). *Istoriya psihologii: Problemy metodologii* [History of Psychology: Problems of Methodology]. Moscow: IP RAN.

Leonova, A.B. (1984). Psihodiagnostika funkcional'nyh sostoyanij cheloveka [Psychodiagnosis of human functional states]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Leonova, A.B. (2007). Strukturno-integrativnyj podhod k analizu funkcional'nyh sostoyanij cheloveka. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1, 87—103.

Leontiev, A.A., Leontiev, D.A., Sokolova, E.E. (2005). *Aleksej Nikolaevich Leontiev: deyatelnost', soznanie, lichnost'*. Moscow: Smysl.

Leontiev, A.N. (1983). *Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya: V 2 t.* [Selected psychological works: In 2 v.] Moscow: Pedagogika.

Leontiev, A.N. (1994). *Filosofiya psihologii: Iz nauchnogo naslediya* [Philosophy of psychology: From the scientific heritage] / Eds. A.A. Leontiev, D.A. Leontiev. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Leontiev, A.N. (2003). *Stanovlenie psihologii deyatelnosti: Rannie raboty* [Becoming a psychology of activity: Early work] / Eds. A.A. Leontiev, D.A. Leontiev, E.E. Sokolova. Moscow: Smysl.

Leontiev, D.A. (1999). *Psihologiya smysla* [Psychology of meaning]. Moscow: Smysl.

Lyudvig, A.M. (2012). Izmenennye sostoyaniya soznaniya. In O.V. Gordeeva (author-compiler) *Izmenennye sostoyaniya soznaniya: Priroda, mekhanizmy, funkcii, harakteristiki: Hrestomatiya* [Changed states of consciousness: Nature, mechanisms, functions, characteristics: Reader] (pp. 36—50). Moscow: Kogito-Centr.

Malony, H.N. (1992). Analogue measures of religion: Experimental psychology of religion revisited. *The Irish Journal of Psychology*, 13, 3, 316—326. doi.org/10.1080/03033910.1992.10557891

Nielsen, R.A. (2016). Ethics for experimental manipulation of religion. In S. Desposato (ed.) *Ethics and experiments: Problems and solutions for social scientists and policy professionals* (pp. 42—65). N.Y.: Routledge.

Petrenko, V.F., Kucherenko, V.V. (2012). Psihosemantika izmenennyh sostoyanij soznaniya. In O.V. Gordeeva (author-compiler) *Izmenennye sostoyaniya soznaniya: Priroda, mekhanizmy, funkcii, harakteristiki: Hrestomatiya* [Changed states of consciousness: Nature, mechanisms, functions, characteristics: Reader] (pp. 180—190). Moscow: Kogito-Centr, 2012.

Smirnov, S.D. (1985). *Psihologiya obraza: problema aktivnosti psihicheskogo otrazheniya* [The psychology of the image: the problem of the activity of mental reflection]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Sokolova, E.E. (2007). K probleme metodologii postroeniya obshchepsihologicheskoy teorii v shkole A.N. Leontieva. *Metodologiya i istoriya psihologii* [Methodology and history of psychology], 2, 4, 85—96.

Sokolova, E.E. (2011). Est' li budushchee u teorii deyatelnosti? *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 4, 129—140.

Sokolova, E.E. (2016). Chtoby byt' psihologom, nel'zya ne byt' filosofom, ili Pochemu imeet smysl sporit' o ponyatiyah. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1, 25—41.

Solenov, I.V. (2012). Ekstatcheskie izmenennye sostoyaniya soznaniya v religioznoj praktike shamanizma. *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 6, 45—55.

Solenov, I.V., Gordeeva, O.V. (2015). Mistiko-religioznye sostoyaniya soznaniya v isihazme: vliyaniye na ih harakteristiki celej i tekhnik religioznoj praktiki. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 3, 74—92.

Stepin, V.S. (2009). Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya. In L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin (eds.) *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Postnonclassics: Philosophy, Science, Culture] (pp. 249—295). St. Petersburg: ID «Mir».

Uhtomskij, A.A. (1978). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Leningrad: Nauka.

Ulanovskij, A.M. (2012). *Fenomenologicheskaya psihologiya: kachestvennyye issledovaniya i rabota s perezhivaniem* [Phenomenological psychology: qualitative research and work with experience]. Moscow: Smysl.

Vaitl, D., Birbaumer, N., Gruzelier, J., et al. (2013). Psychobiology of altered states of consciousness. *Psychology of Consciousness: Theory, Research, and Practice*, 1(S), 2—47. doi.org/10.1037/2326-5523.1.S.2

Vygotskij, L.S. (2001). *Lekcii po pedologii* [Lectures on pedology]. Izhevsk: ID «Udmurtskij universitet».

Vygotskij, L.S. (2006). *Psihologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of Human Development]. Moscow: Smysl; Eksmo.

Original manuscript received June 25, 2018

Revised manuscript accepted July 02, 2018

ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.942, 159.942.24
doi: 10.11621/vsp.2018.04.164

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЭМОЦИЙ В ЗАПАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ: СКОЛЬКО «ЖИВЕТ» РАДОСТЬ?

О. В. Гордеева

Актуальность. Знания о динамике эмоциональных процессов имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Они нужны для оказания психологической помощи в связи с проблемой поддержания отношений, для обучения навыкам саморегуляции, развития эмоционального интеллекта, выявления социальных манипуляций, а также для диагностики ряда аффективных расстройств (в том числе депрессии), распространенность которых в последнее время стремительно растет.

Цель. Рассмотрение масштабных (по количеству экспериментов, испытуемых и широте изучаемых факторов) исследований группы Ф. Вердейна (Verduyn), проведенных в университете г. Лёвена (Бельгия) и Маастрихтском университете (Нидерланды). Работы посвящены изучению продолжительности субъективного переживания эмоций разного типа.

Методы. Обзор и анализ теоретических оснований, методов и результатов исследований, касающихся как продолжительности эмоций, так и определяющих ее факторов.

Результаты. Осуществлена интеграция данных об абсолютной и относительной продолжительности эмоций различных видов, а также о влиянии на нее таких факторов, как интенсивность эмоциональной реакции вначале; общая интенсивность эмоции; характер ее протекания; когнитивные оценки; стратегии регуляции эмоции; характер эмоции; наличие общения по поводу эмоции; когнитивные процессы, обрабатывающие информацию об эмоциогенном событии (внимание, представление, мыш-

Гордеева Ольга Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* olagordeeva@mail.ru

ление), и результаты этих процессов (определенное содержание мыслей). Выявлены возможности и ограничения основных методов, используемых для изучения динамики эмоций.

Выводы. Необходимо продолжить исследование динамики эмоций на материале других возрастных, профессиональных, культурных групп. Кроме того, перспективным направлением является изучение динамики других компонентов (а не только субъективного переживания) эмоций, например экспрессивных, физиологических, поведенческих реакций.

Ключевые слова: ситуативные эмоции, динамика эмоций, продолжительность эмоций, социальный обмен, интенсивность эмоций, регуляция эмоций, субъективное переживание.

Введение

Недавно меня как представителя психологической науки спросили, сколько обычно делятся разные эмоции — радость, гнев, обида? Вопрос, заданный непсихологом, сразу же рождает у специалиста искушение объявить вопрос некорректным, т.е. неверно поставленным. В самом деле, каждый профессиональный психолог ответит, что любая эмоция имеет двойную детерминацию — событийную (эмоциогенное событие/объект) и внутреннюю (мотивы, на основании которых происходит оценка события). А поскольку мы не можем контролировать событийные детерминанты, постольку зависящая, в частности, от них продолжительность «жизни» эмоции не может быть нами предсказана.

На это собеседник ответил, что рост человека также весьма вариативен, но мы же можем определить и крайние, и средние его значения для разных выборов (без этого невозможно создавать одежду, дома, машины и т.д.). Тут есть над чем задуматься представителям научной психологии! Ведь так называемые житейские психологи могут рассчитать в уме, когда примерно разгневанный начальник или обиженная подруга «остынут» и к ним можно будет безбоязненно приблизиться. Он учтет и «масштаб» (значимость для данного человека) эмоциогенного события, и мотивы переживающего, и особенности его эмоциональной динамики. И даже для незнакомого человека такой расчет можно осуществить на основе имплицитной модели эмоций, т.е. существующего у каждого (не всегда осознанно) представления, сколько злится или обижается среднестатистический индивидуум.

Действительно, эмоция — это не кратковременная вспышка, а развивающийся во времени процесс. Проблема динамики эмоций, т.е. их развития, изменения во времени, хотя и была поставлена еще

в трудах Б. Спинозы и В. Вундта, эмпирически не изучалась до конца XX в., когда в западной психологии (в частности, благодаря новым технологиям коммуникации) началась ее интенсивная разработка.

Динамика эмоции включает такие аспекты, как 1) продолжительность эмоции (именно этот аспект рассматривается в нашей работе); 2) изменение во времени ее интенсивности; 3) изменение во времени ее вида, т.е. качества (например, превращение вины в злость, удивления — в страх и т.п.). Исследования продолжительности эмоций и определяющих ее факторов стремительно развиваются в последние 20 лет. Наиболее масштабные (по количеству экспериментов и испытуемых, широте изучаемых факторов) из них проведены рабочей группой Филиппа Вердейна (Verduyn) в университете г. Лёвена (Бельгия) и продолжают в Маастрихтском университете (Нидерланды).

Факторы (предикторы), определяющие вариации эмоций по длительности, Ф. Вердейн с коллегами обобщили в три группы: 1) «черты-предикторы» — индивидуальные особенности человека (характерные черты его эмоциональной сферы); 2) «предикторы эпизодов» — факторы, которые стабильны в рамках одного эмоционального эпизода (термин обозначает эмоцию вместе с вызвавшим ее событием), но могут варьироваться в разных эпизодах (например, важность события); 3) «предикторы момента» — факторы, которые могут варьироваться в пределах одного эпизода (например, периодическое появление эмоциогенного объекта или мыслей о нем) (Verduyn et al., 2009; Verduyn et al., 2011). В данной статье нами будут рассмотрены работы, посвященные изучению факторов, относящихся к группам 2 и 3.

Продолжительность эмоции может изменяться по ряду параметров, т.е. возможны ее вариации (1) внутри эмоции определенного вида (например, человек может злиться как в течение пары секунд, так и в течение всего дня), (2) между эмоциями разного вида (например, удивление, как правило, проходит быстрее, чем печаль), (3) между людьми (например, одни долго переживают горечь личной утраты, а другие «восстанавливаются» быстрее). В данной работе будут рассмотрены исследования вариаций по длительности внутри эмоции и между эмоциями.

1. Описание исследований

Во всех рассматриваемых далее исследованиях использовалась разработанная К. Шерером (Scherer, 1984, 2009) и Н. Фрайдой (Frijda, 2007) модель эмоции как сложной структуры, включающей в себя

следующие компоненты: субъективное переживание; экспрессивные и поведенческие реакции; когнитивные оценки (что именно произошло, каковы причины и последствия этой ситуации, насколько она была неожиданной и т.п.¹); физиологические и нейрофизиологические реакции; побуждение к определенному действию; регуляция эмоций². Но при этом изучалась длительность лишь одного из перечисленных компонентов — субъективного переживания, определяемого как «субъективно чувствуемый компонент эмоций» (Verduyn et al., 2009).

Во всех исследованиях Ф. Вердейна изучались *ситуативные эмоции* (в терминологии отечественной психологии; сам он использует термин «эмоция»). Чтобы не происходило смешения эмоций с настроениями, участников просили сообщать только о тех эмоциональных эпизодах, которые были явно вызваны конкретными внутренними или внешними событиями. Респонденты сами оценивали длительность эмоции, т.е. оценивали временной интервал между ее началом (появлением переживания в ответ на эмоциогенное событие) и концом.

В исследованиях группы Вердейна использовались следующие методы.

(1) *Метод выборки переживаний* (*experience sampling method*), разработанный М. Чиксентмихайи и Р. Ларсен (Csikszentmihalyi, Larsen, 1987). Он позволяет получать репрезентативные и случайно выбранные отчеты об эмоциях в момент их переживания.

Один из вариантов этого метода — выборка переживаний по времени или сигналу (*signal-contingent sampling*). В течение дня испытуемый получает звуковые сигналы через определенные (случайные или фиксированные) интервалы времени и дает отчет (через описание и/или ответы на вопросы), какую эмоцию он испытывал непосредственно перед сигналом (Чиксентмихайи, 2011, с. 109—110). Сейчас этот вариант метода осуществляется при помощи программы на мобильном телефоне (пример — трееры настроений). Он не вполне пригоден для изучения продолжительности эмоций, поскольку точное их начало, конец или даже весь

¹ Одни психологи включают смысл («значение-для-меня», оценку с точки зрения мотива) в число когнитивных оценок (например, Р. Лазарус), другие рассматривают его в качестве отдельного компонента. Так, Н. Фрайда и Ю. Соннеманс наряду с когнитивной оценкой (пониманием значения эмоциогенного события) выделяют так называемый аффект — чувство приятности или неприятности (Sonnemans, Frijda, 1994; Ben-Ze'ev, 1996).

² Этот список, на наш взгляд, следует дополнить такими компонентами, как оценка (понимание смысла эмоциогенного события) и рефлексия.

эпизод в целом могут быть пропущены (Verduyn, Lavrijsen, 2015). Этот метод упрекают в трудоемкости (называя его «навязчивым») (Carrera, Oseja, 2007), с чем спорят Ф. Вердейн (Verduyn, Lavrijsen, 2015) и Д. Канеман (2014). Его минус в том, что рефлексия может не только интерферировать с эмоцией, но и снижать ее интенсивность (Brans et al., 2014) или менять ее качество. Но его плюс заключается в отсутствии искажений, обусловленных ретроспекцией (Verduyn, Lavrijsen, 2015).

Другой вариант метода выборки переживаний — выборка, обусловленная событием (*event-contingent sampling*): участники сообщают о наступлении эмоционального события (и соответствующей эмоции), а также обо всех последующих появлениях данной эмоции и ее определенных (заданных экспериментаторами) характеристиках. Ф. Вердейн и С. Лаврейсен считают, что этот метод идеально подходит для изучения продолжительности коротких эмоций, но обременителен для участников в случае длительных эмоций (Ibid.).

(2) **Метод реконструкции дня**³ (*the day reconstruction method*), предложенный Д. Канеманом (Kahneman et al., 2004): респондент вечером (спонтанно или по сигналу) дает отчет о пережитых в течение этого дня эмоциях, описывая и отвечая на вопросы об их длительности, интенсивности, качестве и т.п. в бумажном или электронном дневнике (Verduyn et al., 2009; Verduyn et al., 2011; Verduyn et al., 2012).

Ретроспективность этого метода может привести к искажениям в самоотчетах (Carrera, Oseja, 2007; Verduyn et al., 2009). Для их уменьшения Вердейн просил своих респондентов не торопиться и прежде чем начать отвечать на вопросы, воспроизвести в памяти каждый эмоциональный эпизод (Verduyn et al., 2012). Однако было обнаружено, что (1) существенно искажаются воспоминания лишь о том материале, который хранился в памяти дольше 1 дня; (2) ретроспективные оценки длительности эмоций во многом точны (Brans et al., 2013). Поэтому при столь небольшом (как в методе реконструкции дня) времени сохранения искажения припоминаемых эмоций минимальны. Плюс этого метода — возможность изучения естественно возникающих эмоций (Verduyn et al., 2009), а минус — отбор самими испытуемыми самых ярких, интенсивных и/или длительных эмоций. Метод реконструкции дня и метод выборки переживаний обычно используются как лонгитюдные:

³ Сам Вердейн считает этот метод вариантом метода выборки переживаний (Verduyn et al., 2011) и иногда называет его «методикой ежедневного ведения дневника» (Verduyn et al., 2012).

в рассматриваемых здесь исследованиях самоотчеты собирались в период от 5 до 14 дней.

(3) Метод самоотчета о ранее пережитых эмоциях: участники просят вспомнить определенные (удовлетворяющие критериям, заданным экспериментатором) эмоции и ответить на вопросы о них. Этот метод широко использовался, причем в одних исследованиях давность воспоминания не ограничивалась (эпизод мог происходить годы назад) (Heylen et al., 2015; Sonnemans, Frijda, 1994 [6-е исследование]), в других (Verduyn et al., 2008; Verduyn, Lavrijsen, 2015; Sonnemans, Frijda, 1994 [5 исследований]) респондентов просили припоминать недавние эмоциональные эпизоды.

В силу ретроспективности метода самоотчета возможны искажения воспоминаний из-за забывания и действия психологических защит. Однако при сравнении результатов о ранговом порядке эмоций по длительности, полученных данным методом и методом реконструкции дня, было обнаружено их значительное совпадение (Verduyn, Lavrijsen, 2015). (Правда, в этом исследовании самоотчет давался об эмоциональных эпизодах, срок давности которых в 72% случаев не превышал нескольких недель.) Поэтому возможные искажения воспоминаний в методе самоотчета будут не столь значительными, если изучаются недавно пережитые эмоции. Несомненный плюс данного метода — возможность изучать эмоции, редко возникающие и трудно индуцируемые в лабораторных условиях; в этом исследователи видят его преимущество перед методами выборки переживаний и реконструкции дня (Heylen et al., 2015).

(4) Метод самоотчета об эмоциях, индуцированных в лабораторных условиях. В исследованиях П. Каррера и Л. Осежа эмоции индуцировались с помощью сцен из фильмов и рекламных объявлений; сразу после этого испытуемых просили дать отчет о пережитых эмоциях (Carrera, Oseja, 2007). В исследованиях А. Фрейнды и А. Кейла эмоции вызывались позитивной обратной связью о результатах выполнения «Теста встроенных фигур» Г. Виткина и негативной обратной связью о результатах выполнения теста на внимание. Вариантом стал квазиэкспериментальный метод, когда самоотчет дается об эмоции, возникшей в естественных условиях, в процессе (или сразу после) ее переживания (участники узнавали о своей победе в шахматном турнире) (Freund, Keil, 2013).

При использовании любого из описанных выше методов в соответствии с характером изучаемых в конкретном исследовании факторов, влияющих на длительность эмоции, респондентам задавались дополнительные вопросы (подробнее об этом см. далее).

2. Данные о продолжительности эмоций

В исследованиях группы Ф. Вердейна установлены очень большие различия в продолжительности эмоций разного вида. Например, *печаль* (самая долгая эмоция) могла «жить» в 240 раз дольше *стыда* (самой короткой эмоции). В отношении других эмоций разница значительно меньше (Verduyn, Lavrijsen, 2015).

При изучении вариаций внутри эмоции одного вида было показано:

1) ситуативная эмоция у одного и того же человека может длиться от нескольких секунд до нескольких (и даже многих) часов. При этом для каждой исследуемой эмоции существуют как относительно короткие (меньше 10 минут), так и относительно длинные (несколько часов) эпизоды (Verduyn et al., 2009; Verduyn et al., 2012; Verduyn, Lavrijsen, 2015);

2) большинство эмоций заканчиваются в течение первых интервалов (интервалы по 10 или 15 минут), при этом если эмоция «переживет» первые полчаса, то обычно длится долго (Verduyn et al., 2009; Verduyn et al., 2011; Verduyn et al., 2012). Так, при изучении *благодарности, радости, гнева, печали* обнаружено, что 80% эмоций заканчиваются в течение первых 30 минут, а в течение следующих 30 минут — лишь еще 10% (Verduyn et al., 2009 [2-е исследование]; Verduyn et al., 2011; Verduyn et al., 2012). Сходные результаты получены при изучении *радости, гнева и страха*: 80% эмоций заканчиваются в течение первого часа, в течение второго часа — лишь еще 10% (Verduyn et al., 2009 [1-е исследование]). При этом среди кратковременных (от нескольких секунд до нескольких минут) эмоций наличие амбивалентных встречается значимо реже, чем среди длительных (от получаса и более) (Carrera, Oseja, 2007).

Данные попарного сравнения 27 эмоций позволили выстроить их по рангу длительности (в порядке уменьшения продолжительности, при этом различия между ними не всегда значимы): *печаль — надежда — отчаяние — ненависть — энтузиазм — тревога — радость — разочарование — ревность — гнев — удовлетворение — расслабление — стресс — гордость — унижение — благодарность — сострадание — восхищение — вина — облегчение — раздражение — умиление — скука — отвращение — страх — удивление — стыд* (Verduyn, Lavrijsen, 2015).

Печаль — самая длительная эмоция (значимо превосходит по длительности все остальные) (Verduyn et al., 2011; Verduyn et al., 2012; Verduyn, Lavrijsen, 2015).

Стыд, удивление, страх, отвращение, умиление, скука, раздражение и облегчение (выстроены здесь по порядку увеличения длительности) — самые краткие. Авторы объясняют это тем, что продолжение данных эмоций после прекращения вызвавшего их события было бы нецелесообразным, тогда как *печаль* требует осмысления эмоциогенного события, поэтому должна длиться дольше (Verduyn, Lavrijsen, 2015).

Благодарность незначимо короче *гнева* и *радости* (Verduyn et al., 2011; Verduyn et al., 2012; Verduyn, Lavrijsen, 2015). *Гнев* незначимо короче *радости* (различие не значимо) (Verduyn et al., 2009; Verduyn et al., 2012).

Страх значимо короче *гнева* (Verduyn et al., 2009; Verduyn, Lavrijsen, 2015). Исследователи объясняют это различиями во временной локализации изучаемых эмоций: *страх* ориентирован в будущее, следовательно, прекращается вместе с вызвавшим его событием; *печаль* и *гнев* ориентированы на прошлое, а «жить в прошлом, в принципе, можно бесконечно» (Verduyn et al., 2009, p. 86). *Страх* также значимо короче *радости* (Verduyn, Lavrijsen, 2015).

Удивление (как и страх, и стыд) значимо короче *печали, надежды, отчаяния, ненависти, энтузиазма, тревоги, радости, разочарования, ревности, гнева, удовлетворения, расслабления, стресса и гордости*⁴.

Отчаяние (как и ненависть, надежда, энтузиазм) значимо дольше благодарности, сострадания, восхищения, вины, облегчения, раздражения, умиления, скуки, отвращения, страха, удивления, стыда.

Тревога (как и радость) значимо дольше облегчения, раздражения, умиления, скуки, отвращения, страха, удивления, стыда.

Радость значимо дольше облегчения, раздражения, умиления, скуки, отвращения, страха, удивления, стыда (Verduyn, Lavrijsen, 2015).

Разочарование (как и ревность) значимо дольше отвращения, страха, удивления, стыда. *Гнев* (как и удовлетворение, расслабление, стресс) значимо дольше страха, удивления, стыда. *Унижение* значимо дольше стыда, но значимо короче печали (Idid.).

Кроме того, обнаруженные значимые различия позволяют дифференцировать схожие эмоции: *вина* гораздо дольше *стыда*, а *страх* намного короче *тревоги* (Ibid.).

⁴ Согласно К. Изарду, такая «быстротечность» удивления имеет функциональное значение: при внезапном изменении в окружающей среде удивление прекращает прежнюю активность нервной системы, «очищает каналы», подготавливая субъекта к эффективному взаимодействию с этим новым событием (Изард, 2000, с. 193).

Было выявлено среднее «время жизни» некоторых эмоций. Оно различалось в разных исследованиях, хотя в них использовалась одна и та же шкала времени, по которой респонденты оценивали длительность своей эмоции, — с интервалом в 10 минут и общей продолжительностью 60 минут. Мы приведем данные исследования 2012 г. (Verduyn et al., 2012), далее в квадратных скобках укажем данные исследования 2011 г. (Verduyn et al., 2011) и второго исследования 2009 г. (Verduyn et al., 2009) соответственно. «Время жизни» *благодарности* равно 7 минутам (т.е. половина всех эмоций *благодарности* заканчивалась в первые 7 минут после возникновения) [9 и 13], *гнева* — 8 [12 и 11], *радости* — 10 [12 и 19], *печали* — 12 минут [15 и 20].

В первом исследовании 2009 г. были получены еще большие показатели: для *страха* — 16 минут, *гнева* — 22, *радости* — 26 минут (Verduyn et al., 2009). Авторы объясняют это расхождение с другими указанными выше результатами различиями во временных шкалах: в первом исследовании 2009 г. использовалась шкала с интервалом в 15 минут и общей продолжительностью 120 минут (Ibid.).

Однако мы видим, что в исследованиях 2009 г. были получены гораздо большие показатели «времени жизни» эмоций, чем в исследованиях 2011 и 2012 гг., даже при использовании одинаковой временной шкалы. Как было обнаружено, женщины дольше переживают эмоции, чем мужчины (Verduyn, Lavrijsen, 2015) (точнее, сообщают о более длительных), но фактор пола не мог повлиять на это расхождение в результатах, поскольку самый большой «перевес» испытуемых-женщин (в 8 раз) был в исследовании 2012 г., самый малый (в 2 раза) — во втором исследовании 2009 г., равное гендерное распределение — в первом исследовании 2009 г. (где получены самые высокие показатели длительности).

Мы объясняем это расхождение результатов различием в способах определения окончания эмоции: в исследованиях 2011 и 2012 гг. испытуемых просили считать окончанием эмоции момент, когда ее первоначальная интенсивность снижается заметным для респондента образом («когда эмоция больше не чувствуется так, как в ее начале»), в исследовании 2009 г. — момент, когда она возвращается к исходному уровню («эмоция больше не чувствуется», человек полностью «отошел» от события). При этом было показано, что значимо меньшие показатели «времени жизни» получаются при первом способе определения окончания эмоции, нежели при втором (Ibid.).

3. Факторы, влияющие на продолжительность эмоций

Поскольку обнаружена большая вариативность длительности одной и той же эмоции у одного и того же человека, был изучен ряд факторов, влияющих на длительность.

3.1. Интенсивность первоначальной эмоциональной реакции

Методом реконструкции дня было установлено, что фактор интенсивности эмоции в начале эпизода является предиктором ее длительности: чем сильнее эмоция в ее начале, тем дольше она длится, причем эта закономерность распространяется как на позитивные, так и на негативные эмоции и подтверждается при контроле важности вызвавшей эмоцию ситуации (Verduyn et al., 2009; Verduyn et al., 2011).

3.2. Общая интенсивность эмоции

Ф. Вердейном и С. Лаврейсен была обнаружена значимая положительная корреляция между длительностью эмоции (использовался метод самоотчета о ранее пережитых эмоциях; данные обобщались по всем 27 видам эмоций) и субъективной оценкой ее интенсивности⁵ (Verduyn, Lavrijsen, 2015). Однако более раннее исследование, проведенное Ю. Соннемансом и Н. Фрайдой с использованием того же метода, показало сложность и неоднозначность данной связи. Кажется очевидным, что интенсивная эмоция длится дольше, чем слабая, но в их работе было обнаружено, что для ряда эмоций корреляция между продолжительностью и интенсивностью эмоции оказалась низкой, а для гнева и страха — даже отрицательной (Sonnemans, Frijda, 1994). Авторы объяснили это тем, что эмоции могут прекращаться по нескольким причинам, в том числе и из-за изменения внешней ситуации, а не только потому, что эмоция прошла свой путь и иссякла: «Если кто-то очень зол, но виновник извиняется, вполне вероятно, что гнев закончится раньше, чем если бы извинения не были принесены» (Ibid., p. 344). Поэтому

⁵ Как было продемонстрировано, интенсивность эмоции — это не простой, одномерный показатель, подобный громкости звука или яркости света. Оценка интенсивности — сложный, интегративный конструкт, при ее осуществлении человек опирается на различные параметры, такие, как воспринимаемые телесные изменения, сила переживаемого нежелания/неспособности что-либо делать, изменение долгосрочного поведения и убеждений, сила и радикальность тенденции к действию и многие другие; набор, содержание этих параметров и их вклад в итоговую оценку выяснялись в ряде исследований (Sonnemans, Frijda, 1994; Ben-Zeev, 1996).

они сделали вывод, что продолжительность и субъективная интенсивность эмоции прямо коррелируют друг с другом в той степени, в какой данная эмоция не обусловлена внешними событиями.

3.3. Характер протекания эмоции

Для исследования характера течения эмоции применялась техника выстраивания так называемых профилей эмоций — графического представления изменения во времени какого-либо параметра эмоции, здесь — ее интенсивности (Carrera, Oseja, 2007; Heylen et al., 2015; Sonnemans, Frijda, 1994; Verduyn et al., 2008). Использовался метод самоотчета о ранее пережитых эмоциях: участников после припоминания определенной эмоции просили нарисовать график изменения ее интенсивности во времени (ось X представляла время, а ось Y — интенсивность). В исследованиях группы Вердейна важные моменты на графике (начало, конец, пики, спады и т.д.) испытуемые выделяли самостоятельно, о них им задавались уточняющие вопросы (Heylen et al., 2015; Verduyn et al., 2008).

Изучение характера протекания эмоции позволило обнаружить (на материале изучения эпизодов гнева) существование двух типов эмоций, получивших названия «раннецветущие» (*early-blooming*) и «позднецветущие» (*late-blooming*). Они различаются по динамике протекания (т.е. имеют специфические профили) и по длительности (Heylen et al., 2015). «Раннецветущие» эмоции кратковременны, характеризуются быстрым нарастанием по интенсивности и достижением пика в первой половине эпизода (такое начало называется эксплозивным; см.: Verduyn et al., 2008) и плавным снижением интенсивности к концу эпизода. Как правило, они вызваны не очень важными событиями и характеризуются использованием адаптивных стратегий регуляции эмоций (позитивной переоценки и рассмотрения в перспективе). «Позднецветущие» — это длительные эмоции, они медленно набирают силу, достигая пика по интенсивности во второй половине эпизода. Как правило, они вызваны важными событиями и положительно коррелируют с использованием неадаптивных стратегий (катастрофизации и руминации) (Heylen et al., 2015). Однако эта закономерность получена при сравнении эмоций одного вида (гнева) и не может пока быть распространена на сравнение разных по виду эмоций.

Таким образом, группой Вердейна были выделены две формы гнева по характеру течения. «Раннецветущая» форма является прототипической не только для житейской, но и для научной психологии: гнев обычно считается кратковременной эмоцией

с эксплозивным началом (Frijda, 2007); такая форма протекания имела место примерно в половине описаний эпизодов гнева. «Позднецветущая» форма гнева оказалась столь же распространенной (Heuvelen et al., 2015). Это соответствует существующему в западной литературе (например, у К. Шерера) различению гнева «холодного» и «горячего» (Ibid.).

3.4. Эмоции, возникающие в межличностной коммуникации

На материале изучения *благодарности, гнева, печали и радости* (с использованием метода реконструкции дня) было обнаружено, что эмоции, которые обычно возникают в межличностной коммуникации (*благодарность* и *гнев*), короче, чем другие две эмоции, не предполагающие обязательного межличностного контекста (Verduyn et al., 2009).

3.5. Когнитивные оценки

Когнитивная оценка (компонент любой эмоции) — это результат работы когнитивных процессов⁶ по представлению события, которое становится предметом эмоциональной оценки. Когнитивное оценивание часто продолжается по ходу развития эмоции⁷, но в ряде исследований происходит абстрагирование от этой динамики и изучаются когнитивные оценки, уже произведенные в начале эмоциональной реакции. В этом аспекте изучаются различные параметры когнитивных оценок как факторы, влияющие на продолжительность эмоции.

Важность (*importance*)⁸ события (один из таких параметров) определяется как степень связи эмоциогенного события с основными проблемами и интересами человека (Verduyn, Lavrijsen, 2015, с. 120). Для изучения влияния этого фактора на продолжительность эмоции использовались метод реконструкции дня (Verduyn et al., 2009; Verduyn et al., 2011) и метод самоотчета о ранее пережитых эмоциях (Verduyn, Lavrijsen, 2015), при этом участники оценивали по каждому эпизоду важность эмоциогенного события, отвечая на соответствующий вопрос.

⁶ Эти процессы практически не получили внимания в отечественной психологии эмоций, в которой признаются лишь их результаты, воплощенные в понятии предмета эмоции.

⁷ Вместе с этим (и на основе этого) происходит и развитие эмоции, например ее превращение в эмоцию другого вида (что прекрасно было описано Б. Спинозой в его «Этике»).

⁸ В отечественной литературе к нему близок термин «значимость».

Подтверждая более ранние результаты К. Шерера, а также Дж. Соннеманса и Н. Фрайды, группа Вердейна обнаружила, что чем более важным для человека является эмоциогенный объект/событие, тем дольше длится его эмоция (при этом контролировалось сохранение вида эмоции в ходе ее развития, чтобы она не трансформировалась в другую) (Heylen et al., 2015; Verduyn et al., 2009; Verduyn et al., 2011; Verduyn, Lavrijsen, 2015). Эту закономерность Ф. Вердейн и С. Лаврейсен объясняют целесообразностью: «Функциональным является то, что эмоции, которые сосредотачиваются на основных проблемах, остаются активными и определяют поведение в течение более длительного времени, чем те эмоции, которые касаются незначительных проблем» (Verduyn, Lavrijsen, 2015, p. 120). Большую по сравнению с другими эмоциями продолжительность печали авторы связывают именно с тем, что она «обычно вызывается событиями высокой важности» (Ibid.).

Ф. Вердейн и С. Лаврейсен также изучали (методом самоотчета о ранее пережитых эмоциях) влияние на продолжительность эмоции других параметров, по которым человек совершал когнитивные оценки эмоциогенного события в момент переживания эмоции: после припоминания определенной эмоции участник оценивал ее продолжительность и отвечал на ряд вопросов, взятых из «Женевского опросника оценок» (*Geneva Appraisal Questionnaire — GAQ*) К.Р. Шерера. В результате было обнаружено, что все изученные параметры (за исключением важности события) не оказывали значимого влияния на длительность эмоции. Такими параметрами оказались: выгодность (полезность) события для человека, ожидаемость события, его несправедливость, его безнравственность, атрибуция ответственности за возникновение события кому-то другому, атрибуция этой ответственности себе, проблемно-ориентированное совладание (в момент переживания эмоции человек думает, что может что-то изменить в вызвавшем ее событии), эмоционально-ориентированное совладание (в момент переживания эмоции человек думает, что может с ней справиться), влияние на самооценку (в момент переживания эмоции человек думает, что она негативно повлияет на его самооценку) (Verduyn, Lavrijsen, 2015).

(Окончание статьи в следующем номере журнала)

Поступила в редакцию 02.09.18
Принята к публикации 17.09.18

STUDIES OF THE DURATION OF EMOTIONS IN WESTERN PSYCHOLOGY: HOW LONG DOES JOY “LIVE”?

Olga V. Gordeeva

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract

Relevance. Knowledge of the laws of emotion dynamics has not only theoretical, but also practical meaning: this knowledge is necessary to provide psychological assistance in solving the problem of maintaining relationships, to develop of emotional intelligence and regulation of emotions, to diagnose disorder of the emotion dynamics that underlies a number of affective disorders (such as depression).

Objective. Consideration of large (in terms of the number of experiments, subjects and factors studied) studies of Verduyn’s group at the University of Leuven (Belgium) and Maastricht University (Netherlands). This group studied the duration of subjective experience of emotions of different types.

Methods. Review and analysis of modern Western studies of the duration of emotions and its determinants, their results and methods.

Results. The integration of data on the absolute and relative duration of emotions of certain types, as well as the contribution of such factors as the emotional intensity, the flow pattern, cognitive assessments, emotion regulation strategies, the social sharing, the cognitive processing of information about the emotional event has been done. The possibilities and limitations of the main methods of studying the emotion dynamics are revealed.

Conclusions. It is necessary to continue the research of the emotion dynamics of on the material of other age, professional, cultural groups. Also, a perspective direction is the study of the dynamics of other components (not just a subjective experience) of emotion.

Key words: situational emotions, emotion dynamics, emotion duration, social sharing, emotional intensity, regulation of emotions, subjective experience.

Original manuscript received September 2, 2018
Revised manuscript accepted September 17, 2018

УДК 159.9.072.422
doi: 10.11621/vsp.2018.04.178

О РОЛИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ С ЗАДАНЫМИ СВОЙСТВАМИ

С. Л. Шелина

Актуальность. Результативность метода поэтапного формирования умственных действий, разработанного П.Я. Гальпериным и его последователями, была многократно подтверждена в исследовательской практике, но остались некоторые открытые вопросы, решение которых обеспечит возможность активного внедрения наработок этой научной школы в широкую педагогическую практику. К числу таковых относится вопрос о механизмах «воспитания действий с заданными свойствами».

Цели работы. 1. Проанализировать результаты формирующих экспериментов с целью выявления фактов изменения исходной структурной организации действия (группы действий) в процессе его (ее) освоения. 2. Дать развернутое обоснование необходимости исследования роли организационной составляющей активности в процессе воспитания умственных действий **с заданными свойствами.**

Метод. Анализ в опоре на положение системного подхода, согласно которому наблюдаемое свойство объекта рассматривается как проявление взаимовлияний элементов единой системы.

Результаты. Выявлено 3 типа организационных преобразований действия по мере его освоения учеником: 1) переструктурирование самого действия (в процессе развития от предметно-действенной формы к действию, выполненному во внутреннем плане); 2) переструктурирование связей комплекса сопряженных действий; 3) изменение исходной формы соорганизации субъектов (от этапа совместного с учителем формирования схемы ООД до этапа присвоения действия учеником). Были выдвинуты гипотезы: 1) о наличии функциональной связи между выявленными типами организационных изменений действия; 2) о возможности существования

Шелина Светлана Леонидовна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* sve-shelina@yandex.ru

прототипной организационной формы, предопределяющей характер структурирования осваиваемого умственного действия.

Выводы. Проверка возникших в результате проведенного анализа исследовательских гипотез позволит продвинуться в понимании процессов формирования действий с заданными свойствами.

Ключевые слова: действия с заданными свойствами, формирующий эксперимент, организационная составляющая действия, совместно-распределенная активность.

Введение

Данная статья — попытка подойти к решению поставленного Н.Ф. Талызиной вопроса о содержании и происхождении первичных и вторичных свойств действия, выявленных и обозначенных П.Я. Гальпериным (2002). Н.Ф. Талызина (1998) четко перечисляет первичные свойства: форма, мера обобщенности, развернутости, освоенности и самостоятельности. На их основе вырабатываются вторичные («желаемые», «заданные») свойства действия — разумность, осознанность, прочность.

П.Я. Гальперин (1965), его коллеги и последователи решали исследовательскую задачу поиска условий для формирования действий с заданными свойствами. В ходе ее решения возник метод поэтапного формирования — уникальный исследовательский инструмент, основа энергосберегающих образовательных технологий. Результативность метода была многократно подтверждена в исследовательской практике, но остались некоторые открытые вопросы, решение которых обеспечит возможность активного внедрения наработок школы П.Я. Гальперина и его последователей в педагогическую практику. К числу таковых, на наш взгляд, относится вопрос о *механизмах* становления первичных и вторичных свойств действия. Мы полагаем, что полученная в процессе проведения формирующих экспериментов фактология обладает потенциалом для обсуждения и этого вопроса. Но рассматривать эти результаты мы будем с определенных позиций, используя в числе прочих один из принципов системного подхода, где наблюдаемое свойство исследуемого объекта представляет собой результат взаимовлияния элементов единой системы.

Задача этой статьи — обосновать гипотезы для дальнейших исследований организационной составляющей активности и ее роли в процессе освоения умственных действий, результаты которых, возможно, позволят получить ответы не только на вопрос об *условиях* возникновения определенных свойств действия, но и дать общее представление о механизмах их появления и проявления.

Представим некоторые общие положения, из которых мы исходим в постановке этих гипотез.

1. Наблюдаемые (воспитываемые) свойства действия — это результирующая структурных (организационных) процессов, протекающих по мере его освоения. В связи с этим учет *организационной составляющей действия* (ОСд) (всех ее аспектов и уровней) является неотделимой частью объяснительной модели и необходимым условием при проведении формирующих экспериментов.

2. Продуктивность активности (достижение цели) не должна быть единственным критерием при диагностике уровня освоенности действия, так как полученный результат может быть продуктом как самостоятельной, так и совместной деятельности с участием компетентного партнера. Способность к переносу освоенного действия — индикатор не только его освоенности, но и присвоенности. Процесс присвоения действия предполагает наличие специфических фаз (не предусмотренных в классической модели поэтапного формирования действий) и требует достаточно высокого уровня развития самостоятельности, независимости, организационной самодостаточности (способности самостоятельно планировать, контролировать и оценивать результат своей деятельности).

3. ОСд функционально не только обеспечивает эффективность целенаправленной активности (минимизацию разного рода потерь), но в первую очередь реализует выполнение более широкой задачи, ограничивая степени свободы целеустремленной активности (в пределе стремящейся к формуле «цель любой ценой»). При этом организационная составляющая активности регулируется в большинстве случаев конвенциональными нормами, а не только рациональными построениями, что в свою очередь требует учета специфики культурного контекста в целом и позиции (демонстрируемых моделей и содержания оценочных суждений) референтных лиц в частности.

4. В процессе освоения нового предметного действия в качестве организационной основы могут воспроизводиться (как на поведенческом уровне, так и на уровне ожиданий/установок) ранее освоенные формы совместно-распределенной активности. ОСд (по своей полноте, вариативности) выступает в качестве предварительной готовности к освоению действий разного рода.

5. Способность к реализации организационных процессов не дана человеку, она воспитывается. Есть основание полагать, что способность к организации собственной активности — производная развернутых форм взаимодействия субъектов. Если эта гипотеза статистически подтвердится, то будут основания поставить вопрос о возможности рассмотрения внешних форм взаимодействия в

качестве прототипных для потенциальных структурных реорганизаций действия (группы действий).

6. Освоение ОСд происходит только в ситуации, где упорядочение отношений между участниками совместно-распределенной деятельности является самостоятельной задачей и где задана процедура (в качестве специальной задачи) нахождения, выделения эффективного способа достижения поставленной цели, предполагающего в первую очередь минимизацию потерь (физических, эмоциональных, экономических, временных).

Представленные общие положения служат своего рода «системой координат», необходимыми условиями для рассмотрения некоторых конкретных аспектов процесса воспитания действий с заданными свойствами.

1. Факты, свидетельствующие о наличии структурно-организационных преобразований действия в процессе усвоения

В процессе анализа работ, выполненных в рамках концепции поэтапного формирования действий с заданными свойствами, были выявлены факты, позволяющие нам поставить вопрос о специфической роли ОСд в процессе освоения действий. Так, сотрудниками и учениками П.Я. Гальперина было отмечено следующее.

1.1. В зависимости от особенностей объекта осваиваемое действие структурно может быть сложносоставным образованием, предполагающим параллельное выполнение либо нескольких аналогичных действий, либо действий, содержательно отличающихся по задачам (например, при определении архитектурных стилей. См.: Лентина, 1953), либо действий разного уровня (например, при опознавании объектов, состоящих из сложносоставных элементов. См.: Орестов, 1977). Это априори предполагает в процессе освоения действия процедуры согласования и упорядочения.

1.2. В процессе проведения формирующих экспериментов отмечено очевидное переструктурирование действия: а) феномен симультизации (Подольский, 1978); б) укрупнение исходной единицы (Карпова, 1977; Малов, Нечаев, 1977; Подольский, Шабельников, 1977). Т.е. отмечены моменты, с необходимостью предполагающие процессы согласования, иерархизации отношений (связей) структурных элементов (как самого действия, так и сопряженных с ним других действий).

1.3. Также выявлены факторы, особенно выраженные в детском возрасте, препятствующие усвоению предметно-ориентированного действия и связанные: а) с сопротивляемостью, которая проявляется в неприятии, игнорировании, противостоянии ребенка педагогическому воздействию; б) с естественной возрастной неготовностью ребенка к освоению определенных действий (группы действий) (Подольский, Шабельников, 1977; Шабельников, 1982); в) с неспособностью (дети с задержкой) перехода на другой уровень (Осипова, 1977). Т.е. обнаружены факторы, свидетельствующие как о наличии, так и об отсутствии ожидаемого уровня развития ребенка, осваивающего определенное действие в процессе поэтапного формирования. При этом экспериментально показано, что при специальной активности профессионала можно было преодолеть исходную неготовность к освоению предлагаемых действий. Это свидетельствует о наличии собственно процесса развития и внешнем источнике такого рода развития. Стоит специально отметить, что одним из основных условий для формирования предметно-ориентированного действия у детей с отставанием в развитии была задача организации упорядоченной и самостоятельной работы (Там же).

Таким образом, при сохранении целевой направленности в процессе освоения нового действия отмечено наличие (необходимость) специфических организующих, упорядочивающих внешних и внутренних процессов.

2. Типы реорганизации действия (группы действий), наблюдаемые в процессе его освоения

В процессе анализа результатов формирующих экспериментов, выполненных в рамках школы П.Я. Гальперина, нами были выделены три типа реорганизации действия: 1) переструктурирование самого действия по мере его освоения (в процессе развития от предметно-действенной формы к действию, выполненному во внутреннем плане); 2) переструктурирование связей комплекса сопряженных действий; 3) изменение исходной формы соорганизации субъектов (в частности, от этапа совместного формирования схемы ООД до присвоения действия учеником).

Поскольку все эти организационные преобразования идут параллельно, встает вопрос о возможной их взаимосвязи. Чтобы ответить на этот вопрос, сначала необходимо конкретизировать содержание и специфику каждого из выявленных типов.

2.1. Переструктурирование действия в процессе «движения по форме» — это не только восхождение от развернутой предмет-

но-действенной формы к внутреннему плану с соответствующей атрибуцией (симультанацией, автоматизмом и др.), но и чередование качественных различных форм реализации действия. Так, например, действие, выполняемое в перцептивной форме или во внутреннем плане, в числе прочего предполагает одномоментность, которая снимает пространственно-временную перспективу и последовательность (основу для выявления причинно-следственных отношений)¹, присущую предметно-действенной и речевой формам. Факт чередования форм не всегда был очевиден.

В свое время на основании результатов исследований В.К. Шабельникова (1982) П.Я. Гальперин изменил статус перцептивной формы действия, которую ранее считал побочной, задавая вектор развития действия «от внешнего действия — через речевую фазу — к форме внутреннего действия». Но, по данным когнитивных психологов, перцептивный образ всегда полимодален (вне зависимости от специфического предъявляемого в определенный момент стимула), что априори предполагает наличие некоторой координации параллельно протекающих процессов.

В связи с этим нам представляется интересным рассмотреть и феномен симультанации. Специфику симультанно протекающих процессов можно видеть не только в одномоментности, но и в содержательной смене «единиц» анализа (например, фиксация ритма при освоении двигательного навыка. См.: Малов, Нечаев, 1977). Это качественно иная система отношений укрупненных и обобщенных элементов.

При этом «движение по форме» — еще более сложный процесс, так как параллельно движению «вверх» имеют место «реверсивные круги» — возврат на предыдущую фазу с опытом построений иного уровня (обогащенного). Причем реверс может наблюдаться как в индивидуальной, так и в совместно-распределенной деятельности со сложной комбинацией субъект-субъектных отношений. Так, выделенная П.Я. Гальпериным «материализованная форма» предполагает схематичное представление сущностной характеристики объекта (ситуации) для решения определенной задачи. Обратим здесь внимание на тот факт, что многие дети и некоторые взрослые способны работать с опорой на такого рода указания, чертежи, схемы, но сами, в силу своего развития или заданных ожиданий, не могут или не считают нужным вычленять сущностный признак самостоятельно. Фактически — это симбиоз.

¹ В связи с этим следует учесть данные, полученные нейрopsихологами школы А.Р. Лурия. Было показано, что развитие мозговых структур идет «снизу вверх» и параллельно формируются межполушарные связи при наблюдаемой смене доминанты каждого из полушарий (Семенович, 2017).

Обсуждая специфику переструктурирования действия по мере освоения, стоит отметить, что необходимым условием для полноценного освоения действия является целостное представление.

Так, в исследовании Л.Ф. Обуховой (1977) была показана необходимость рассмотрения ситуации в целом (и представления ее в схеме, выражающей отношения объектов в решаемой физической задаче) как важного условия освоения конкретных понятий (например, силы тяжести). А в исследовании Н.Ф. Талызиной и Ю.В. Яковлева (1977) на основании анализа ошибок при игре в шахматы была показана необходимость изначального целостного представления системы отношений — смысловой оценки позиций соперников. Шахматисты, достигшие высокого уровня мастерства (гроссмейстеры), решают конкретную задачу начиная как раз с целостного видения ситуации, смыслового оценивания, на основании которого принимается сначала стратегическое решение (нападать или защищать свои позиции), после чего решаются тактические задачи (что делать и каким способом).

Результаты этих исследований свидетельствуют, что в основе продуктивности активности изначально лежит целостное видение ситуации с возможностью вычленения не только существенных характеристик, но и смыслового, личного отношения к происходящему, что соответственно ставит вопрос не только дидактического обеспечения процесса освоения навыка, но и учета наличия некоторой субъектной позиции — способности такого видения «от третьего лица».

Фиксируем факт: с одной стороны, полноценное освоение действия предполагает изначально целостное, обобщенное видение ситуации с возможностью вычленения существенных для решения конкретной задачи признаков, с другой — осваивающий действие субъект еще не обладает этой возможностью. Продуктивность такой активности возможна только в ситуации наличия взаимосвязи «неофита» с компетентным субъектом и использования его ориентиров. Если критерием эффективности процесса обучения является только способность использовать кем-то выработанные способы, то задача решена. Если учитывать критерий «возможности переноса», введенный П.Я. Гальпериным, то работа по заданному образцу является необходимым, но недостаточным условием, даже если речь идет о способности использовать метод (а не только алгоритм) при «третьем типе обучения».

2.2. Переструктурирование связей комплекса сопряженных действий (отношений между отдельными действиями) относится

к организационным преобразованиям иного типа. Здесь важен не только уровень освоенности каждого из действий в отдельности (условие для укрупнения «единицы»). Автоматизируются только те действия, которые встроены как элементы в более широкую единую систему (Малов, Нечаев, 1977). При этом следует отметить факт, выявленный в диссертационном исследовании Н.Н. Нечаева (1972): укрупнение «единицы» — это всегда переход от рассмотрения конкретного объекта на уровень характеристик класса объектов, к которому он принадлежит, и, более того, переход к рассмотрению уже сопряженных классов объектов, что предполагает фиксацию связей между элементами более широкой, обобщенной, единой системы.

При этом следует учесть, что в некоторых возрастных группах имеются проблемы с освоением комплекса действий. В частности, в группе дошкольников отмечено, что при фиксации на одном действии «забывается», не учитывается другое, необходимое для решения поставленной задачи. Но данная проблема преодолевается с помощью специальных ориентиров, предлагаемых взрослым (Шабельников, 1982). И здесь (как и при рассмотрении первого типа структурных преобразований) встает вопрос о возможном влиянии уровня развития самоорганизации, независимости от позиции администрирующего взрослого на переструктурирование отношений между отдельными действиями, освоенного комплекса действий, предполагающего укрупнение исходной «единицы».

Таким образом, при освоении умственного действия (комплекса сопряженных действий) наблюдается не только изменение по форме, но и содержательное изменение «единицы» ориентиров, в частности укрупнение. Это зафиксированный, но не объясненный факт. При этом отмечено, что полноценно выполненное действие предполагает целостное видение как ситуации задачи, так и сценария активности, что является результирующим, а не исходным состоянием. Т.е. способность к реализации необходимого процесса не задана генетически, а продуктивность активности обеспечивается наличием компетентного партнера.

2.3. Изменение исходной внешней формы соорганизации субъектов. Этот тип структурирования организационных отношений представлен как минимум двумя тематическими линиями, озвученными П.Я. Гальпериным. Первая — переструктурирование, связанное с переходом от совместно-распределенной формы активности (на этапе формирования схемы ООД) к индивидуальной форме в процессе освоения/присвоения ООД человеком. Вторая линия задана при обсуждении типов обучения, где вводится характеристика

активности субъекта (ориентиры учеником получены самостоятельно или приняты в готовом виде от учителя). Обратим внимание, что в обоих случаях исходной является совместная форма активности.

Но возможные формы совместно-распределенной активности в свою очередь можно рассмотреть с позиции зависимости/независимости субъектов взаимодействия, где эти формы располагаются на континууме от симбиотической зависимости до конструкции добровольно принятого взаимодействия самодостаточных субъектов. Внешне эти формы взаимодействия могут быть схожими. При этом стоит учесть, что прямого перехода от зависимости к взаимодействию самодостаточных субъектов нет. К выдвижению этой гипотезы нас привели следующие факты, отмеченные исследователями. В процессе проведения формирующего эксперимента Л.Ф. Обухова (1972) отметила, что в некоторый момент освоения действия наблюдается протест ученика против следования алгоритму, заданному в рабочей карточке. В настоящее время эту проблему активно разрабатывает Б.Д. Эльконин (2014), показывая важную роль специфической по проявлениям «фазы пробы», обеспечивающей возможность собственно присвоения действия. Результаты исследований американских психологов (Vaughan, 1985) также указывают на наличие специфической фазы. Движение от зависимости к форме добровольно принятой взаимозависимости проходит через фазу «независимости», часто сопровождающуюся протестными реакциями. Представляется, что в сценарии планомерного формирования этот момент не был артикулирован².

Высшая форма развития совместно-распределенной активности — добровольное взаимодействие самодостаточных субъектов — предполагает у каждого из участников проекта способность функционировать автономно. Самодостаточность обеспечивается освоенностью навыков не только самостоятельного целеполагания, но и планирования, контроля, оценки. Но всегда ли реализуется этот потенциал? Имеют место факты, когда некоторые взрослые люди, вне зависимости от имеющегося у них опыта принятия индивидуальных ответственных решений, в некоторых ситуациях (например, отношений с начальством; взаимодействия с лицами, реализующими функции учителей и т.д.) воспроизводят позицию «зависимости», а не конструируют формат взаимодействия само-

² Полагаем, что объективно в этом не было особой необходимости, так как дети, которые участвовали в формирующих экспериментах, были более самостоятельными, чем их современные сверстники. Сейчас ситуация взросления изменилась. Например, произошли существенные изменения в игровой активности детей (Смирнова, Гударева, 2005).

достаточных субъектов. Так, Н.Н. Нечаевым (1972) было отмечено, что руководящие работники на курсах повышения квалификации инерционно воспроизводят позиционную конструкцию «ученика», делегирующего ответственность за тематический выбор предлагаемого к усвоению материала, уровень его обобщения, представления (или не представления) его с учетом более широкого объяснительного контекста преподавателю.

Также следует учесть, что, с одной стороны, дети, не проявляющие еще способности к кооперированию (из-за возраста, отсутствия соответствующих навыков), могут реализовать продуктивную активность, копируя образцы референтных взрослых. С другой стороны, даже в ситуации вынужденного поиска способа решения поставленной задачи и взрослые, и дети устойчиво воспроизводят первый найденный в группе вариант (часто не лучший) (Шелина, 2010). Т.е. в ситуации реализации предметно-ориентированной активности организационная составляющая не является первостепенной задачей. Если в качестве основного критерия реализации предметно-ориентированного действия выступает только продуктивность, то при достижении поставленной цели (вне зависимости от способа достижения: посредством копирования готового образца или на основании самостоятельно выделенных ориентиров) проект завершается.

Таким образом, имеет место парадоксальная ситуация. Для освоения действия или объединенного единой задачей комплекса действий (с возможностью последующего переноса) предположительно требуется определенный уровень развития автономии субъекта, но из этого не следует, что наличие этой способности однозначно предопределяет ход событий. В этом случае не помогают и внешние опорные ориентиры. В наших исследованиях (Шелина, 2017)³ было показано, что инструкции, перечисление порядка необходимых действий для решения организационных вопросов (которые в дальнейшем были практически полностью устно воспроизведены участниками эксперимента) в процессе выполнения предметного действия оставались в позиции «формального знания». В процессе реализации предметно-ориентированного действия воспроизводились ранее освоенные позиционно-ролевые схемы. Эти данные дают нам основание предположить, что освоение организационной составляющей действия происходит только в ситуации, где по-

³ Шелина С.Л. Об отрицательном влиянии конкурентных отношений на продуктивность решения сложных задач в группах студентов и аспирантов: Доклад на конференции «Ломоносовские чтения-2017» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 17—26 апреля 2017 г.).

строение отношений является самостоятельной задачей и задана процедура (в качестве специальной задачи) нахождения эффективного способа, предполагающего в первую очередь минимизацию потерь (физических, эмоциональных, экономических, временных). На основании этих данных можно сделать предварительный вывод не только о том, что при освоении предметно-ориентированного действия его организационная составляющая выступает в качестве «предварительного умения», но и о возможном влиянии этой составляющей собственно на процесс освоения действия.

Стоит отметить, что имеет место и иная точка зрения. Так, в свое время А.Ф. Карпова (1977) на основании полученных в процессе формирующего эксперимента данных, сделала вывод, что параллельно с освоением целенаправленного действия осваивается и его организационная составляющая, что проявляется в сокращении времени, требуемого для освоения аналогичного действия.

Не исключено, что характер влияния организационной составляющей на процесс освоения нового действия меняется в зависимости как от особенностей «ученика», так и от специфики самого осваиваемого действия.

3. Специфические особенности организационной составляющей действия

Выделенные нами выше несколько типов организационных преобразований в процессе освоения действия требуют критического осмысления.

В первую очередь следует учесть специфику организационной надстройки деятельности в целом. Функционально она решает задачу сохранения сообщества. Ее роль — ограничение степеней свободы целенаправленной активности, которая в крайнем выражении представлена формулой «цель любой ценой». Т.е. при рассмотрении действия (деятельности) мы априори имеем дело с процессами, которые регулируются по разным основаниям. Это различие хорошо проявляется в процессуально схожих, но различных по функции процессах контроля и оценки результатов активности. Задача контроля — обеспечение соответствия полученного результата заданному образцу. Задача оценки — индикация принятия/непринятия референтной группой произведенного субъектом «продукта», формы активности, самого субъекта. В абсолютном большинстве случаев за оценкой стоят конвенциональные нормы (представления о должном, о том, что такое «хорошо» и «плохо»), а не рациональные основания (Философская энциклопедия, 2004). Отметим, что позиция референтных лиц, выраженная косвенно

или в прямых оценочных суждениях, либо запускает (усиливает) процесс освоения нового действия, либо купирует этот процесс.

Это положение отчасти нашло подтверждение в нашем исследовании. Так, при формировании действий анализа ситуации взаимодействия у детей и взрослых (Шелина, 2003) максимально высокий результат был получен только в группах, где присутствовали значимые лица (у дошкольников — родители, у подростков — лидеры групп).

Второй важный момент — совместная деятельность рассматривается как функционально распределенная форма. Именно это обстоятельство создает необходимость не только распределять, но и координировать совместную активность, что, в свою очередь, предполагает необходимость целостного видения происходящего.

В арсенале видов активности любого сообщества содержатся определенные виды деятельности, при реализации которых человек осваивает навыки организационного блока. Примером тому может служить детская сюжетно-ролевая игра. Стоит отметить, что игра считается незавершенной, пока все участники не отыграют все заданные сценарием роли по кругу. Производной от сюжетно-ролевой активности является «режиссерская игра» (Новоселова, 1997), где индивидуально играющий ребенок одновременно выступает как сценарист, режиссер (координатор действий разных героев) и исполнитель всех ролей. Если такие «специфические» формы деятельности будут редуцированы, то теоретически возможно, что будут наблюдаться системные изменения.

Третий момент — предположение о наличии связи между формами внешней соорганизации и формами самоорганизации субъектов⁴. В некоторых случаях внешняя форма может оказаться доминирующей. Так, П.Я. Гальперин и С.Л. Кабыльницкая (1974) в процессе проведения эксперимента по формированию внимания (организационной функции — контроля) отметили факт «утраты» ранее освоенного, проявленного на тестовом материале умения в ситуации жесткого внешнего контроля учителем действий ученика. В исследовании А.Л. Венгера (1977) было показано, что форма внешней соорганизации, интериоризируясь, становится формой организации индивидуальной активности ребенка.

Итак, подчеркнем два момента. Во-первых, наличие определенной фактологии — косвенных результатов формирующих экс-

⁴ В связи с этим вопросом следует учесть результаты исследований когнитивных психологов (Фаликман, Коул, 2014), где показана взаимосвязь характера выполняемой деятельности по форме соорганизации (выращивание риса требует большей кооперации, чем выращивание пшеницы) и картины индивидуальной мозговой активности людей.

периментов — дает нам основание рассматривать ОСд не только в функции обслуживания, обеспечения целенаправленной активности. ОСд имеет свою содержательную специфику и реализует особые функции — не только упорядочивает, обеспечивает эффективность целенаправленной активности, но и ограничивает ее степени свободы в процессе реализации действия. Мы не можем исключить того, что ОСд предопределяет динамику (или саму возможность) процесса освоения и присвоения нового действия наряду с содержательными характеристиками схемы ООД и выверенным планом формирования.

Во-вторых, при рассмотрении процесса освоения действия как движения к возможности автономной реализации продуктивной активности учеником с опорой на целостное представление об исходной задаче, объекте, алгоритме активности возникает основание для гипотезы о наличии связи между выявленными типами организационных изменений действия (переструктурирования самого действия, группы сопряженных действий и внешней формы соорганизации субъектов). Возможна и сопряженная с этой другая гипотеза о наличии прототипной организационной формы, которая предопределяет характер структурирования осваиваемого умственного действия.

Заключение

В статье предпринята попытка рассмотреть «косвенные» результаты исследований, проведенных в рамках концепции поэтапного формирования умственных действий. Организационная составляющая действия в той или иной форме присутствовала в описательно-объяснительных текстах, но не являлась предметом специального рассмотрения у представителей данной научной школы. Мы рискнули отнестись к имеющейся фактологии с иных, не заданных П.Я. Гальпериным и его последователями позиций. Основанием для такого обращения к совокупному корпусу исследований послужили следующие обстоятельства. С одной стороны, при всем потенциале концепции поэтапного формирования для исследовательской и педагогической практики наблюдается тенденция снижения интереса к этим наработкам. В качестве оправдания этому приводятся не только трудоемкость процесса, но и отсутствие ожидаемой продуктивности использования метода формирования. Можно обсуждать вопросы компетентности специалистов, но имеет место и объективно изменившаяся ситуация взросления подрастающих поколений, следствием чего является снижение уровня

самостоятельности детей и подростков. Как этот фактор влияет на процесс формирования умственных действий?

Стоит отметить, что вопросы влияния организационных форм на процесс освоения знаний и умений уже давно и продуктивно разрабатываются как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Но остаются еще открытыми базовые вопросы о механизмах и источниках тех образований, которые лежат в основе «организационной составляющей». Без постановки и попытки получить ответы на эти вопросы мы не продвинемся в понимании процессов формирования действий с заданными свойствами. Наиболее перспективным для исследовательской и педагогической практики нам представляется вопрос о том, как влияет исходная развернутая форма взаимодействия на процесс структурирования осваиваемого действия. Ответив на него, мы подойдем к поставленному Н.Ф. Талызиной вопросу о свойствах действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Венгер А.Л. Формирование операций и организация действий у детей дошкольного возраста: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1977.

Гальперин П.Я. Основные результаты исследований по проблеме «Формирования умственных действий и понятий»: Доклад на соискание степени доктора наук. М., 1965.

Гальперин П.Я. Лекции по психологии: Учеб. пособие для вузов. М.: Книжный дом «Университет»; Высшая школа, 2002.

Гальперин П.Я., Кабыльницкая С.Л. Экспериментальное формирование внимания М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.

Карпова А.Ф. Изменение поэтапного формирования при его систематическом применении // Управляемое формирование психических процессов / Под ред. П.Я. Гальперина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 173—195.

Карпова С.Н. Характер ориентировки дошкольников на слово при разных типах обучения // Управляемое формирование психических процессов / Под ред. П.Я. Гальперина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 120—137.

Лентина М.Н. Формирование обобщенного чувственного образа (на материале армянской архитектуры). Дипломная работа, МГУ, 1953.

Малов С.Л., Нечаев Н.Н. Условия образования «высших единиц» двигательного навыка // Управляемое формирование психических процессов / Под ред. П.Я. Гальперина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 163—172.

Нечаев Н.Н. Одновременное формирование группы понятий, охватывающих заданный раздел знаний: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1972.

Новоселова С.Л. О новой классификации детских игр // Дошкольное воспитание. 1997. № 3. С. 84—87.

Обухова Л.Ф. Формирование элементов научного мышления у ребенка: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1972.

Обухова Л.Ф. Два пути формирования простой системы научных понятий // Управляемое формирование психических процессов / Под ред. П.Я. Гальперина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 101—113.

Орестов Р.С. О формировании зрительного опознания сложных объектов // Управляемое формирование психических процессов / Под ред. П.Я. Гальперина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 36—50.

Осипова Н.Р. Опыт формирования внимания у умственно отсталых школьников // Управляемое формирование психических процессов / Под ред. П.Я. Гальперина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 71—79.

Подольский А.И. Формирование симультанного опознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

Подольский А.И., Шабельников В.К. Формирование зрительного опознания объектов у старших дошкольников // Управляемое формирование психических процессов / Под ред. П.Я. Гальперина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 22—43.

Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза. М.: Генезис, 2017.

Смирнова Е.О., Гударева О.В. Состояние игровой деятельности современных дошкольников // Психологическая наука и образование. 2005. № 2. С. 76—86.

Талызина Н.Ф. Педагогическая психология: Учеб. пособие. М.: ИЦ «Академия», 1998.

Талызина Н.Ф., Яковлев Ю.В. Особенности формирования начальных шахматных умений при разных типах ориентировочной деятельности // Управляемое формирование психических процессов / Под ред. П.Я. Гальперина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 81—123.

Фаликман М., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4—18.

Философская энциклопедия / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

Шабельников В.К. Формирование быстрой мысли: психологические механизмы «непосредственного» понимания объектов / Под общ. ред. П.Я. Гальперина. Алма-Ата: Мектеп, 1982.

Шелина С.Л. Формирование действий анализа ситуации интеракции у детей и взрослых: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2003.

Шелина С.Л. Диагностика навыков взаимодействия у дошкольников в процессе выполнения заданий в игровой форме // Современные гуманитарные исследования. 2010. № 6. С. 261—265.

Эльконин Б.Д. Событие действия (заметки о развитии предметных действий) // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 1. С. 11—19.

Vaughan F. Discovering transpersonal identity // Journal of Humanistic Psychology. 1985. Vol. 25. N 3. P. 13—38.

THE ROLE OF THE ORGANIZATIONAL COMPONENT IN LEARNING THE ACTIONS WITH POSITED PROPERTIES

Svetlana L. Shelina

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract

Relevance. The effectiveness of the method of the gradual formation of intellectual actions, which was developed by P.Y. Galperin and his followers, has been repeatedly proved in research. However, several questions remain open, and their solution is very likely to facilitate an active implementation of the ideas of this scientific school in pedagogical practice at large. Among such questions is the issue of the mechanisms of 'teaching the actions with specified properties'.

Objective. 1) to analyse the results of the forming experiments in order to reveal the occurrences of change during the acquisition of the original structural organization of an action, 2) to provide a detailed rationale for the necessity to examine the role of the activity organization component in teaching intellectual actions with specified properties.

Method. The analysis on the proposition of the system approach that the object's observed property is to be viewed as a result of the interaction among the system elements.

Results. Three types of organizational changes have been observed in the course of acquisition by the student: 1) the restructuring of the action; 2) the restructuring of the relations in the set of interrelated actions; 3) the change of the original co-organization of the acting subjects. The hypotheses are made: 1) about the existence of a functional link among the types of the action organization changes that have been identified; 2) about the existence of a prototypical organizational form that predetermines the way in which an acquirable intellectual action is structured.

Conclusion. The examination of the new research hypotheses will contribute to further understanding of the formation of the actions with specified properties.

Key words: actions with specified properties, forming experiments, organization of an action, joint-distributed activity.

References

- El'konin, B.D. (2014). Sobytiye dejstviya (zametki o razvitii predmetnyh dejstvij). *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 10, 1, 11–19.
- Falikman, M., Koul, M. (2014). «Kul'turnaya revolyuciya» v kognitivnoj nauke: ot nejronnoj plastichnosti do geneticheskikh mekhanizmov priobreteniya kul'turnogo opyta. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 10, 3, 4–18.

Gal'perin, P.Ya. (1965). *Osnovnye rezul'taty issledovanij po probleme «Formirovaniya umstvennyh dejstvij i ponyatij»: Doklad na soiskanie stepeni doktora nauk* [The main results of research on the problem of «Formation of mental actions and concepts»: Report for the degree of Doctor of Science]. Moscow, 1965.

Gal'perin, P.Ya. (2002). *Lekcii po psichologii: Ucheb. posobie dlya vuzov* [Lectures on psychology: Textbook for universities]. Moscow: Knizhnyj dom «Universitet»; Vysshaya shkola.

Gal'perin, P.Ya., Kabylnickaya, S.L. (1974). *Eksperimental'noe formirovanie vnimaniya* [Experimental attention shaping]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Ivin, A.A. (2004, ed.) *Filosofskaya enciklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Gardariki.

Karpova, A.F. (1977). Izmenenie poetapnogo formirovaniya pri ego sistematicheskom primenenii. In P.Ya. Gal'perin (ed.) *Upravlyaemoe formirovanie psicheskikh processov* [Managed formation of mental processes] (pp. 173—195). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Karpova, S.N. (1977). Harakter orientirovki doskol'nikov na slovo pri raznyh tipah obucheniya. In P.Ya. Gal'perin (ed.) *Upravlyaemoe formirovanie psicheskikh processov* [Managed formation of mental processes] (pp. 120—137). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Lentina M.N. (1953). *Formirovanie obobshchennogo chuvstvennogo obraza (na materiale armjanskoj arhitektury): Diplomnaya rabota* [Formation of a generalized sensory image (on the material of Armenian architecture): Thesis]. Moscow University.

Malov, S.L., Nechaev, N.N. (1977). Usloviya obrazovaniya «vysshih edinic» dvigatel'nogo navyka. In P.Ya. Gal'perin (ed.) *Upravlyaemoe formirovanie psicheskikh processov* [Managed formation of mental processes] (pp. 163—172). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Nechaev, N.N. (1972). *Odnovremennoe formirovanie gruppy ponyatij, ohvatyvayushchih zadannyj razdel znaniy: Diss. ... kand. psihol. nauk* [The simultaneous formation of a group of concepts covering a given section of knowledge: Dis. ... cand. psychol. sciences]. Moscow.

Novoselova, S.L. (1997). O novej klassifikacii detskih igr. *Doshkol'noe vospitanie* [Preschool education], 3, 84—87.

Obuhova, L.F. (1972). *Formirovanie elementov nauchnogo myshleniya u rebenka: Diss. ... kand. psihol. nauk* [Formation of the elements of scientific thinking in a child: Dis. ... cand. psychol. sciences]. Moscow.

Obuhova, L.F. (1977). Dva puti formirovaniya prostoj sistemy nauchnyh ponyatij. In P.Ya. Gal'perin (ed.) *Upravlyaemoe formirovanie psicheskikh processov* [Managed formation of mental processes] (pp. 101—113). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Orestov, R.S. (1977). O formirovanii zritel'nogo opoznaniya slozhnyh ob»ektov // Upravlyaemoe formirovanie psicheskikh processov. In P.Ya. Gal'perin (ed.) *Upravlyaemoe formirovanie psicheskikh processov* [Managed formation of mental processes] (pp. 36—50). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Osipova, N.R. (1977). Opyt formirovaniya vnimaniya u umstvenno otstalyyh shkol'nikov // Upravlyаемое formirovanie psicheskikh processov. In P.Ya. Gal'perin (ed.) *Upravlyаемое formirovanie psicheskikh processov* [Managed formation of mental processes] (pp. 71—79). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Podol'skij, A.I. (1978). *Formirovanie simul'tannogo opoznaniya* [Formation of simultaneous identification]. Moscow: Izd-vo Mosk.un-ta.

Podol'skij, A.I., Shabel'nikov, V.K. (1977). Formirovanie zritel'nogo opoznaniya ob»ektov u starshih doshkol'nikov. In P.Ya. Gal'perin (ed.) *Upravlyаемое formirovanie psicheskikh processov* [Managed formation of mental processes] (pp. 22—43). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Semenovich, A.V. (2017). *Nejropsihologicheskaya korrekciya v detskom vozraste. Metod zameshchayushchego ontogeneza* [Neuropsychological correction in childhood. The method of replacing ontogenesis]. Moscow: Genезis.

Shabel'nikov, V.K. (1982). *Formirovanie bystroy mysli: psihologicheskie mekhanizmy «neposredstvennogo» ponimaniya ob»ektov* / Ed. By P.Ya. Gal'perin. Alma-Ata: Mektep.

Shelina, S.L. (2003). Formirovanie dejstvij analiza situacii interakcii u detej i vzroslyh: Diss. ... kand. psihol. nauk [Formation of action analysis of the situation of integration in children and adults: Dis. ... cand. psychol. sciences]. Moscow.

Shelina, S.L. (2010). Diagnostika navykov vzaimodejstviya u doshkol'nikov v processe vypolneniya zadaniy v igrovoj forme. *Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya* [Modern Humanities Studies], 6, 261—265.

Smirnova, E.O., Gudareva, O.V. (2005). Sostoyanie igrovoj deyatel'nosti sovremennyh doshkol'nikov. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2, 76—86.

Talyzina, N.F. (1998). *Pedagogicheskaya psihologiya: Ucheb. posobie* [Pedagogical psychology: Textbook]. Moscow: IC «Akademiya».

Talyzina, N.F., Yakovlev, Yu.V. (1977). Osobennosti formirovaniya nachal'nyh shahmatnyh umenij pri raznyh tipah orientirovochnoj deyatel'nosti. In P.Ya. Gal'perin (ed.) *Upravlyаемое formirovanie psicheskikh processov* [Managed formation of mental processes] (pp. 81—123). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Vaughan, F. (1985). Discovering transpersonal identity. *Journal of Humanistic Psychology*, 25, 3, 13—38.

Venger, A.L. (1977). *Formirovanie operacij i organizaciya dejstvij u detej doshkol'nogo vozrasta: Diss. ... kand. psihol. nauk* [Formation of operations and organization of actions in preschool children: Dis. ... cand. psychol. sciences]. Moscow.

Original manuscript received July 30, 2018

Revised manuscript accepted September 28, 2018

ЮБИЛЕИ

К 100-ЛЕТИЮ ЗОИ АЛЕКСЕЕВНЫ РЕШЕТОВОЙ

16 декабря 2018 г. состоится выдающееся событие для отечественных психологической и педагогической школ — 100-летний юбилей **Зои Алексеевны Решетовой** — доктора психологических наук, профессора факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

С 1945 г. жизнь З.А. Решетовой неразрывно связана с Московским университетом. Она пришла в Московский университет прямо с фронта, сразу после окончания Великой Отечественной войны, которую прошла от Москвы до Калининграда в составе войск Красной армии. Профессиональный путь З.А. Решетовой начался на философском факультете, который она окончила в 1950 г., затем была аспирантура, а в 1954 г. ее приняли в штат сотрудников отделения психологии на должность преподавателя. На факультете психологии Зоя Алексеевна работает со дня его основания. Научным руководителем и учителем З.А. Решетовой был профессор Алексей Николаевич Леонтьев, который открыл ей значение философской методологии для психологии, значение практики для развития теории и теории — для практики, привил вкус к методологическим вопросам и главным теоретическим проблемам психологической науки.

Основное направление исследований З.А. Решетовой связано с психологическим анализом учебного процесса в русле идей теории деятельности в психологии (А.Н. Леонтьев) и выводами П.Я. Гальперина о роли содержания и формы усвоения ориентировочной основы действия в его формировании и параметрах функционирования. За годы научной работы Зоя Алексеевна выявила и исследовала функции, стадии и закономерности формирования ориентировочной деятельности (как деятельности психической) в процессе усвоения знаний и умений на материале трудовой деятельности. Итогом этих исследований стала защита докторской диссертации в 1988 г.

Другое направление исследований З.А. Решетовой было связано с построением учебных программ в русле системной методологии. Учебный предмет, содержание учебного материала и способ его преподавания конструировались на основе предварительно выявленных структурно-функциональных составляющих предмета усвоения как объекта системной природы. Системный подход позволяет учащимся осваивать учебную дисциплину на высшем уровне обобщения. Системная ориентация в построении учебных дисциплин была реализована применительно к вузовским курсам теории вероятностей, общей химии; для профтехучилищ — к технической механике, станочной обработке металлов резанием; для общеобразовательных школьных курсов иностранного языка, русского языка и др. Каждое направление науки, которое попадало в сферу интересов Зои Алексеевны, было изучено ею с максимальной вовлеченностью, подробно, досконально, точно. Ее научная энергия «заражала» многие десятки ее последователей, учеников, которые и по настоящее время продолжают научные изыскания, вовлекая в них новые поколения молодых исследователей в России и в мире. Под руководством З.А. Решетовой защитили кандидатские диссертации 19 аспирантов и соискателей факультета психологии МГУ.

В рамках педагогической работы на факультете Зоя Алексеевна участвовала в разработке и чтении учебных курсов: «Педагогическая психология», «Психологический анализ учебного процесса», «Психологические основы профессионального обучения», «Теоретические проблемы формирования мышления в обучении» и многих других.

Общее количество ее опубликованных работ — более 100, в том числе в зарубежных изданиях (Болгария, ГДР, Великобритания).

Зоя Алексеевна Решетова является заслуженным профессором МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, лауреатом премии Президента Российской Федерации, лауреатом премии М.В. Ломоносова. Она награждена десятками орденов и медалей за свои военные, педагогические и научные заслуги.

Сердечно поздравляем Зою Алексеевну Решетову с этим прекрасным юбилеем, желаем крепкого здоровья, активного долголетия, творческих успехов и счастья.

Сотрудники факультета психологии МГУ, коллеги, ученики

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В «ВЕСТНИКЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 14. ПСИХОЛОГИЯ» в 2018 г.**

	№	С.
<i>К 115-летию со дня рождения Алексея Николаевича Леонтьева (1903—1979)</i>		
<i>Семенов И.Н.</i> Вклад А.Н. Леонтьева в развитие психологии мышления, инженерной психологии и эргономики	3	3—20
<i>Соленов И.В.</i> Методологический потенциал культурно-деятельностного подхода к изучению измененных состояний сознания (на материале религиозных практик)	3	21—36
<i>Соленов И.В.</i> Методологический потенциал культурно-деятельностного подхода к изучению измененных состояний сознания (на материале религиозных практик) (окончание)	4	149—163
<i>Эмпирические исследования</i>		
<i>Арестова О.Н., Махмудова С.Х.</i> Субъективная презентация семейных отношений на разных уровнях осознанности (на примере подросткового возраста)	1	55—69
<i>Ганин И.П., Косиченко Е.А., Каплан А.Я.</i> Распознавание субъективного фокуса интереса к эмоционально значимым зрительным стимулам в интерфейсе мозг-компьютер на волне Р300.	1	3—20
<i>Долгих А.Г., Захарова Е.И.</i> Содержание и степень гармоничности представлений о материнстве и отцовстве в юношеском возрасте	2	89—99
<i>Жданова С.Ю., Федотова В.А.</i> Копинг-стратегии как механизмы адаптации иностранных студентов к условиям российской образовательной среды	4	89—105
<i>Карапетян Л.В., Глотова Г.А.</i> Исследование параметров эмоционально-личностного благополучия российских студентов	2	76—88
<i>Карапетян Л.В., Глотова Г.А.</i> Исследование параметров эмоционально-личностного благополучия российских студентов (окончание)	3	60—75
<i>Коньшина Т.М., Пряжников Н.С., Садовникова Т.Ю.</i> Личная профессиональная перспектива современных российских старших подростков: ценностно-смысловой аспект	3	37—59

<i>Кориунова С.Г., Степанова О.Б.</i> Категоризация названий эмоций в субъективном семантическом пространстве их зрительного различения по круговым характеристикам «интенсивность» и «сила»	3	76—89
<i>Кроткова О.А., Данилов Г.В., Каверина М.Ю., Кулёва А.Ю., Гаврилова Е.В., Ениколопова Е.В.</i> Объем зрительного внимания при нормальном старении: айтрекинг-исследование	1	21—36
<i>Леонтьев Д.А., Клейн К.Г.</i> Качество мотивации и качество переживаний как характеристики учебной деятельности	4	106—119
<i>Меньшикова Г.Я., Ковалёв А.И.</i> Роль нистагмических движений глаз в формировании иллюзии движения собственного тела ...	4	135—148
<i>Павлова Е.М., Богачева Н.В.</i> Уровневая организация когнитивных репрезентаций рисков у врачей и риелторов	4	32—53
<i>Петренко В.Ф., Дедюкина Е.А.</i> Поиск смысла собственного существования (на материале восприятия и понимания художественного фильма)	4	54—73
<i>Пронина А.С., Григорян Р.К., Каплан А.Я.</i> Движения глаз человека при наборе текста в интерфейсе мозг-компьютер на основе потенциала П300: эффект размера стимула и расстояния между стимулами	4	120—134
<i>Синельникова Е.С., Зиновьева Е.В.</i> Историческая память о 90-х годах XX века в России: психологические аспекты	4	74—88
<i>Фадюшин С.Г.</i> Вероятностная оценка смысла	1	37—54

История психологии

<i>Семенов И.Н.</i> Социокультурная рефлексия столетнего развития российской психологической науки: к 100-летию советской психологии (1918—2018)	4	4—31
--	---	------

Междисциплинарные исследования

<i>Зинченко Ю.П., Еськов В.М., Григорьева С.В., Майстренко В.И.</i> Нейрокомпьютерные модели эвристической деятельности мозга человека	3	109—127
--	---	---------

Обзорно-аналитические исследования

<i>Гордеева О.В.</i> Исследования продолжительности эмоций в западной психологии: сколько «живет» радость?	4	164—177
<i>Салмина Н.Г., Звонова Е.В.</i> Развитие символической функции в концепции диалога культур		24—39
<i>Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Зинченко Ю.П., Долгих А.Г., Ваханцева О.В.</i> Культурная детерминация психического здоровья и психологического благополучия: методологические вопросы	2	3—23
<i>Шелина С.Л.</i> О роли организационной составляющей в процессе формирования действий с заданными свойствами	4	178—195

Методика

- Веракса А.Н., Якушина А.А. Апробация методики «Исследование мысленного представления движений у детей» (*Movement Imagery Questionnaire for Children*) 1 70—80
- Расказова Е.И. Апробация русскоязычной версии шкалы отказа и смены цели 2 100—117
- Сидоров К.Р., Васильев И.А. Методика исследования содержания целей человека 3 90—108

Психология — практике

- Погожина И.Н., Симонян М.С., Агасарян М.Б. Проблема сопровождения индивидуальных траекторий обучения в эпоху цифрового детства 2 40—55
- Федунина Н.Ю., Грушко А.И., Ковалева А.В., Банников Г.С. Случай консультирования по поводу спортивной травмы на основе метода Пьера Жане 2 56—75

Рецензии

- Мазилев В.А., Стоюхина Н.Ю. Времен связующая нить: о книге С.Г. Геллерштейна «Методология психотехники» 1 81—86

Юбилеи

- К 70-летию Ирины Георгиевны Кокуриной 2 118—120
- К 100-летию Зои Алексеевны Решетовой 4 196—197

Некрологи

- Памяти Нины Федоровны Талызиной
(28.01.1923—06.01.2018) 1 87—89
- Памяти Татьяны Гавриловны Стефаненко
(24.11.1949—28.01.2018) 1 90—92
- Памяти Юрия Михайловича Жукова (05.07.1945—18.03.2018) . . . 1 93—95

- Указатель статей*, опубликованных в «Вестнике Московского университета. Серия 14. Психология» в 2018 г. 4 198—200